

СЛАВЯНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA
SLAVICA

Б. Н. ФЛОРЯ

**У ИСТОКОВ
РЕЛИГИОЗНОГО
РАСКОЛА
СЛАВЯНСКОГО МИРА
(XIII век)**

УДК 2-86(47+57)«12»

ББК 86.372

Ф73

Флоря Б. Н.

Ф73 У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). — СПб.: Алетейя, 2004. — 222 с. — (Серия «Славянская библиотека»).

ISBN 5-89329-681-8

В книге рассказывается о драматических событиях, которые привели в XIII веке к расколу славянского мира на две враждебные части, каждая из которых сформировала для себя образ «врага» по другую сторону барьера, расколу, связанному с конфликтом между приверженцами двух главных христианских конфессий — католической и православной. Автор выясняет, действие каких внутренних и международных факторов привело именно к такому результату.

УДК 2-86(47+57)«12»

ББК 86.372

ISBN 5-89329-681-8

9 785893 296815

© Б. Н. Флоря, 2004

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2004

© «Алетейя. Историческая книга», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорошо известно, что, по крайней мере, с середины XI в. антагонизм двух главных христианских конфессий, постепенно обостряясь, накладывал все более сильный негативный отпечаток на развитие отношений между разными частями средневекового христианского мира. Особенно долговременным и трагическим по своим последствиям оказался этот антагонизм для славянского мира, поставив по разные стороны четко очерченного барьера ранее близкие между собой по языку и культуре и развивавшиеся в сходных исторических условиях народы. Неудивительно, что эта тема, так или иначе, затрагивалась в целом ряде исследований, результаты которых ясно указывают на XIII в. как переломный период, когда в области конфессиональных отношений между славянскими народами произошел решительный переход от мирного сосуществования к обостренной конфронтации. Вместе с

тем, в научной литературе развитие этого антагонизма рассматривалось до сих пор в локальном плане, применительно к отдельным странам, а с другой стороны, — слишком общо, без учета различий в представлениях и позициях отдельных частей общества. Исследователи справедливо уделяли большое внимание тому, как усиление религиозной конфронтации отражалось на развитии политических отношений между соседними странами, но при этом в тени, на заднем плане, оставался вопрос о том, как нараставший антагонизм осмыслялся общественным сознанием, какой отпечаток это накладывало на существующий в общественном сознании «образ мира» и какие факторы оказывали влияние на развитие взаимной отчужденности.

При рассмотрении данной темы исследователи закономерно уделяли самое серьезное внимание политике папства. В свете имеющихся исследований огромная роль, которую сыграло папство в углублении и обострении религиозного антагонизма в славянском мире, не подлежит сомнению. При этом, однако (сказанное далее относится прежде всего к советской историографии), папство неоднократно выступало как сила, цели, методы и представления которой оставались практически неизменными на протяжении всего XIII века. Кроме того, нет четкого ответа на вопрос, почему политика папства оказалась столь эффективной, почему общественное сознание католических стран именно в этом столетии подчинилось идейному влиянию, идущему из Рима.

Важным достижением исследователей является представление о сложности развития межконфессиональных отношений в XIII столетии, когда наряду с взаимным отталкиванием проявлялись тенденции к взаимному сближению, находившие свое выражение в попытках заключения церковной унии с Римом со стороны целого ряда славянских православных государств. Если мотивы, вызывавшие к жизни подобные проекты, представляются в настоящее время достаточно ясными, то углубленного исследования заслуживает вопрос о причинах их неудачи и роста враждебности в славянских православных странах по отношению к латинскому миру.

Разумеется, неясные места и пробелы в изучении темы в огромной степени связаны с односторонностью источников, достаточно полно освещающих одни стороны исторического процесса и содержащих подчас случайные отрывочные сведения о других. Как представляется, попытка рассмотрения интересующего нас исторического явления в масштабах всего славянского мира поможет, с одной стороны, до известной степени преодолеть эти трудности за счет новых возможностей, которые появляются при сопоставлении сходных явлений, развивающихся в разных исторических условиях, а с другой — составить более четкое представление об ограниченном объеме имеющихся знаний и основанных на них выводов.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ СРАЗУ ПОСЛЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ В 1054 г.

Вопрос о том, как отразился разрыв между Римом и Константинополем на отношениях между славянскими странами, оставшимися в орбите православного мира, и их католическими соседями, не во всех случаях поддается решению.

Так, достаточно сложным оказывается оценить положение, сложившееся в Болгарии. На первый взгляд, ситуация выглядит достаточно простой. Иерархи, возглавлявшие болгарскую церковь, не только безоговорочно стали на сторону Константинополя, но и активно участвовали в выработке той позиции, которую заняла в разразившемся конфликте византийская церковь. Так, охридский архиепископ Лев, глава болгарской церкви в середине XI в., был автором известного послания с обличениями латинян, послужившего одним из толчков к окончательному разрыву меж-

ду церквями. Один из его преемников, Феофилakt, занимавший охридскую кафедру в конце XI — начале XII вв., был также автором специального трактата о заблуждениях латинян, фрагменты из которого он нашел нужным включить и в написанный им текст жития патрона кафедры — святого Климента¹.

Однако следует учитывать, что Болгария была завоеванной страной, в которую стоявшие во главе Болгарской церкви иерархи присылались из Константинополя. Оба упомянутых выше иерарха не только находились до своего назначения в Константинополе, но и принадлежали к клиру главного храма Константинопольской патриархии — собора святой Софии². Неудивительно поэтому, что их отношение к латинянам совпадало с отношением верхушки византийского духовенства. Выраженная ими точка зрения была, разумеется, официальной и признанной, однако в какой мере она действительно проникла в сознание подчиненного болгарского населения?

Взгляды и стремления широких кругов болгарского общества в эпоху византийского господства находили, как известно, свое выражение в

¹ См.: Милев А. Жития на св. Климент Охридски. София, 1961. С. 44–45, 51.

² См.: Златарский В. Н. История на българската държава през средните векове. Т. 2. София, 1972. С. 42–43, 263–264.

апокрифических текстах, появившихся главным образом во второй половине XI в., в которых идеализированное представление прошлого сочеталось с пророчествами о грядущем торжестве в будущем. Заслуживает внимания, что в этом слое текстов не обнаруживается каких-либо выпадов против латинян, напротив, в так называемой Болгарской апокрифической летописи имеется явно вымышленное сообщение о том, как праведный правитель Болгарии «святой» Петр, спасаясь от нашествия иноплеменников «бежа на западь въ Римь и тоу сконча житие свое»¹. В других местах того же источника среди вымышленных свидетельств говорится, что царь Константин «насели землю бльгарскую отъ земли западние», а неправедный царь Симеон «погоуби землю бльгарскоую, иероусалимскою и римьскоую»². Во всем этом трудно видеть проявление враждебного отношения к латинянам: «святой» царь находит приют на «западе» в Риме, с «запада» заселяют болгарскую землю, ее одновременно с «римской» разоряет дурной правитель. В той же связи стоит отметить, что в 1072 г. восставшие болгары пригласили на болгарский трон Константина Бодина, сына зетского князя Михаила. Владения Михаила Зетского входили в сферу юрисдикции

¹ *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 284–285.

² Там же. С. 285–286.

римской церкви, а сам он в 1077 г. признал себя ленником папы Григория VII. Антилатинская агитация византийских иерархов, по-видимому, потому не нашла для себя благоприятной почвы в южнославянской среде, что с латинянами местное население, по существу, не сталкивалось, а его главным врагом (помимо покорителей — греков) были постоянно вторгавшиеся из-за Дуная кочевые племена.

Чтобы объективно оценить, какие взаимоотношения сложились между странами славянского мира разной конфессиональной ориентации после 1054 г., есть смысл специально рассмотреть имеющиеся данные об отношении к латинскому миру Древней Руси, страны, входившей в зону культурно-религиозного влияния Византии, но политически независимой от Константинополя.

Во второй половине XI в. верхушка духовенства Киевской митрополии включала в свой состав целый ряд греческих иерархов, среди которых были образованные люди, принимавшие участие в выступлениях против латинян. Одним из них был Лев, митрополит Переяславля Русского, написавший трактат о служении на опресноках, по-видимому, в 60-х гг. XI в.¹ Вероятно, благодаря стараниям этих образованных людей были предприняты переводы целого ряда грече-

¹ См.: *Poppe A. Le traité des azymes: Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσσίᾳ Πρεσβυλάβας quand, où et par qui a il été écrit / Byzantion. T. 35. Bruxelles, 1965.*

ских сочинений с перечнем «вин» латинян, прежде всего, послания Михаила Керулария антиохийскому патриарху Петру¹. Весьма существенно, что представители духовенства не только сами выступали с обличениями латинян, но и стремились воздействовать в этом духе на светскую часть общества. Об этом свидетельствует, в частности, ряд посланий духовных лиц «о вере латинской», адресованных князьям — членам княжеского рода Рюриковичей. Автором одного из таких посланий был игумен Киево-Печерского монастыря преподобный Феодосий. Этот факт показывает, что воззрения греческих иерархов разделяли уже во второй половине XI в. и влиятельные круги собственно древнерусского духовенства.

Знакомство с этими посланиями показывает, что их авторам был хорошо известен ряд возникших на греческой почве обличительных антилатинских сочинений. В соответствии с антилатинской направленностью этих сочинений составители посланий обвиняли латинян не только в отступлении от христианской догматики и принятого ритуала совершения важнейших обрядов, но также в нарушениях поста, несоблюдении пищевых запретов и норм брачных отношений. Среди обвинений были

¹ См.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 71.

и явно не соответствовавшие действительности, например, что латиняне «икон не целуют, ни святых мощей», «икон святых в церкви не держат, но только распятие едино»¹. Их появление в посланиях говорит о том, что отрицательный образ «латинян» в кругу русского духовенства складывался, в большей мере под воздействием «обличительной» литературы, а не реальных контактов.

В целом чтение такой литературы приводило местных духовных лиц к выводу о том, что «латинская ересь» по своим вредным последствиям может быть вполне сопоставлена с самыми вредными противостоящими ортодоксальному христианству учениями. «Погибели полна вера их и делеса их, его же ни жидове творять, то они творять», — писал преподобный Феодосий Печерский киевскому князю Изяславу Ярославичу².

Из такой установки вытекали и определенные практические выводы. Православным, разъяснял преподобный Феодосий Печерский князю Изяславу, следует всячески избегать общения с латинянами «и всего их обычая и норова гнушаться и блюстися», с ними «в едином съсуде ясти, ни нити, ни борошна их приимати»³. Послания эти ни в коей мере не были риторическими

¹ *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 16, 75.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 16.

упражнениями. Создавая и адресуя их князьям, древнерусские клирики рассчитывали, что им удастся таким образом пресечь контакты между латинянами и светской частью древнерусского общества. Неслучайно послание киевского митрополита Никифора Владимиру Мономаху заканчивалось пожеланием, обращенным к адресату: «Прочитай же, княже мои, не единою ни дважды, но и множицею, и ты, княже, и сынове твои»¹.

Отзвуки такой же позиции нетрудно обнаружить и в среде верхушки духовенства соседних с Русью латинских стран. Так, в написанном, по-видимому, около 1147 г. послании краковского епископа Матвея знаменитому французскому проповеднику Бернарду Клервосскому «народ русский» характеризовался как «заблуждениями различными и порочною еретической от порога обращения своего пропитанный», в соответствии с установками латинской полемической литературы ему ставилось в вину использование при совершении Евхаристии квасного хлеба и незнание принятого в латинском мире обряда конфирмации².

¹ Там же. С. 73.

² Об этом памятнике см. подробнее: Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервосскому об «обращении русских» / Пер. и изд. Н. И. Щавелевой // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 113–117.

Однако далеко не все духовенство по обеим сторонам возникавшей конфессиональной границы стояло на столь жесткой и бескомпромиссной позиции. Целый ряд фактов, установленных исследователями литературных текстов и памятников искусства, говорит о наличии у древнерусского духовенства достаточно оживленных контактов с духовной жизнью соседних католических стран. Особого внимания заслуживают контакты между древнерусским духовенством и бенедиктинским монастырем на р. Сазаве в Чехии, приходящиеся уже на время после формального разрыва между Римом и Константинополем. Неопровержимым свидетельством этих связей является сообщение Сазавской хроники о том, что в 1095 г. в основание одного из престолов, поставленного в монастыре храма, были положены частицы мощей Бориса и Глеба¹. Такие реликвии могли попасть в Сазаву лишь из храма в Вышгороде под Киевом, где хранились мощи этих русских святых. Есть все основания полагать, что именно благодаря связям Сазавы с древнерусскими обителями на русскую почву попали не только тексты житий первых чешских святых — Вацлава и Людмилы, но и ряд обращавшихся в среде бенедиктинского монашества па-

¹ См.: Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., комм. и пер. А. И. Рогова. М., 1970. С. 14.

мятников латинской культуры более раннего времени, таких, как житие основателя ордена Бенедикта Нурсийского и «Беседы на Евангелия» папы Григория Великого¹. О духовных контактах с латинским миром говорит и учреждение на Руси в конце XI в. праздника в честь перенесения мощей святого Николая из Мир Ликийских в Бари (в Южной Италии). По сути дела, имело место похищение латинянами мощей православного святого. Неудивительно, что такого праздника не знают ни византийская, ни другие православные церкви. Однако Русь приняла этот праздник, и здесь в конце XI в. была составлена посвященная ему особая служба, в одной из стихир которой указывалось, что святой «иным овцам посылается латинскому языку»². В «Хождении» черниговского игумена Даниила, посетившего в начале XII в. святые места в Палестине, находившейся в то время под властью крестоносцев-латинян, не обнаружено каких-либо выпадов по их адресу. Напротив, он благожелательно отзывался о иерусалимском

¹ См.: *Rogov A. I. Slovanské legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi // Staroslověnské legendy českého původu. Nejstarší kapitoly z dějin česko-ruských kulturních vztahů. Praha, 1971. S. 16–20.*

² *Шляпкин И. Русское поучение о перенесении мощей Николая чудотворца и его отношение к западным источникам // Памятники древней письменности. Вып. 10. СПб., 1881. С. 21.*

короле Балдуине I Фландрском, принявшем его «со тщанием и любовью»¹.

Еще более выразительную картину рисуют связи в области сакрального искусства. Как выяснилось, к культуре романского мира восходит появившаяся на древнерусской почве техника строительства из крупных тесаных каменных блоков, тип круглой церкви — ротонды, засвидетельствованный рядом памятников в западных русских княжествах — на Волыни, в Галицкой и Смоленской землях, а также скульптурный декор ряда храмов Владимиро-Суздальской земли². Широко попадали на Русь и предметы западноевропейского художественного ремесла. Среди них были изделия, связанные не только с бытом, но и с отправлением культа: дарохранительницы, ларцы — реликварии, оклады богослужебных книг с изображениями на темы Священной истории. Правда, большая часть этих предметов найдена в археологических раскопках, однако так называемый большой сион — дарохранительница, изготовленная в мастерской кельнского мастера Фредерикуса, находилась со второй половины XII в. в Успенском соборе Владимира на

¹ Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 74.

² См. об этом подробнее: Лазарев В. И. Искусство средневековой Руси и Запад (XI–XV вв.). М., 1970. С. 32 и сл.

Клязьме, откуда попала затем в Успенский собор г. Москвы.¹ Важно, что, по общему заключению исследователей, наиболее широкий характер эти контакты с романским миром имели в конце XII — начале XIII вв., т. е. на протяжении домонгольского периода они не сокращались, а расширялись.

В связи с отмеченными фактами приобретает значение запись в Лаврентьевской летописи под 1194 г. об обновлении ростовским епископом Иоаном церкви Богородицы в Суздале. Рассказывая об этом событии, летописец нашел нужным отметить, что храм был обновлен «молитвою святое Богородицы и его верою, а иже не ища мастеров от Немець, но налезе мастера от клеврет святое Богородицы и своих»². Очевидно, что уже в конце XII в. практика привлечения мастеров из чужого — латинского мира вызывала настороженное отношение некоторых кругов церковной иерархии, и, следовательно, их привлечение в значительной мере следует связывать с инициативой светских заказчиков — патронов соответствующих храмов. Это заставляет возвратиться к вопросу о том, каковы были отношения с лати-

¹ Подробнее см.: *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.) М., 1966.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. М., 1962. Стб. 411.

нянами — западными соседями у светских верхов древнерусского общества.

Выше уже говорилось о рекомендациях всячески ограничить контакты с латинским миром, которые отдельные представители верхушки духовенства адресовали древнерусским правителям. Среди них не последнее место занимало требование не вступать в брачные союзы с иноверными династиями. «Своих же дъщерей не даяти за не, ни у них поимати, ни брататися с ними», — писал преподобный Феодосий Печерский Изяславу Ярославичу¹. Позднее аналогичные советы адресовал древнерусским князьям киевский митрополит Иоанн II². Однако обращение к известным фактам о брачных союзах древнерусских князей показывает, что эти советы не принимались во внимание.

Во второй половине XI — начале XII вв. брачные связи рода Рюриковичей с княжескими династиями Польши, Венгрии, Германии, государств Скандинавии были делом обычным. Именно в это время внука Ярослава Мудрого Евпраксия стала женой императора Генриха IV, главы Священной Римской империи³. В начале

¹ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие... С. 16.

² См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 6. . 2-е изд. СПб., 1908. Приложение. С. 142.

³ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 43, 46, 53, 124–125, 146.

XII в. перестали заключаться брачные союзы с германскими князьями, а с середины XII в. — с представителями княжеских династий в Скандинавии¹, но это следует связывать не с ростом религиозной нетерпимости, а с сужением ареала внешнеполитических интересов древнерусских правителей в условиях прогрессировавшего феодального раздробления Руси. Гораздо более важно, что столь же часто, как и раньше, продолжали заключаться брачные союзы с членами княжеских семей в Польше и королевской семьи в Венгрии и браки с представителями чешской династии Пржемысловцев². К этому следует добавить, что в наших источниках имеются и отдельные сведения о брачных союзах с отпрысками древнерусских родов, заключенных представителями польской и венгерской знати³.

Различия между конфессиями в княжеской среде явно не рассматривались как серьезный барьер на пути взаимного общения. Характерно, что в своем послании Изяславу Ярославичу преподобный Феодосий Печерский нашел нужным полемизировать с утверждением, что «сию веру и ону Бог дал есть»⁴. Учитывая, кому послание

¹ См.: Там же. С. 154.

² См.: Там же. С. 151–153, 157–158, 160, 167–169, 179, 183.

³ См.: Там же. С. 151, 168–169.

⁴ *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие... С. 17.

адресовано, можно полагать, что печерский игумен оспаривал воззрение, распространенное именно в княжеской среде. Такое предположение можно подкрепить тем, что параллель к этому утверждению мы находим на страницах летописи в относящемся к 1149 г. обращении польских князей и хорватского бана Белуша — союзников Изяслава Волынского к Юрию Долгорукому. Призывая суздальского князя заключить мир, они ссылались на то, что «мы есмы по Бозе все крестьяне, одна братье себе, а нам подобает всим быти с себе»¹.

Более подробные сведения об ориентации княжеской среды в интересующих нас вопросах могут быть извлечены из исторических памятников, созданных на протяжении XII в. как на Руси, так и на территории соседних западно-славянских стран. Хотя в целом ряде случаев эти исторические хроники писались духовными лицами (по отношению к польским и чешским хроникам и некоторым летописным сводам это можно утверждать с полной определенностью), но эти клирики были связаны с княжеским двором и ориентировались на его интересы. Анализ этих трудов, осуществленный в недавнее время А. И. Роговым², показал, что в польских хрониках Галла Анонима (начало XII в.)

¹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 387.

² См.: Рогов А. И. Отражение в идеологической жизни славян разделения церквей в 1054 г. (XI–XIII вв.) // *Studia balcanica*. Т. 20. София, 1991. С. 88–90.

и краковского епископа Винцента Кадлубка (начало XIII в.) русские не называются «схизматиками», и в этих хрониках не содержится каких-либо выпадов против их веры. Аналогичным образом обстоит дело и с древнерусскими летописями¹. Здесь, пожалуй, особенно существенно, что, излагая причины вспыхивавших конфликтов, авторы исторических повествований с обеих сторон не прибегали к такому аргументу, как необходимость насаждать истинную веру и искоренять ложные учения.

Ряд показательных деталей говорит о далеко заходившей взаимной терпимости и уважении к духовным ценностям другой стороны. Прежде всего, здесь следует сказать о чувстве общехристианской солидарности, проявлявшемся при столкновении христианского мира с мусульманами или язычниками. В этой связи В. Т. Пашуто справедливо привлек внимание исследователей к свидетельству «Магдебургских анналов» о походе против язычников-прусов польского князя

¹ Правда, автор повествования о крещении Владимира вложил в уста крестивших его греческих священников назидания в духе антилатинской полемической литературы «Не преимай же учения от латын, их же учение возвращено» — Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л. 1950. С. 79–80), но при описании контактов русских правителей с их западными соседями такие мотивы полностью отсутствуют.

Болеслава Кудрявого вместе с русскими войсками. Хотя немецкий хронист и сделал оговорки, что русские отмечены «... возможно, и меньше, чем католики, печатью имени христианского», но он же подчеркнул, что они выступили в поход «по бесценной воле Божьей» и «с достойной удивления преданностью делу»¹. Еще более выразительна в этом плане запись в Ипатьевской летописи под 1190 г. о немецких рыцарях — участниках третьего крестового похода. По словам летописца, императора Фридриха Барбароссу призвал идти в поход посланный ему Богом ангел, немецкие рыцари, погибшие в боях с сарацинами «яко мученици святии прольяше кровь свою за Христа», и летописец верит, что их тела «из гроб их невидимо ангелом Господним взята бывахоуть»². В том же летописном своде под 1149 г. помещено известие о том, что во время похода Изяслава Волынского с Болеславом Кудрявым на Юрия Долгорукого в 1149 г. польский князь «пасаше... сыны боярьскы мечем многы»³, а ведь посвящение в рыцари было своего рода религиозным обрядом и сопровождалось освящением оружия.

К этому следует добавить убеждение в чудотворной силе реликвий, находившихся в «чужих» руках. В той же Ипатьевской летописи помещен рассказ о том, как галицкий князь Владимир

¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 332.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667–668.

³ Там же. Стб. 386.

Володаревич в 1152 г. приносил клятву верности венгерскому королю на кресте, «его же Бог привел по своей воли к святому Стефану» — крестителю венгров — предку королевской семьи¹, и как он был наказан смертью чудотворным крестом за нарушение клятвы². После сказанного не могут удивлять сообщения о вкладах древнерусских правителей в католические монастыри. Так, известно о богатых дарах посетившему Киев в конце XI в. ирландскому монаху Маврикию — на деньги, вырученные от их продажи, была закончена постройка монастыря святого Якова и Гертруды в Регенсбурге³. В конце XII в. Роман Мстиславич Галицкий дал 30 марок серебра бенедиктинскому монастырю святого Петра в Эрфурте⁴.

Подводя итоги всему сказанному, можно сформулировать следующие выводы. На протяжении второй половины XI–XII вв. конфессиональное

¹ В этом месте летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452) наименование Стефана святым вложено в уста венгерского короля, но в дальнейшем изложении уже воевода Петр, посол Изяслава Волынского, говорит о кресте, который «привел Бог по своей милости к святому Степану» (Там же. Стб. 462).

² См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452–454.

³ См.: *Шайтан М. Э.* Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 1 (34). Л., 1927.

⁴ См.: *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 485.

противостояние Рима и Константинополя было перенесено и на славянскую почву, но на данном этапе развития оно было характерно прежде всего для отношения друг к другу некоторых кругов славянского духовенства обеих конфессий. Такое противостояние не охватывало, однако, всего общества. Отношения между светскими верхами общества Древней Руси и ее западных соседей, в особенности, отличались взаимной заинтересованностью, терпимостью, отсутствием конфессиональной предвзятости. Неслучайно в ориентированных на интересы именно этой социальной среды исторических сочинениях мы вовсе не находим выпадов против православной и католической веры. В сфере ее жизни, связанной с религией, широко использовались сакральные предметы из чужого мира.

В данном случае речь идет о контактах двух миров, достаточно четко отделенных друг от друга разного рода границами. Свои особенности имелись там, где перекрещивались идущие из этих миров культурные традиции и на одних территориях существовали церкви, принадлежавшие к разным конфессиям. Одна из таких зон охватывала сербские земли. Возникновению здесь острой конфронтации миров препятствовали некоторые особенности сознания далматинских городов — той среды, где вырабатывались разные идеи, распространявшиеся затем по прилегающим сербским и хорватским землям. Здесь

представление о церковной связи с Римом сочеталось с не менее старым и прочным представлением о связи с Византийской империей. Последний компонент с течением времени не только не отходил на задний план), но имел тенденцию усиливаться в благоприятных исторических условиях. Так, даже в историческом памятнике середины XIII в. — хронике Фомы Сплитского, написанной в эпоху упадка византийского великодержавия на Балканах, помещены (в XXI главе) похвалы мудрому правлению императора Мануила Комнина и рассказы о преданности ему жителей Сплита. Одновременно в этих рассказах выражалась преданность папе, а в заслугу императору ставился любезный прием, который он оказал в Константинополе сплитскому архиепископу Райнерию.¹

Такие взгляды были присущи сознанию образованной элиты городов не только хорватского, но и сербского Приморья. Во вводной части «Летописи попа Дуклянина» — памятника, созданного в одном из главных центров этого региона — городе Баре, помещен вымышленный рассказ о суще-

¹ См.: Thomas archidiaconus. *Historia salonitana* // *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*. Vol. 36. Zagreb, 1894. P. 73. Документ, составленный в Сплите в 1178 г., был датирован 11-м индиктом правления «благочестивейшего императора Мануила» (*Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae* (далее — CDS). Т. 2. Zagrabiae, 1906. N 153).

ствовавшем некогда в прошлом королевстве Святотопка (в его состав входили и сербские, и хорватские земли). Согласно этому рассказу, после принятия жителями королевства христианства его религиозные и политические учреждения были созданы на основе изучения «древних привилегий», тексты которых были доставлены из Рима и Константинополя, при участии папских легатов и послов византийского императора Михаила¹. Если, как полагают некоторые исследователи, создание этой легенды отнести к XIV в.², то это было бы еще более веским свидетельством устойчивости тех воззрений, о которых говорилось выше.

Отношения между церквями на сербских землях в XI–XII вв. отличались особой сложностью. Здесь не только сталкивались границы сфер юрисдикции церковных центров разных конфессий, но и сами эти центры постоянно выдвигали притязания на земли, находящиеся в ведении другой церкви. Византийская митрополия в Диррахиуме притязала на господство над католическими епископиями сербского Приморья, ссылаясь на решения императора Льва III, которые не признавала римская курия, а учрежденная в 1089 г. католическая митрополия в Баре стремилась расширить

¹ См.: Ljetopis popa Duklanina. Zagreb, 1950. S. 50–56.

² См.: Летопис попа Дукланина / Увод, предговор и коментар С. Мијушковић. Београд, 1967.

сферу своей юрисдикции на земли континентальной Сербии, входившие в сферу действия православного архиепископства в Охриде¹.

Учитывая, что главный источник, содержащий сведения о жизни сербских земель в XI–XII вв., «Летопись попа Дуклянина», был написан клириком, связанным с интересами митрополии в Баре, можно было бы ожидать, что соперничество, о котором говорилось выше, отразится на страницах этого труда, и его составитель будет зорко следить за связью между политическими успехами отдельных правителей и распространением той конфессии, к которой они принадлежат. С этой точки зрения особый интерес представляют заключительные разделы памятника, посвященные описанию борьбы за власть на территории прилегавшей к Приморью Зеты. В этой борьбе участво-

¹ См. новейший очерк церковных отношений в этом районе: *Калић Ј.* Црквене прилике у српским земљама до стварања архиепископије 1219 године // Сава Неманић — Свети Сава. Историја и предање. Београд, 1979. К этому следует добавить существование приверженцев разных конфессий даже в пределах одного центра. Так, в православном Диррахииуме существовал «archidiaconus Latinorum», осуществлявший церковное управление местной католической общиной. *Sufflay M.v.* Die Kirchenzustände im vortürkischen Albanien: Die orthodoxe Durchbruchzone im katholischen Raume // *Illyrisch Albanische Forschungen*. Bd. 1. München; Leipzig, 1916. S. 198–199.

вали не только представители разных ветвей местной династии, исповедовавшей католицизм, но и православные правители Рашки. Знакомство с ними показывает, что конфессиональные пристрастия автора не находят в имеющихся текстах никакого отражения. Более того, его одобрительной оценки удостоиваются такие правители, как Владимир, возведенный на престол жупаном Рашки Вуканом и женатый на его дочери, а также Грубеша и Градихна, занявшие трон при прямой поддержке византийского императора¹: все они обеспечивали мир в стране и справедливо правили народом. Из самого повествования барского клирика, не располагая другими данными, вообще нельзя было бы сделать вывод, что участвовавшие в событиях византийские полководцы и князья Зеты принадлежали к разным конфессиям.

Такие особенности повествования наиболее естественно было бы объяснить тем, что отношения между сербскими правителями и знатью разных конфессий отличались далеко идущей взаимной терпимостью, и это должен был учитывать клирик, адресовавший свой труд высокопоставленной верхушке светского общества Зеты. Вывод, полученный на основе косвенных свидетельств литературного памятника, подкрепляет искусствоведческий анализ памятников сербской культуры конца XII в. Успенский собор Студеницкой

¹ См.: Ljetopis... S. 99, 101, 103.

Лавры (1190 г.), в котором покоится гроб объединителя сербских земель (и православного святого) Стефана Немани, представляет собой обычное для византийского круга крестовокупольное здание, но украшенное скульптурным декором, характерным для романского мира. Евангелие, написанное в конце XII в. для брата Стефана Немани, Мирослава, также украшено изображениями и орнаментом, восходящим к романским образцам¹. Таким образом, взаимная терпимость создавала благоприятную обстановку для обмена культурными ценностями, выработанными культурами с разной конфессиональной ориентацией.

Вместе с тем, ко второй половине XII в. осложнение отношений между конфессиями, по-видимому, стало накладывать известный отпечаток на развитие отношений в регионе. Об этом заставляют думать сообщения биографов Стефана Немани о двух крещениях своего героя. Согласно более подробному сообщению его сына, Стефана Первовенчанного, в детстве Неманя был окрещен в Зете по латинскому обряду, а затем «сподоби се второе крещение приети от руки светителя и архиерея посреде Срьпские земли»². Ни Стефан Первовенчанний, ни его брат, другой биограф Не-

¹ См. подробнее об этом: *Рогов А. И.* Отражение... С. 95.

² *Ђоровић В.* Житије Симеона Неманье од Стефана Первовенчаного // Светосавски зборник. Кн. 2. Београд, 1939. С. 18.

мани — святой Савва, не дали никакого объяснения этому факту (Савва Неманич лишь сравнил два крещения Немани с двумя монашескими обетами, пострижением и принятием схимы)¹. Некоторые возможности для объяснения дает свидетельство так называемой «Хиландарской летописи» — что крещение Немани состоялось на 30-м году жизни². Изучение биографии создателя Сербского государства привело исследователей к заключению, что повторное крещение Немани имело место в то время, когда он стал самостоятельным правителем, получив земли в управление от византийского императора Мануила³. Очевидно, управление православными подданными требовало уже в то время подтверждения своей верности православию от правителя, чья конфессиональная ориентация вызывала сомнения. Возможно, впрочем, что соответствующие требования исходили от византийского двора и не отражали настроений в сербском обществе.

Другой такой промежуточной зоной было Венгерское королевство. Как известно, в середине — второй половине X в. территория этого государ-

¹ См.: *Ђоровић В.* Списи св. Саве. Београд, 1928. С. 173.

² См.: *Стојановић Л.* Стари српски родослови и летописи. Сремски Карловци, 1927. С. 185.

³ См.: *Leśny J.* Studia nad początkami serbskiej monarchii Niemanczów (połowa XI-koniec XII wieku) Wrocław etc. 1989. S. 133, 168.

ства стала объектом миссионерской деятельности одновременно и византийской и латинской церквей¹. Хотя к концу X в. латинская церковь являлась здесь господствующей, государственной, в XI–XII вв. Венгрия занимала особое место в ряду государств латинской Европы. Так, правящая династия Арпадов, исповедовавшая католицизм и поддерживавшая католическую церковь на территории своего государства, одновременно поддерживала тесные связи с Константинополем. Символическим отражением этого особого места Венгрии в европейской системе государств может служить главная королевская регалия этого государства — «корона святого Стефана», которая в своем теперешнем виде представляет собой соединение двух предметов — «латинской» короны, полученной Стефаном от правителей Священной Римской империи, и «византийской» короны, присланной императором Константином IX Мономахом одному из его преемников — Гезе I².

Такая ориентация венгерских правящих верхов наложила свой отпечаток и на возникавшие в этот период памятники местной агииграфии. Например, в так называемом «Большом житии»

¹ См.: Шушарин В. Л. Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 164–168.

² Kovacs E., Lovag Z. Die ungarischen Krönungsinsignien. Budapest, 1981. P. 18–19.

святого Стефана — апостола венгров, написанном в связи с его канонизацией в 1083 г., содержится рассказ о том, как Стефан построил христианские храмы одновременно в Иерусалиме, Риме и Константинополе, названном при этом «царствующим градом»¹. В другом житии Стефана, написанном в начале XII в. епископом Хартвиком, в рассказе о смерти его сына Эмерика говорится о некоем «греческом епископе», который видел, как душу покойного уносят на небо ангелы².

Упоминание о «греческом епископе» позволяет обратиться к другим аспектам взаимоотношений приверженцев двух конфессий на территории Венгрии. Специфической чертой межконфессиональных отношений в этой стране было сосуществование на одной территории двух церковных иерархий — латинской и византийской. Еще до принятия католицизма основной массой венгров в середине X в. на южных территориях будущего Венгерского королевства возникло православное епископство, патроном которого был святой Дмитрий³. После принятия венграми католицизма и создания венгерской церковной провинции католической церкви особая церковная орга-

¹ См.: *Scriptores rerum Hungaricarum*. T. I. Budapest, 1937. P. 386.

² См.: *Ibid.* P. 428.

³ См.: *Пушарин В. П.* Христианизация... С. 164–165.

низация православных не только не исчезла, но, напротив, епископство превратилось в митрополию. В синодальном решении Константинопольской патриархии от января 1028 г. упоминается Иоанн, митрополит «Туркии» (Турцией в византийских источниках X–XI вв. часто называли Венгрию)¹.

Источники, главным образом первой половины XIII в., свидетельствуют о том, что еще к этому времени на территории Венгерского королевства существовал целый ряд православных монастырей, мужских и женских². Один из этих монастырей — святого Дмитрия в Сремской Митровице, король Бела III в 90-х гг. XII в. подарил лавре святого Феодосия в Иерусалиме, где скончалась при поездке к святым местам мать короля³. Помимо монастырей в южных частях королевства должны были существовать и приходские храмы, обслуживавшие духовные нужды проживавшего здесь православного

¹ См.: *Oikonomides N.* A propos des relations ecclesiastiques entre Byzance et la Hongrie au XI siècle. Le Metropolit de Turquie // *Revue des études Sud est europeens*. IX. 1971. P. 527–533.

² См.: *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 111–115; *Iwanka E.* Griechische Kirche und Griechische Mönchtum im mittelalterlichen Ungarn // *Orientalia Christiana periodica*. VIII. № 1/2. Roma, 1942.

³ См.: *Moravcsik Gy.* Byzantium... P. 114–115.

южно-славянского и влашского населения. На территории Венгерского королевства времени Арпадов отмечено около 300 церквей, патронами которых были святые, почитаемые Восточной церковью¹. В 1164 г. императора Мануила Комнина, вступившего на земли Венгерского королевства, приветствовало многочисленное население, державшееся греческого обряда².

В условиях мирного сосуществования между людьми, принадлежавшими к разным конфессиям, на территории Венгрии широко распространялись предметы византийского искусства, не только светского, но и сакрального: изображения на *porta speciosa* кафедрального собора в Эстергоме, построенного в 80-х гг. XII в., были выполнены, как установлено, по византийским образцам³.

Особенный интерес представляют данные об интеллектуальном общении между православным и католическим духовенством на территории Венгерского королевства. Так, известно, что живший в первой половине XI в. епископ Чанада Герард (Геллерт) в своих сочинениях использовал в оригинале сочинения греческих отцов, подлин-

¹ См.: Бонев Ч. О церковной организации в задунайских землях Болгарского государства (IX–XI вв.) // *Studia balcanica*. Т. 20. София, 1991. С. 129.

² См.: Шушарин В. П. Христианизация... С. 178.

³ См.: *Moravcsik Gy. Byzantium...* Р. 129–130.

ные тексты которых не были в то время известны на латинском Западе. По-видимому, он получил их от греческих монахов, проживавших на территории его диоцеза. Еще более многозначителен другой факт. В середине XII в. некий клирик Цербанус сделал перевод на латынь сочинений преподобных Иоанна Дамаскина и Максима Исповедника. Рукопись этих сочинений была им обнаружена в греческом монастыре в Пашто, а перевод поднесен Давиду, аббату одного из крупнейших латинских монастырей на территории Венгерского королевства в Паннонхальме¹. Все это напоминает картину общения монахов из Сазавы с древнерусским духовенством с тем отличием, что там имел место обмен литературой, нейтральной с догматической точки зрения (преподобные Иоанн Дамаскин и Максим Исповедник были крупнейшими представителями православной традиции в богословии), и, кроме того, это не были контакты на почве одного и того же государства.

Наконец, для понимания во всей полноте характера отношений между латинским и православным миром во второй половине XI–XII вв. следует иметь в виду еще одно важное обстоятельство.

Ожесточенные полемики между византийскими и латинскими теологами отражали лишь одну

¹ *Iwanka E. Griechische Kirche... P. 187–190.*

сторону отношений между Византией и латинским Западом на протяжении рассматриваемого периода. Другой ее стороной были неоднократные попытки добиться соглашения, которое положило бы конец расколу. В этих переговорах постоянно участвовали византийские императоры и папы, а подчас в переписку с римскими первосвященниками вступали и константинопольские патриархи. Встречи теологов в ряде случаев также диктовались не только стремлением обличить противника, но и найти почву для взаимного понимания. Уже сам факт ведения таких переговоров способствовал заметному понижению напряженности в отношениях между православным и католическим миром. В числе таких попыток может быть отмечено и обращение римского папы Климента III к киевскому митрополиту Иоанну II (по-видимому, в конце 80-х гг. XI в.). В своем ответе, перечисляя заблуждения латинян, от которых они должны отказаться, чтобы вступить в общение с Восточной церковью, митрополит Иоанн II, однако, именовал своего корреспондента мужем, достойным «апостольского... седанья и званья», недоумевал о том, «кии бес лукавый... и благочестью супостат» привел к разрыву братского единения между церквями, и выражал надежду на то, что, действуя совместно, папа и патриарх Константинопольский смогут все «исправить», «да разрушатся соблазны, и в едином единение быти»¹.

¹ *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие... С. 30–31, 35.

Не следует забывать и о том, что одной из главных целей начавшихся в конце XI в. крестовых походов была помощь восточным христианам в их борьбе с мусульманской экспансией. Ирония судьбы заключалась в том, что эти походы стали источником серьезных осложнений, а затем и резкого обострения отношений между православным и католическим миром, когда объектом нападения стала сама Византийская империя, столица которой в 1204 г. была захвачена крестоносцами. Строго говоря, это было событие не церковной, а светской истории, тем более что римская курия не имела к ним отношения и была явно захвачена врасплох спонтанными действиями крестоносцев.

Однако последствия этого события для истории отношений латинского и византийского миров оказались огромными. Для греков — жителей Византийской империи — падение их государства, ставшего добычей иноземных завоевателей, явилось настоящей трагедией. И трагедия эта усугублялась тем, что завоеватели стали навязывать покоренному населению свою веру. Эта политика после непродолжительных колебаний была решительно поддержана папой Иннокентием III. В Константинополе появился зависимый от папы латинский патриарх, и от греческого духовенства требовали, чтобы оно подчинилось его власти.

Повсюду вместе с латинским бароном на завоеванных землях появлялся латинский священ-

ник, требовавший для себя первенствующего, привилегированного положения. В сознании греческого общества образ «латинянина» стал приобретать черты иноземного агрессора — захватчика, а принятие «латинской» веры становилось символом подчинения иноземной власти. В такой эмоциональной атмосфере сужались возможности для поисков компромисса между приверженцами двух конфессий — православными и католиками, и, наоборот, открывался путь к ожесточенной конфронтации между ними. О глубине этой конфронтации говорят такие факты, как убийства латинских священников и мытье алтарей, на которых они служили, на греческих территориях, освободившихся к концу первого десятилетия XIII в. от власти латинян.

БОЛГАРИЯ И СЕРБИЯ В ЦЕРКОВНОЙ УНИИ С РИМОМ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII в.)

В истории взаимоотношений южно-славянских государств и Рима 1204 год вовсе не был переломной датой. Хотя традиционная идейно-культурная ориентация болгарского и значительной части сербского общества ничем существенно не отличалась от византийской, в те самые годы, когда, после взятия крестоносцами Царьграда, между греками и латинянами разверзлась пропасть, наметилось, напротив, явное сближение южно-славянских государств с Римом. Причины этого сближения следует искать в тех сложных условиях, в которых шло развитие болгарской и сербской государственности на рубеже XII–XIII вв. Второе Болгарское царство возникло в результате восстания населения болгарских земель против византийской власти. Сербское государство сложилось на основе объединения в единое целое ряда мелких княжеств, находив-

шихся ранее в зависимости от Византийской империи. К концу XII в. оба государства добились того, что их независимость была признана Византией, и они успешно расширяли свои позиции на Балканах за счет слабевшей империи. Однако оба они с политической точки зрения были новообразованиями, не имевшими своего законного признанного места в традиционной политической структуре региона. Царский титул новых болгарских правителей не был санкционирован какой-либо высшей церковной или светской властью христианского мира, а титул «великий жупан», который носил объединивший сербские земли Стефан Неманя, не имел никаких соответствий принятым в Европе титулам.

Оба государства, упрочив политическую самостоятельность, хотели бы обладать и самостоятельной церковной организацией. В Болгарии, где после начавшегося восстания представлялось совершенно невозможным сохранять зависимость болгарского духовенства от находившегося на византийской территории и назначавшегося византийским императором архиепископа Охридского, решение вопроса нашли в том, что несколько епископов, оказавшихся под властью восставших, поставили в столице государства Тырнове некоего священника Василия в архиепископы. Василий стал главой самостоятельного архиепископства, юрисдикция которого распространялась на всю территорию возрожденного Болгарского

царства¹. Все это было самочинным актом, принятым без согласия Охриды, от которой отделились вошедшие в состав Тырновского архиепископства диоцезы, и, разумеется, без санкции константинопольского или кого-либо из других восточных патриархов. В глазах соседних православных церквей архиепископ Василий являлся незаконным узурпатором.

Были причины для недовольства положением и у сербских правителей. На подвластных им землях имелось лишь одно православное епископство с центром в Расе, подчиненное также Охридскому архиепископству. Освободиться законным путем от церковной зависимости по отношению к Византии представлялось маловероятным, и уже поэтому взгляды южно-славянских правителей должны были обращаться в сторону Рима. Наконец, у сербских правителей была еще одна важная причина для установления контактов с папским престолом. К концу 80-х гг. XII в. Стефану Немане удалось подчинить своей власти территорию сербского Приморья, и встал вопрос о каком-то урегулировании отношений между властью «великого жупана» и католическими епископствами в подчинившихся его верховенству городах на Адриатическом побережье. Первоначально утверждение власти православных

¹ См.: *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия, София, 1924. Т. 1. С. 89.

правителей Рашки над территорией Поморья не обошлось без конфликтов с местными католическими учреждениями. Так, брат Стефана Немани, Мирослав, утвердив свою власть над Захумьем, присвоил себе имущество убитого местной знатью сплитского архиепископа, не допускал местных епископов на их кафедры, не впустил в свое княжество папского легата Теобальда, за что был им отлучен от церкви¹. Одна из причин конфликтов состояла в том, что католическое духовенство Приморья поддерживало местных правителей, с которыми оно было традиционно связано, в их борьбе против экспансии Рашки. Известно, например, что барский архиепископ Григорий в 1189 г. бежал от войск Немани вместе с вдовой последнего зетского князя из местной династии — Михаила и больше не вернулся в свою епархию². В этих условиях для сербского правителя было важно, что курия проявила намерения наладить с ним отношения. Тем же 1189 г. датировано письмо папы Климента III Стефану Немане и его братьям, в котором папа предлагал оказать хороший прием и проявить повиновение при решении церковных дел новому архиепископу Дубровника Бернарду³. По-видимому, Немане удалось в ито-

¹ См. об этом в письме папы Александра III венгерскому королю Беле III от 6 июля 1181 г. CDS. Т. 2. S. 175.

² См.: *Јиречек К.* Историја Срба. Београд, 1952. Т. 1. С. 173; CDS. Т. 2. S. 238.

³ CDS. Т. 2. S. 238.

ге наладить достаточно дружественные отношения с курией. Позднее его сын и преемник Стефан писал папе Иннокентию III, что он намерен всегда следовать за святой римской церковью «как доброй памяти отец мой»¹.

В последние годы своего правления Стефан Неманя стремился укрепить положение своего государства благодаря сотрудничеству с ослабевшей Византией. Верховная власть «великого жупана» была передана им не старшему сыну Вукану, получившему в итоге в удел Зету, а среднему сыну Стефану, зятю византийского императора Алексея III Ангела. Однако, по мере того как империя все более слабела, эта ориентация становилась все менее привлекательной, и сербские правители стали уделять больше внимания контактам с Римом.

Сохранился целый комплекс документов, относящихся к 1199 г., о близких контактах между папой Иннокентием III и правителем Зеты Вуканом Неманичем. Январем 1199 г. датировано письмо Иннокентия III правителю «Далмации и Диоклеи», в котором цитировались слова Вукана, что тот после Бога больше всех чтит свою мать римскую церковь и готов повиноваться во всем ее указаниям². В том же 1199 г. во владения Вукана

¹ *Vetera monumenta Slavorum meridionalium* (далее — VMSM) / Ed. A.Theiner. Romae, 1863. № 11. P. 6.

² См.: VMSM. № 9. P. 5.

были направлены папские легаты, которые созвали в Баре синод местного католического духовенства и провели ряд реформ. Они же привезли паллиум для нового архиепископа Бара Иоанна. Тексты решений синода в сентябре 1199 г. Вукан послал папе, благодаря за присылку легатов и уверяя в своей преданности¹. В этих переговорах с курией принял участие не только правитель Зеты с ее по преимуществу католическим населением. Так, упомянутое выше письмо Иннокентия III Вукану сопровождалось пометой, что аналогичное письмо было отправлено великому жупану и его жене². Из сохранившегося ответа Стефана Неманича видно, что побывавшие в Приморье папские легаты посетили также и его двор и передали ему какие-то предложения папы. Именно в этом письме Стефан говорил о своей покорности римской церкви по примеру отца³.

Какие цели преследовал, начиная эти переговоры, правитель Рашки и каких результатов сумел добиться, позволяет выяснить письмо Иннокентия III от сентября 1204 г. к его легату в Болгарии кардиналу Льву⁴. В этом письме Инно-

¹ См. об этом подробнее: *Станојевић С.* Борба за самосталност католичке цркве у Неманьској држави. Београд, 1912. С. 78 и сл.

² См.: VMSM. № 9. Р. 6.

³ См.: Ibid. № 11. Р. 6.

⁴ См.: Ibid. № 57. Р. 35.

вспоминал, что некогда к нему обратился «благородный муж великий жупан Сербии» с просьбой направить к нему легата, который «обратил бы его к повиновению римской церкви» и возложил на него королевскую корону.

Такая коронация означала бы окончательное утверждение суверенитета Сербского государства и обеспечила ему прочное признанное место среди государств христианского мира, чего не могла уже обеспечить окончательно ослабевшая Византийская империя. Ради достижения этой цели жупан, по-видимому, был готов принять католицизм и побудить к этому своих православных подданных. Не случайно такому шагу предшествовал разрыв его брака с византийской принцессой. Опека престола святого Петра позволила бы сербскому правителю успешно решать и спорные вопросы в отношениях с католическими соседями, в частности, с воинственным баном Далмации Эндре, напавшим в 1198 г. на Захумье и Рашку¹.

Как отмечалось в том же письме, решение о посылке такого легата было уже принято, когда в Риме стало известно, что венгерский король Имре изгнал из Рашки Стефана, возведя на трон великого жупана Вукана, правителя Зеты. После низложения Стефана переговоры с Римом продолжались, но в существенно иных условиях.

¹ Об этом походе см.: CDS. Т. 2. Р. 296.

Речь по-прежнему шла о присылке сербскому правителю королевской короны и о подчинении населения Рашки римской церкви, но сербскую сторону на переговорах представлял уже не великий жупан, а венгерский король. Позднее Иннокентий III вспоминал, что именно венгерский король просил его дать новому жупану королевскую корону¹. При этом венгерский король просил, чтобы были сохранены его светские права («salvo in temporalibus iure tue»). Смысл этой оговорки проясняется из другого письма, где передаются жалобы венгерского короля о нападении болгар на Сербию, «подчиненную его короне»². Тогда же название Сербия появилось в титулатуре венгерских королей³. Таким образом, в новой ситуации королевская корона не сделала бы Вукана суверенным правителем, он должен был оставаться подчиненным верховной власти венгерского короля.

Иной характер приняли и переговоры о церковной унии. Если ранее предполагалось, что в качестве папского легата в Сербию направится кто-либо из советников Иннокентия III и тем самым были бы установлены прямые связи между Сербией и Римом, то теперь обращение сербов в лоно римской церкви должен был осуществить

¹ См.: VMSM. № 56. Р. 34.

² VMSM. № 57. Р. 35.

³ См.: *Јуречек К.* Историја... Т. 1. С. 164,

один из высших духовных прелатов Венгерского королевства архиепископ Калочи. Он должен был наставить в правой вере великого жупана, духовенство и знать Рашки, принять от них клятву верности римскому престолу и освободить их от обязательств по отношению к константинопольскому патриарху¹.

Таким образом, контакты с Римом, которые по замыслу сербских политиков должны были упрочить суверенитет Сербии и укрепить ее положение по отношению к католическим соседям, стали в итоге инструментом, способствовавшим установлению политической (а возможно, и церковной) зависимости Сербии от Венгрии, чему был готов способствовать Вукан Неманич в надежде с венгерской помощью сохранить за собой трон верховного правителя. Неудивительно, что в этой ситуации православная знать Рашки оказала предпочтение Стефану, а с его возвращением на трон переговоры о церковной унии не возобновились². Тем более, что Вукан, его сын Георгий и их приверженцы в борьбе с объедини-

¹ См.: Письма Иннокентия III от марта 1203 г. «великому жупану Сербии» Вукану и архиепископу Калочи. VMSM. № 22–23. Р. 18–19.

² Хорошая сохранность папских архивов за время понтификата Иннокентия III позволяет в данном случае считать аргумент, основанный на умолчании источников, вполне доказательным.

тельной политикой великого жупана искали поддержки у католических соседей. Наиболее ярким доказательством этого может служить договор от 3 июня 1208 г., по которому Георгий, сын Вукана, и другие члены его семьи принесли присягу верности венецианскому дожу, отдав под покровительство Венеции свои владения в Зете¹.

Новые свидетельства о контакте между великим жупаном и Римом относятся к середине второго десятилетия XIII в. К сожалению, сохранившиеся данные крайне скупы. Главным из них является сообщение хорватского хрониста Фомы Сплитского (1216 г.) о том, что Стефан Неманич направил послов к преемнику Иннокентия, папе Гонорию III, с просьбой прислать ему королевскую корону. В ответ на его просьбу папа отправил в Сербию своего легата, который и возложил на сербского правителя королевский венец². Лишь незначительно эти данные дополняет сообщение венецианской хроники Дандоло, из которого можно узнать, что обращению великого жу-

¹ Подробный анализ договора, как и всего комплекса свидетельств о политической борьбе первых десятилетий XIII в. см.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975. С. 206 и сл.

² См.: *Thomas, archidiaconus. Historia salonitana // Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Zagreb, 1894. Vol. 26. S. 91: «Direxit namque legatum a latere suo qui veniens coronavit eum».*

пана в Рим предшествовал его брак с одной из представительниц рода Дандоло, воздействию которой венецианский хронист и приписывал перемены в политике великого жупана¹.

То, что в этих источниках речь идет, прежде всего, о королевской короне, показывает, что новый поворот великого жупана в сторону Рима также преследовал в первую очередь политические цели. Какие именно, можно выяснить, рассмотрев особенности международного положения Сербии в это время. В середине второго десятилетия XIII в. Сербия стала объектом совместных нападений ряда своих соседей.

В 1214 г. на нее напали одновременно болгарский царь Борил, латинский император Генрих и деспот Михаил Эпирский, которых поддержал родственник Борила, севастократор Стрез, владевший землями в районе Охрида. В следующем 1215 г. готовилось совместное нападение на Сербию латинского императора и венгерского короля Эндре II. По свидетельству самого сербского правителя, организаторы этих походов имели далеко идущие цели, желая захватить Сербию и отстранить великого жупана от власти². Правда, первое нападение Стефану удалось отбить, а вто-

¹ См.: *Dandolo Andrea. Chronika venetiarum // Scriptores rerum italicarum. Mediolani, 1728. Т. 12. Col. 340 E.*

² См.: *Јуречек К. Историја... Т. 1. С. 167–168.*

рое предотвратить, добившись соглашения с венгерским королем, но сербские правящие круги были, конечно, встревожены. Попытка в этих условиях поставить свою страну под покровительство римского престола (оградив себя от враждебных выступлений, по крайней мере, католических соседей) представляется вполне естественной. Таким образом, инициатива сербской стороны была вполне вероятной, но очевидно, что она диктовалась чисто политическими, а не какими-либо иными соображениями.

Отсутствие других данных о переговорах не позволяет четко охарактеризовать мотивы действий курии. Лишь в общем виде можно утверждать, что наметившееся к этому времени усиление греческих православных государств на Балканах и в Малой Азии делало актуальной задачу привлечения сербского правителя в лагерь приверженцев Римской церкви, тем более что после подчинения Зеты власти Стефана других путей, ведущих к достижению этой цели, не имелось¹.

Хотя наш главный источник — хроника Фомы Сплитского — не говорит ничего о церковной унии, вряд ли можно сомневаться в том, что получение королевской короны из Рима сопровождалось формальным подчинением сербской церкви верховной власти папы.

¹ См. соображения Е. П. Наумова (Господствующий класс... С. 212 и сл.).

Дальше этого дело, по-видимому, не пошло. Так как сближение Стефана Неманича с Римом определялось политической конъюнктурой, то неудивительно, что, когда эта конъюнктура изменилась, Латинская империя ослабела и угрожавшая Сербии коалиция распалась, сербский король резко изменил свою политику, вступив в сношения с главным противником и Латинской империи, и папства на Ближнем Востоке — никейским императором Феодором Ласкарем. После поездки в Никею брата Стефана Неманича — Саввы Неманича в 1219 г. было принято решение о создании в Сербии автокефального архиепископства, во главе которого встал Савва. Такой шаг означал разрыв с Римом, поскольку признание авторитета православного патриарха, сидевшего в Никее, означало отрицание законности власти находившегося в Константинополе латинского патриарха, зависимого от папы. Но этим дело не ограничилось. Практическое осуществление принятого в 1219 г. решения наносило прямой ущерб интересам латинской церкви на территории Сербского королевства. Два из заложенных королем Стефаном и архиепископом Саввой епископств — на территории Зеты и Захумья — находились в традиционной сфере влияния католической церкви сербского Приморья. Правда, католические епископы Захумья, спасаясь от богомилов, в начале XIII в. оставили свою резиденцию в Стоне и удалились на остров Корчулу, но все же передачу православному епископу их ка-

федерального собора в Стоне вряд ли можно считать дружественным актом по отношению к католической церкви¹.

Резиденция же православных епископов Зеты не только находилась на южном берегу Которского залива, в непосредственной близости от одного из главных центров католической церкви в Приморье, но и размещалась на месте католического монастыря святого Михаила, по-видимому, в связи с этим отобранного сербским кралем у Котора². Политика ограничения позиций католической церкви в Приморье продолжалась и в дальнейшем. Так, известно, что в 60-х гг. XIII в. латинский епископ Травунии Сальвий вынужден был удалиться в Дубровник, «лишенный схизматиками епископства Травунии и всего своего имущества»³.

По каким-то соображениям сербский король старался скрыть перемены в своей политике. В марте 1220 г. он обращался к Гонорию III как покорный сын римской церкви, уверяя папу в своей верности и прося благословения⁴, но сути дела это уже переменить не могло.

¹ См.: *Јиречек К.* Историја... Београд, 1951. Т. 2. С. 80.

² См.: *Марковић В.* Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији. Сремски Карловици, 1920. С. 73–75; *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 106–107.

³ Из письма папы Климента IV 1265 г. CDS. *Zagrabiae*, 1907. Т. 5. Р. 342.

⁴ См.: *Starine. Zagreb*, 1875. Vol. 7. S. 55.

В свете имеющихся данных попытки сближения с Римом представляют собой чисто политическую акцию, связанную как с международной ситуацией, сложившейся накануне падения Византийской империи, так и с развитием отношений Сербии с латинскими государствами на Балканах в последующее время. Впрочем, немногочисленность и отрывочность имеющихся данных не позволяет формулировать такой вывод с полной уверенностью.

В этом отношении гораздо более обширный материал для наблюдений дает история взаимоотношений между папским престолом и Болгарией в первой половине XIII в. Так, сохранился обширный комплекс документов о контактах папы Иннокентия III с болгарским царем, начавшихся по инициативе курии в январе 1200 г. Их рассмотрение позволяет довольно точно судить и о мотивах, побуждавших южно-славянских правителей к контактам с Римом, и о характере церковной унии, явившейся одним из результатов этих контактов.

Еще В. Н. Златарский, внимательно анализируя переписку Калояна с папой¹, пришел к убедитель-

¹ Здесь и далее при анализе переписки между папским престолом и Болгарией в начале XIII в. автор опирается на итоги исследования этого источника, принятого В. Н. Златарским (*Златарский В. Н. История на българската държава през средните векове. София, 1972. Т. 3. С. 150–211*). Основные выводы этой работы сохраняют свою силу и сегодня.

ному выводу, что болгарским правителем руководили прежде всего политические мотивы — желание получить королевскую корону и сделать главу Болгарской церкви — архиепископа Тырновского — патриархом, то есть обеспечить своей стране политическую и церковную самостоятельность. Ради достижения этих целей Калоян был готов включить ее в сферу влияния римской церкви. Какие-либо вопросы, связанные с чисто церковными аспектами отношений с Римом, правитель не поднимал, а его намеки на то, что он мог бы получить корону и патриаршеский сан от греков¹, говорят о том, что существенна для него была именно эта цель, которую на практике можно было бы достичь разными путями, например, используя обозначившуюся слабость Византийской империи. Помимо этой главной цели, для болгарского царя существенное значение имел и другой, но также чисто политический мотив — желание с помощью покровительства курии добиться сносного «модус вивенди» с католическими соседями, прежде всего с Венгрией, которая, с точки зрения южно-славянских правителей, опасно усилилась с упадком византийского влияния на Балканах.

Правда, наряду с болгарским правителем в контактах с Римом участвовал ряд болгарских

¹ См.: Латински извори за българската история (далее — ЛИБИ). София, 1965. Т. 3. С. 319.

епископов, прежде всего глава Болгарской церкви тырновский архиепископ Василий. Однако знакомство с материалом, отразившим их участие в этих контактах, показывает отсутствие у них какой-либо самостоятельной позиции. В письме архиепископа Василия Иннокентию III высказывалась лишь просьба выполнить пожелания его монарха¹. Таким образом, эти архиереи выступали на переговорах не как выразители интересов болгарского духовенства, а как приближенные своего правителя. Об интересе болгарского духовенства к какой-либо части наследия католической церкви в сохранившихся источниках нет никаких данных. Все же является бесспорным фактом, что одновременно с коронацией Калояна в 1204 г. было без особых трудностей осуществлено соединение Болгарской церкви с католической.

Характер этого события станет понятнее, если учесть, в каких формах и каким путем папская курия стремилась осуществить церковную унию накануне и в первые годы после взятия Константинополя. Линия курии в этом вопросе достаточно четко может быть очерчена по сведениям о ее политике по отношению к греческому духовенству на территориях, захваченных крестоносцами. Хотя посылавшиеся в эти годы в Константинополь и в Грецию папские легаты имели ряд диспутов с греческими богословами по догмати-

¹ См.: ЛИВИ... С. 314–315.

ческим вопросам, в целом, однако, их усилия концентрировались на решении совсем другой проблемы. Латинские духовные власти не требовали никаких изменений сложившихся в греческой церкви обычаев и обрядов (включая, например, служение на квасном хлебе), ни каких-либо перемен в традиционном символе веры, они лишь жестко настаивали на принесении присяги повиновения папе, что имело своим следствием его поминовение в молитвах и внесение его имени в диптихи. Уния церквей на этом этапе понималась правившими в Ватикане канонистами прежде всего как установление административно-юридического единства. В такой ситуации становятся понятными высказывания греческих духовных лиц Кипра, что они лишь принесли присягу, но ни в чем не отступили ни от учения святых отцов, ни от канонов¹. Разумеется, в Ватикане вовсе не собирались мириться с существующими различиями, но их устранение откладывалось пока на будущее.

Черты такого подхода нашли достаточно ясное выражение и в политике Ватикана по отношению к Болгарии. В переписке Иннокентия III с архиепископом Василием не обсуждались какие-либо догматические вопросы, но подчеркивалась необходимость принести клятву верности апостоль-

¹ См.: Norden W. *Das Papstum und Byzanz*. Berlin, 1903. S. 186–201; Gill J. *Byzantium and the papacy. 1198–1400*. New Jersey, 1979. P. 31–32.

кому престолу и указывалось, что все решения о поставлении новых епископов должны получать конечную санкцию в Риме¹. Небольшое отступление от этого принципа в пользу болгарской стороны состояло лишь в том, что соответствующих присяг в этой стране, столь удаленной от Рима и лишенной каких-либо кадров латинского духовенства, требовали только от правителя, архиепископа — главы местной церковной организации и новопоставленных архиереев. Особое значение придавалось присяге правителя, который обязывался не только повиноваться Риму и не отступать от него, но и подчинить власти папского престола все когда-либо им занятые языческие или христианские земли².

Можно не сомневаться, что после принесения этих присяг в жизни Болгарской церкви продолжали сохраняться старые традиционные порядки, и именно поэтому принятие унии не сопровождалось какими-либо серьезными конфликтами.

Такие конфликты, однако, закономерно вспыхнули бы, если бы римская церковь попыталась наполнить эту церковную унию реальным содержанием. Ведь Болгария была страной, еще более далекой от латинского мира, чем Византия. Заслуживает внимания тот факт, что первое письмо Калояна папе было, как сообщается в записке

¹ См.: ЛИБИ... С. 327–329.

² См.: Там же. С. 334–335.

на нем, переведено с болгарского на греческий, а затем с греческого на латынь¹, а сам Калоян после коронации направил в Рим двух юношей учиться латыни, так как «здесь, — писал он папе, — у нас нет грамматиков, которые могли бы переложить для нас письма, которые ты посылаешь»². Таким образом, даже процедура языкового общения была сопряжена с затруднениями. Еще большими оказались бы они, если бы речь пошла о существенных изменениях.

Серьезные проблемы даже в отношениях со светской властью возникли бы и в случае попыток курии осуществить на болгарской почве свою концепцию устройства церкви, исключавшую существование самостоятельных локальных церквей. Между тем, именно создание такой церкви было одной из главных целей светской власти южно-славянских государств при обращении к Риму. Зародыши будущих конфликтов легко обнаруживаются при анализе переписки Калояна с Иннокентием III. Калоян, как известно, хотел, чтобы в Болгарии был поставлен патриарх³, т. е. он явно имел в виду создание для Болгарии самостоятельной церкви, подобной православной патриархии в Первом Болгарском царстве. Ссылаясь на трудности пути, болгарский царь настаивал на

¹ См.: Там же. С. 309.

² Там же. С. 360.

³ Там же. С. 320.

том, чтобы болгарские епископы могли сами избирать и посвящать патриарха¹. Папа же, со своей стороны, сделав архиепископа тырновского «примасом» Болгарии и, старательно разъясняя, что «примас» и «патриарх» — это одно и то же², признал за «примасом» лишь такой круг прав, который предоставлялся главам локальных церквей — митрополитам по 5-му канону Латеранского Собора 1215 г.³ Не случайно папа настаивал на том, что новопоставленные епископы должны приносить клятву верности папскому престолу и получать от него паллиум⁴, а в присяге «примаса» фиксировались его обязательства посещать синоды и раз в четыре года приезжать в Рим⁵. Зная, какое раздражение в середине XIII в. вызывали у сербских кралей попытки курии регулировать отношения между церковными центрами в католическом Приморье⁶, можно легко представить, какие возникли бы противоречия,

¹ См.: Там же. С. 339.

² См.: Там же. С. 327.

³ Соответствующие сопоставления см.: *Gill J. Byzantium...* P. 260.

⁴ См.: ЛИБИ... С. 321, 328, ср.: с. 337.

⁵ См.: Там же. С. 344.

⁶ В одном из документов этого времени приводится заявление краля Уроша, что «*dominus papa nec ecclesia Romana nullam potestatem habit in suo regno, cum habet in regno suo papam*» — своего архиепископа. Цит. по: *Станојевуић С. Борба...* С. 147.

если бы курия действительно попыталась осуществить свои программные требования в этой области.

Следует также учитывать, что XIII век стал временем, когда папство, достигнув апогея политического влияния, энергично стремилось воплотить в жизнь принципиально новую для всей Центральной и Юго-Восточной Европы модель отношений между церковью, государством и светским обществом, основные контуры которой были очерчены в решениях Латеранского Собора 1215 г.: освобождение церкви от административно-судебной власти государственных органов и от уплаты государственных налогов. Нетрудно себе представить, как попытки реализации на практике такой модели могли повлиять на позицию южно-славянских правителей, которые, прежде всего, и добивались сближения с Римом.

Такие конфликты, однако, могли возникнуть лишь в будущем, а пока папство в своих отношениях с Болгарией в целом успешно реализовало свою программу-минимум. Архиепископ тырновский принес присягу верности папскому престолу,¹ епископы стали получать паллий из Рима², что подчеркивало их непосредственную связь с папским престолом. На эту связь указывала также посылка в Болгарию папских легатов, пред-

¹ См.: ЛИБИ... С. 344.

² См.: Там же. С. 337, 340 и др.

ставлявших в своем лице папу¹. Один из этих легатов, Лев, кардинал Санта Кроче, доставивший Калояну королевскую корону, следуя указаниям Иннокентия III, ввел в практику болгарской церкви неизвестное ей ранее миропомазание при посвящении в епископский сан и лично поставил двух митрополитов и нескольких епископов². Тем самым, был сделан хотя и небольшой, но принципиально важный шаг по пути изменения традиционных обычаев болгарской церкви в соответствии с рекомендациями Ватикана.

Характер отношений Болгарии с Римом при непосредственном преемнике Калояна, царе Бориле, оценивался по-разному отдельными исследователями. Главным событием его недолгого царствования стал созыв в Тырнове в 1211 г. церковного Собора для осуждения оживившейся в то время богомильской ереси. Исследователи попытались использовать рассказ об этом событии в так называемом «Синодике царя Борила», чтобы выяснить, каково было отношение нового правителя к церковной унии с Римом, и пришли при этом к противоположным выводам.

Одни исследователи, обратив внимание на то, что в «Синодике» не упоминается глава болгарской церкви — тырновский «примас» Василий,

¹ См. письмо Иннокентия III Калояну относительно его посланца Доминика. ЛИБИ... С. 314.

² См.: Там же. С. 360–361.

и отметив, что в одном из писем латинского императора Генриха Борил фигурирует как «гонитель Божьей церкви», пришли к заключению, что на Соборе 1211 г. церковная уния с Римом была разорвана. Другие, обратив внимание на то, что Собор был созван в то время, когда католическая церковь на юге Франции резко усилила борьбу против идейно близких к богомилам катаров, видели в его решениях проявление политики сближения с Римом¹. Современная болгарская исследовательница А. Данчева-Василева справедливо отметила малую доказательность обеих точек зрения². Так, Генрих мог тенденциозно искажать факты, потому что в то время, когда было написано письмо, он находился в конфликте с Борилом и был заинтересован в том, чтобы настроить против него папскую курию. Отсутствие упоминаний об архиепископе Василии вполне может объясняться особенностями рассказа о Соборе 1211 г., в котором главным действующим лицом является царь, а безымянные архиереи выступают лишь как свидетели его действий. С другой стороны, сам созыв Собора вызван был,

¹ Обзор имеющихся точек зрения см.: Данчева-Василева А. България, папството и западноевропейската политика през първата половина на XIII в. // Из политическата история на България, София, 1985. С. 195–196.

² См.: Там же. С. 196.

конечно, положением, сложившимся в стране, и влияние внешних факторов здесь не могло иметь решающего значения. Можно согласиться с А. Данчевой-Василевой, что, созывая Собор, Борил не ставил своей целью разорвать (или, наоборот, упрочить) церковные связи с Римом. Отношения эти, по-видимому, формально оставались такими же, как при Калояне. 19 апреля 1213 г. Иннокентий III направил «примасу Влахии и Болгарии» Василию приглашение на Латеранский собор¹, а позднее, по сообщению французского хрониста Альберика, Болгарию посетил папский легат кардинал (есть все основания отождествлять его с кардиналом Пелагием, которого Иннокентий III в августе 1213 г. направил в Константинополь, чтобы побудить греков признать верховную власть папы), благодаря стараниям которого был заключен брак между дочерью Борила и латинским императором Генрихом².

Несмотря на это, «Синодик царя Борила» содержит важные данные для понимания характера церковной унии Болгарии с Римом. Выше уже отмечалось, что в рассказе о Соборе царь посто-

¹ См.: *Acta Innocentii III (1198–1216)* / Ed. Th. Haluscinsky. Romae, 1944. P. 442–444.

² Об этом эпизоде см.: *Васильевский В. Г.* Обновление болгарского патриаршества при царе Иване Асене II // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Март. С. 15.

янно выступает как главное действующее лицо. Именно он «повеле снитися Собору», он на нем председательствовал, благодаря его хитрости были разоблачены еретики, которых он «повеле» казнить, от него же исходили и другие, принятые на Соборе решения¹. В своих отношениях к церкви Борил явно выступал в той же роли, в какой в византийском мире по отношению к церкви выступал император (с взаимоотношениями церкви и светской власти в католическом мире первых десятилетий XIII в., когда церковь, возглавляемая папством, выступала как мощная и самостоятельная политическая сила, все это имело мало общего).

Деятельность Собора завершилась тем, что царь Борил приказал «преписати съборник от гръчскаго на българский свои языкъ», включить в него рассказ о Соборе и читать этот текст публично в храмах «в неделю православия», как это установлено издревле². Как известно, «соборник», перевести который распорядился Борил, представлял собой произведение богословской и канонической мысли византийцев, созданное в 843 г. при восстановлении иконопочитания в Византийской империи и затем постепенно пополнявшееся вплоть до начала XIII в. Его чтение в

¹ См.: *Попруженко М. Г.* Синодик царя Борила. София. 1928. С. 79–80.

² Там же. С. 80.

храмах в установленный Борилом срок также отражало традиционную для Византии практику. Эти наблюдения над рассказом о соборе 1211 г. позволяют уже не предположительно, а определенно говорить о том, что и после заключения церковной унии с Римом жизнь болгарской церкви продолжала определяться византийскими православными традициями.

Болгарские исследователи обратили внимание и на некоторые другие свидетельства источников, подкрепляющие этот вывод. В середине второго десятилетия XIII в. в результате целого ряда политических перемен часть южных территорий Второго Болгарского царства вошла в состав владений эпирского деспота Феодора Комнина, и встал вопрос о том, как относиться к болгарскому духовенству на этих землях. Выяснилось, что у верхушки греческого клира в этом отношении нет единой позиции. Если одни требовали низложить и болгарских епископов, и всех поставленных ими лиц, то другие предлагали примириться с создавшимся положением. Это побудило главу греческой церкви в этом регионе охридского архиепископа Димитрия Хоматиана обратиться за консультацией к митрополиту Керкиры Василиану Педиадиту. Из письма архиепископа видно, что, хотя в Охриде было известно о признании тырновским «примасом» власти папы, этот факт не оказал серьезного влияния на аргументацию спорящих сторон. Сторонники репрес-

сивных мер основывались на том, что болгарские епископы незаконно заняли свои церковные кафедры, согнав с них законных обладателей — греков, а их оппоненты утверждали, что болгарские епископы — православные, признают церковное предание, и все книги, которыми пользуются болгарские епископы и священники, ничем не отличаются от тех, которыми пользуется греческая церковь, кроме того, что они переведены на болгарский язык¹.

В итоге собор духовенства Охридского архиепископства принял компромиссное решение: болгарские епископы были смещены со своих кафедр, но поставленные ими священники и диаконы сохраняли свой сан («как православные и получившие действительное рукоположение») и лишь должны были подвергнуться 4-месячной епитемии. Низложение епископов обосновывалось не их участием в заключении церковной унии с Римом, а тем, что они заняли эти кафедры при содействии светской власти, согнав с них законных иерархов². Эти свидетельства показывают, что, несмотря на подчинение власти римского престола, охридское духовенство воспринимало болгарскую церковь как православную, поскольку ни в вероучении, ни в таинствах и обрядах она ничем

¹ См.: *Снегаров И.* История... С. 130.

² О решениях собора см.: Там же. С. 132–134.

не отклонилась от православных традиций¹. Опираясь на эти данные, болгарские ученые пришли к убедительному выводу о том, что церковная уния с Римом была осуществлена лишь в иерархическом, но не в каноническом отношении². Некоторые наблюдения, сделанные болгарским исследователем В. Гюзелевым, позволяют внести в этот вывод существенные уточнения. Церковная уния с Римом и связанная с этим иерархическая зависимость болгарской церкви от римского престола находили свое выражение, прежде всего, в том, что возведение иерархов на болгарские епископские престолы должно было происходить с санкции папы, что выражалось в присылке из Рима паллия новопоставленному епископу. Было известно, что при Калояне в переговорах о заключении унии приняла участие и получила паллии от папы лишь часть болгарских епископов (среди них отсутствовал, например, митрополит

¹ Иным было отношение собора Охридского диоцеза к монахам Афонского Иверского монастыря, принявшим латинский обряд и признавшим верховную власть папы. Собор предписывал православным монахам не вступать в общение с отступниками, не совершать с ними общих молитв, не уделять им таинств (Снегаров И. История... С. 276–277).

² См.: *Gjuzelev V. Das Papstum und Bulgarien im Mittelalter (9–14 Jahrhundert) // Bulgarian historical Review. 1977. № 1. S. 43; Данчева-Василева А. България, папството... С. 199.*

такого центра, как Средец — София). Трудно сказать, какими обстоятельствами это было вызвано, но ясно, что в случае установления прочной иерархической зависимости болгарской церкви от Рима (что сопровождалось бы регулярным уделением паллия новопоставленным митрополитам и епископам) в сфере воздействия римского престола оказались бы все болгарские епархии. В этой связи большой интерес представляют наблюдения В. Гюзелева над данными, содержащимися в относящихся к XIII–XIV вв. списках провинций и диоцезов римской церкви, которые составлялись, конечно, на основе документов, находившихся в Ватиканском архиве. Как установил исследователь, в них фигурируют названия лишь тех епархий, епископы которых участвовали в переговорах о заключении церковной унии с Римом. В списках упоминалась лишь одна епархия, настоятель которой не участвовал в этих переговорах, — Ловеч¹. Очевидно, сведениями о связях других болгарских епархий с Римом автор списков не располагал. Наиболее естественное объяснение этого факта состоит в том, что, несмотря на заключенное соглашение, на практике при преемниках Калояна болгарские епископы не обращались за получением паллия в Рим, т. е. иерархическая зависимость также фактически не имела места. Стоит отметить также, что болгарские епископы не реагировали на приглашение

¹ См.: *Gjuzelev V. Das Papstum...* P. 43.

папы и не приняли участия в работе Латеранского Собора 1215 г.

Правильнее было бы говорить, поэтому, о формальной зависимости болгарской церкви от Рима, никак не сказывавшейся на религиозной жизни болгарского общества и находившей свое выражение лишь в сфере внешних сношений. Формальная зависимость от Рима ограничивала контакты Болгарии с православным миром и облегчала возможность сношений с католическими государствами. Для царя Борила, основывавшего свою внешнюю политику на союзах с Латинской империей и Венгрией¹, сохранение формальной зависимости от Рима было фактором, благоприятствующим осуществлению его политических планов. Его преемник Иван Асень II в первые годы своего правления также искал сближения с католическими странами. Когда в начале 1219 г. было заключено соглашение о браке между болгарским царем и дочерью венгерского короля Эндре II, Иван Асень II обращался в связи с этим к папе Гонорию III, по-видимому, с просьбой об одобрении брака². Позднее сохранение добрых

¹ О внешней политике Борила см.: Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985. С. 104 и сл.

² Упоминания об обращении Ивана Асеня II к папе см., в письме венгерского короля Гонорию III: *Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia* (далее — VMNH) / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. 1. P. 21.

отношений с Римом было необходимо для осуществления планов болгарского правителя, рассчитанных на мирное подчинение ему слабеющей Латинской империи: по соглашению с латинскими баронами он рассчитывал стать регентом при малолетнем императоре Балдуине, который должен был жениться на его дочери.

Сохранение формальной зависимости от Рима поддерживалось, таким образом, только благодаря определенной международной конъюнктуре, и эта зависимость закономерно оказалась разорванной, когда указанная конъюнктура резко изменилась. Исследователи давно установили, с какими двумя событиями были связаны эти перемены. Планы подчинения Болгарии Латинской империи потерпели неудачу: по договору, заключенному в апреле 1229 г. в Перудже при активном участии папы Григория IX, регентом при Балдуине стал бывший иерусалимский король Жан де Бриенн, на дочери которого латинский император и женился. В августе 1231 г. новый правитель уже прибыл в Константинополь. Одновременно Иван Асень II нанес поражение эпирскому царю Феодору Комнину и овладел значительной частью его владений. Второе Болгарское царство, охватив огромную территорию от Адрианополя до Диррахума, стало наиболее могущественной державой на Балканах.

В этих условиях произошел формальный разрыв церковной унии между болгарской церковью

и Римом. Важнейшие сведения об этом содержит введенное в научный оборот В. Г. Васильевским написанное в начале 1233 г. Ивану Асеню II письмо анкирского митрополита Христофора, экзарха никейского патриарха в бывших владениях эпирских правителей¹. В письме анкирский митрополит восхвалял болгарского царя за то, что тот «добрым образом соединил... то, что прежде злым образом было разъединено, и благоустроил в Загоре (название Болгарии в византийских документах. — Б. Ф.) православнейшее дело, которое не мог (устроить) никто из твоих предшественников». Очевидно, что под «соединением», пришедшим на смену «разъединению», анкирский митрополит подразумевал восстановление общения между болгарской церковью и другими православными церквями после отказа болгарской церкви от унии с Римом, унии, которую соблюдали «предшественники» Ивана Асеня II и которую этот правитель разорвал.

В том же письме отмечалось, что глава болгарской церкви архиепископ тырновский Василий, оставив свой престол, удалился на Святую Гору. Несмотря на уговоры встречавшегося с ним Христофора, он отказался вернуться, а затем вообще «отказался от архиерейства». Очевидно, решение царя о разрыве с Римом столкнулось с сопротивлением со стороны «примаса» — ставленника

¹ См.: Васильевский В. Г. Обновление... С. 53–55.

папы Иннокентия III. Вместе с тем, избранный им способ сопротивления говорит о том, что вряд ли он мог рассчитывать на поддержку своей папствы. Митрополит Христофор передал Ивану Асеню II «благословение» патриарха и синода, вероятно, того самого, который принял 6 марта 1232 г. решение о посылке Христофора на Запад. Очевидно, к этому времени решение о разрыве болгарской церкви с Римом было не только принято, но о нем и стало известно членам синода¹. Этот вывод В. Г. Васильевского подкрепляется свидетельством письма, отправленного папской курией архиепископу Эстергома от 25 февраля 1232 г., в котором болгары уже фигурируют как схизматики и еретики².

Если учесть все сказанное выше о характере отношений между римским престолом и Болгарией, не может вызвать никакого удивления, что причины решений, принятых Иваном Асенем II, исследователи искали в первую очередь в политической сфере. При этом они обращали внимание, прежде всего, на два следующих обстоятельства. Во-первых, когда не удались планы мирного подчинения Латинской империи, Иван Асень II вступил на путь военного подчинения этого госу-

¹ См.: Там же.

² См.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae/Ed. Marsina. Bratislava, 1871. Т. 1 (805–1235). P. 273–275; Gjuzelev V. Das Papstum... S. 47.

дарства, находившегося под особой опекой папского престола, и, следовательно, перестал быть заинтересованным в добрых отношениях с Римом. Во-вторых, с включением в состав Болгарского царства бывших владений эфирских деспотов под властью болгарского царя оказались обширные территории, духовенство которых не признавало власти римского престола, а соответственно, и власти тырновского примаса, как ставленника папы, и перед Иваном Асенем II возникла задача обеспечения религиозного единства своего государства¹. К этому следует добавить, что на присоединенных Иваном Асенем землях Македонии и Эпира отношение духовенства и населения к «латинянам» было существенно иным, чем на землях по другую сторону Балканского хребта. Жители Тырнова или Преслава с «латинянами» практически не сталкивались, и церковная уния, о чем говорилось выше, не внесла в их традиционную жизнь никаких серьезных изменений. Значительная часть Македонии, напротив, уже в первом десятилетии XIII в. бывала под властью правителей Латинской империи. Захватив Девол и Костур, они поставили в них католических епископов, и юрисдикция законных иерархов в этих городах была восстановлена лишь после перехода их под власть право-

¹ См.: *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя... С. 133 и сл.

славных правителей — севастократора Стреза, племянника Калояна, и эпирского деспота Михаила¹. Именно во владениях эпирского деспота враждебность к латинянам была особенно сильной. Здесь были совершены убийства латинских священников и даже одного латинского епископа². Один из главных руководителей православной церкви в этом регионе митрополит Навпакта Иоанн Апокавк выступал в 1220 г. против начатых Никеей переговоров о соединении церквей, заявляя, что их нельзя вести, пока не прекратятся преследования православных. При коронации деспота Феодора Комнина одной из его главных заслуг провозглашались успехи в борьбе с латинянами³. Включение части владений эпирских деспотов в состав державы Ивана Асеня II могло способствовать лишь росту антилатинских настроений в болгарском обществе. Пытаться склонять к церковной унии население этих земель было делом рискованным и опасным, гораздо легче было разорвать унию между Римом и Болгарской церковью, имевшую, по существу, формальный характер.

¹ См.: *Снегаров И.* История... С. 97-98.

² См.: *Васильевский В. Г.* Обновление... С. 21.

³ См.: *Снегаров И.* История... С. 103, 112. Вероятно, не случайно в 1229 г. деспот Феодор был анафемствован и отлучен от церкви папой Григорием IX (*Васильевский В. Г.* Обновление... С. 24).

В числе причин, приведших к изменению церковной политики Ивана Асеня II, не последнюю роль сыграли и стремления правителя самой могущественной балканской державы: он желал, чтобы церковь в его государстве занимала уважаемое положение в окружающем мире. Религиозная политика предшествовавших десятилетий не привела к достижению такой цели. Болгарская церковь не приобрела формальной независимости, а ее двусмысленное положение, когда, оставаясь фактически православной, она формально подчинялась верховной власти папы, привело к тому, что она не пользовалась настоящим признанием со стороны ни католических, ни православных соседей. Смена ориентации давала Ивану Асеню II возможность обеспечить для болгарской церкви видное и почетное место в православном мире. Очевидно, что смена политики, предпринятая с такой целью, могла встречать лишь поддержку болгарского духовенства, которое фактически никак не было связано с Римом и испытывало, несомненно, на себе все последствия своего двусмысленного положения.

Можно думать, что обеспечение признанного, почетного и независимого положения болгарской церкви было одним из условий того соглашения с главным политическим противником папства и Латинской империи — Никеей, которым сопровождалась смена религиозной ориентации Второго Болгарского царства.

По свидетельству двух независимых друг от друга источников (жития патриарха Иоакима и

рассказа о перенесении мощей святой Петки), осуществление этой договоренности началось после смерти архиепископа Василия. Собранный в Тырнове собор епископов избрал новым патриархом Иоакима, простого монаха, прошедшего до этого много времени на Святой Горе и, следовательно, не имевшего никакого отношения к политике, проводившейся церковной иерархией в предшествовавшие годы. Затем новый глава болгарской церкви отправился «в Никею великую благословение прияти архиерейское»¹. Рукоположение Иоакима никейским патриархом, имевшее место, по-видимому, в 1234 г.², означало признание православным миром законности болгарской церковной иерархии. В следующем, 1235 г. на общем соборе болгарского и византийского духовенства, собравшемся в Галлиполи при участии Ивана Асеня II и никейского императора Иоанна Ватаца, Иоаким с согласия всех восточных патриархов был возведен в патриаршее достоинство³, и болгарская церковь с этого момента и

¹ Кодов Х. Опис на славянските рукописи в библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969. С. 46; Кожухаров С. Неизвестен летописен разказ от времето на Иван Асен II // Литературна мисъл. 1974. № 2. С. 127.

² О дате см.: Кожухаров С. Неизвестен... С. 133.

³ Главным источником сведений об этом событии является рассказ, помещенный в «Синодике царя Борила» (Попруженко М. Г. Синодик... С. 84–87).

юридически стала самостоятельной, равной по рангу другим православным церквям Востока. С точки зрения рассматриваемой темы, учреждение патриархии означало окончательное закрепление произошедшего ранее разрыва церковных связей с Римом. Об отношении болгарского духовенства к латинянам в эти годы некоторые сведения содержит рассказ о перенесении в Тырново мощей святой Петки, написанный, по-видимому, в 40-х гг. XIII в. книжником, близким к патриарху Иоакиму¹. В начальной части этого сочинения определенно противопоставлялось время, когда в Константинополе правили православные императоры и «беша же чтима и прославленаа светаа», и то время, когда византийская столица оказалась под властью латинян и когда «по разорению добрые чьсти, иже имеахоу вернии на святых», останки святой ждала тяжелая судьба, от которой они были избавлены благодаря вмешательству «благовернаго» и «благочестиваго» царя Ивана Асеня II, потребовавшего от латинян их выдачи². Отрицательное отношение к латинянам и их власти над Царьградом выражено в тексте в сдержанной форме, но вполне определенно.

Рассмотрение всего комплекса материалов о взаимоотношениях Болгарии и Сербии с Римом

¹ О времени составления памятника и его авторе см.: Кожухаров С. Неизвестен... С. 129–130.

² См.: Кожухаров С. Там же. С. 126–127.

в первой трети XIII в. приводит к выводу о том, что не существовало какой-либо прочной основы для длительного и глубокого сближения обеих сторон. Активное участие в сношениях с Римом принимали не представители духовенства, а светские лица — правители, для которых церковная уния была, прежде всего, средством решения политических задач. Задач, несомненно, очень важных, так как речь шла об утверждении права страны на самостоятельное и равноправное с другими державами существование и признании ее права иметь самостоятельную церковную организацию, но все же чисто политических по своему характеру.

Некоторый важный дополнительный материал, позволяющий понять, как подходили южно-славянские политические деятели к церковной унии с Римом, дает житие Стефана Немани, написанное Стефаном Первовенчанным. Житие, одной из целей создания которого было показать Стефана Первовенчанного как истинного наследника своего отца, единственного «господина» всех сербских земель¹, по общему мнению исследователей, было завершено в июне 1216 г., т. е.,

¹ Характерно, что другим источником, в котором Стефан заявил о своем праве на все наследство своего отца, стала его грамота католическому монастырю св. Марии на острове Млет (CDS. Zagrabiae, 1905. Т. 3. № 197). См. также: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 213–214

несомненно, тогда, когда были уже обновлены контакты великого жупана с Римом (получению королевской короны в 1217 г. должны были предшествовать более или менее продолжительные переговоры). Некоторые черты новой религиозной ориентации сербского правителя отражены определенным образом в тексте этого памятника. Так, совершенно не случайно Стефан написал о богатых дарах, которые его отец посылал в Рим, в храм «всеславных верховных апостолов» Петра и Павла¹. Однако в том же самом пассаже он сообщает о дарах, посылавшихся храму Гроба Господня в Иерусалиме и монастырю Богородицы Эвергетиды в Константинополе, и храму святителя Николая в Бари. Таким образом, подобно авторам житий святого Стефана Венгерского, великий жупан говорит о связях своего отца с разными центрами христианского мира. Среди них Рим занимает особо почетное место, но самое важное, что между ними агиограф не видит каких-либо различий. В рассказе о том, как Стефан Неманя «приложи» к сербской державе земли Зеты, встречаются резкие выпады против «греков», покоривших эту землю и поставивших там свои грады: Неманя эти грады «испроверже и раздроуши» и «гръчьское име истребив»², но выпады эти носят чисто политический характер и не свиде-

¹ См.: *Ђоровић В.* Списи св. Саве. Београд, 1928. С. 34.

² Там же. С. 32.

тельствуют о смене религиозных пристрастий¹. Напротив, и литературная форма, и само содержание жития говорят о глубокой привязанности автора к культурным и религиозным традициям византийского мира, в особенности к традициям Святой Горы, где Стефан Немања и его сын Савва основали сербский монастырь Хиландар.

В свете рассматриваемой темы особый интерес представляет то место жития, где великий жупан говорит о двух крещениях своего отца. Бегло отметив, что сначала Немања «изволением Божиим сподоби се и латинское приети крещение», о его втором, православном крещении Стефан Первовенчаный написал в гораздо более восторженном тоне, что он «сподоби се второе крещение приети от роуки светителя и архиерея посреде Срьпские земле последствоуа Владыце своему... Христу». Если его брат Савва Неманич, как отмечалось выше, сравнил два крещения отца с двумя монашескими обетами, то великий жупан прибег к другому сравнению — «яко обою сосцу млеко сосал еси, рекше Ветхаго же и Новаго Завета»². Нетрудно усмотреть в этом явное утверждение превосходства православия над латинством. Неудивительно поэтому, что для первого сербского краля подчинение римскому папе означало лишь смену юрисдикции, а вовсе

¹ В том же самом житии император Мануил назван «боголюбивым» царем. См.: *Торовић В. Житије...* С. 20.

² *Торовић В. Житије...* С. 18.

не отказ от сложившихся в византийском культурном круге традиций.

Все данные говорят о том, что и для Сербии, и для Болгарии уния с Римом была формальным актом, не внесшим сколько-нибудь существенных изменений в традиционную религиозную жизнь общества. По-видимому, именно поэтому длительное существование такой унии в Болгарии не сопровождалось сколько-нибудь серьезными внутренними конфликтами на религиозной почве. Вместе с тем, очевидно, что даже временное установление церковной зависимости от Рима не могло бы произойти в условиях глубокой враждебности местного славянского населения по отношению к латинянам. В общественном сознании южных славян (в отличие от греческого мира) враждебный стереотип латинянина в первой трети XIII в. еще не сложился¹. Вместе с тем,

¹ Как отмечают сербские ученые, нет оснований говорить, например, о принципиальной враждебности ко всему латинскому со стороны Саввы Неманича. По свидетельствам агиографов, уже став главой сербской церкви, св. Савва во время своих путешествий останавливался в монастыре Богородицы Эвергетиды в Константинополе и в монастыре Филокала в Солуни. В то время монахи обоих этих монастырей подчинялись власти римского папы, а в монастыре Богородицы жили бенедиктинцы из Монте Кассино (*Радойчић С.* Эпизод о Богородице — Горы у Теодосијевом животу св. Саве и њине везе са сликарством XIII и XIV века // Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. 1959. Кн. 23, св. 1–2. С. 219–220).

следует констатировать, что уния с Римом не привела к полному решению тех политических задач, которые преследовали южно-славянские правители. Одной из главных целей при обращении их к Риму было создание в своих странах автокефальных церквей. Такие стремления объяснялись не только желанием всесторонне обеспечить суверенитет страны. Следует учитывать, что именно наличие автокефалии давало возможность обеспечить достаточно высокую степень подчинения местной церковной организации руководству и контролю местной светской власти в соответствии с нормами, принятыми в странах византийского круга. Папство с его именно в XIII в. особенно четко проявившимися унитаристскими тенденциями и стремлением освободить церковь от опеки светской власти не могло способствовать достижению таких целей. В итоге южно-славянские политики нашли нужным порвать с Римом и искать решения этой задачи в сотрудничестве с противником папства — Никейской империей. Сдругой стороны, папство в своей политике по отношению к южно-славянским странам оказалось перед противоречием, которого оно не смогло разрешить. Добившись установления формальных связей с Сербией и Болгарией, папский престол не решался заполнить их реальным содержанием, опасаясь, по-видимому, конфликтов и с разными слоями общества, и с правителями. Поэтому сама связь между этими южно-славянскими

странами и Римом оставалась хрупкой и могла быть легко разорвана.

В конечном итоге контакты южно-славянских правителей с Римом имели для их стран объективно благоприятные последствия, так как перспектива их более прочного соединения с Римом побудила главного наследника Византии — Никейскую империю признать самостоятельность болгарской и сербской церквей. Эти соглашения способствовали полному обновлению связей Болгарии и Сербии с другими частями православного мира, и это не могло не оказать влияния на эволюцию отношений болгарского и сербского общества к латинянам.

БОЛГАРИЯ И СЕРБИЯ НА ПУТИ К КОНФРОНТАЦИИ С ЛАТИНСКИМ МИРОМ (30-е гг. XIII – НАЧАЛО XIV вв.)

Разрыв церковных связей между южно-славянскими странами и Римом не мог не вызвать обострения их отношений с папским престолом, а в перспективе и со всем латинским миром. Хотя разрыв между Римом и Сербией привел к последствиям, которые нанесли прямой ущерб позициям католической церкви в сербском Приморье, мы практически ничего не знаем о реакции папской курии на учреждение по соглашению с Никеей автокефального Сербского архиепископства. Нарушение связей с Болгарией католической церкви непосредственного ущерба не принесло, но реакция курии оказалась весьма острой. Дело объяснялось тем, что создание самостоятельного Болгарского патриархата скрепило союз Второго Болгарского царства с Никейской империей, направленный против латинян в Константинополе.

Папа Григорий IX пригрозил болгарскому царю Ивану Асеню II отлучением от церкви¹, а когда после некоторых колебаний болгарский правитель остался верен союзу с Никеей, объявил в январе 1238 г. крестовый поход против «еретиков» и схизматиков, живущих в «земле» Ивана Асеня II. Поскольку главную роль в этом походе должна была сыграть Венгрия, то в серии посланий, адресованных венгерскому королю, епископату, доминиканцам и францисканцам на территории Венгрии², папа предписал проповедовать на всей территории королевства крестовый поход против болгар, приравнял его участников к участникам похода за освобождение Святой Земли и дал право клирикам исповедовать их и отпускать им грехи. Одновременно он угрожал отлучением от церкви всех, кто будет мешать участникам похода выполнять взятую ими на себя миссию. Папа также принял Венгрию под защиту «святого Петра»³.

Частью этой акции стало решение о передаче «земли Асеня» — Болгарии венгерскому королю и другим католическим государям, которые примут участие в походе⁴. Когда это заявление вызвало возражения короля Белы IV, папа специаль-

¹ См.: Латински извори за българската история (далее — ЛИБИ). София, 1981. Т. 4. С. 51.

² См.: Там же. С. 63 и сл.

³ Там же. С. 77.

⁴ См.: Там же. С. 65–67.

но обещал ему, что никому другому, кроме него, не передаст «*Bulgarie regnum*»¹. Одному из венгерских епископов (по выбору короля) были предоставлены полномочия папского легата для устройства церковных дел на завоеванных территориях — определения границ, учреждения епископств и т. д.²

В истории межконфессиональных отношений XIII в. эти события должны быть специально выделены, так как впервые православная славянская страна стала объектом крестового похода, объявленного римским престолом. Особого внимания заслуживают те места папских посланий, где решение о передаче Болгарии католическим правителям аргументировалось ссылкой на решения «всеенского» Собора («*prout statutum est in concilio generali*»). По разъяснению Д. Джилла, имелись в виду постановления Латеранского Собора 1215 г. о наказании тех правителей, которые (подобно покровителю альбигойцев Раймунду тулузскому) не могли или не хотели очистить свои земли от еретиков³. Возможно, именно поэтому в письме венгерскому королю папа делал

¹ Там же. С. 76–77.

² См.: ЛИБИ. Т. 3. С. 74–75. Подробнее об организации крестового похода против болгар см.: Златарский В. Н. История на българската държава през средните векове. София, 1972. Т. 3. С. 403–405.

³ См.: Gill J. Byzantium and the papacy. 1198–1400. New Jersey, 1979. P. 74.

ударение на том, что Иван Асень II «принимает и защищает» еретиков (богомилов)¹. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве папских посланий «еретики» и «схизматики» постоянно ставились рядом и даже объединялись тем общим признаком, что и те и другие не признавали верховной власти папы («Tales... sunt heretici et scismatici, qui a tanto pastore pasci renuunt»). И хотя окончательного слова в тот момент все же сказано не было, при выработке правовой доктрины сделан был важный шаг к тому, чтобы присвоить папскому престолу такое же право распоряжаться землями схизматиков, какое было признано за ним католическим миром по отношению к землям язычников и еретиков. Проявленная венгерской стороной готовность следовать указаниям курии и выступить против болгар ради «христианской веры и чести святой матери Римской церкви»² говорит о том, что позиция Рима по отношению к Болгарии получила поддержку правящих кругов одной из соседних стран латинского мира.

Правда, до выступления крестоносцев против Болгарии дело не дошло, а в 1239 г. Иван Асень II даже пропустил через свои земли войска, идущие

¹ См.: ЛИБИ. Т. III. С. 64.

² См.: Дуйчев И. С. За документите на Ватиканския архив относящи до българската история (IX–XIV вв.) // Дуйчев И. С. Българското средновековие. София, 1972. С. 287.

на помощь латинскому Константинополю¹, но церковные связи между Болгарией и Римом так и не были восстановлены. Для последующей эволюции отношений между южно-славянскими странами и Римом надо признать симптоматичным то, что, несмотря на проявленную курией в середине XIII в. дипломатическую инициативу², ни Болгария, ни Сербия не приняли участия в переговорах о церковной унии, которые велись между Римом и Никеей в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в. Не участвовали они во второй половине XIII в. и в подготовке так называемой Лионской унии православной и католической церквей. Предпринятая при заключении этой унии попытка «пролатинских» кругов в Византии ликвидировать автокефалию болгарской и сербской церквей, как полученную без согласия папского престола³, могла лишь усилить здесь враждебное отношение к идее соглашения с «латинством».

¹ См.: *Дуйчев И. С.* Приноси към историята на Иван Асен II // *Дуйчев И. С.* Българското средновековие. С. 310–313.

² См. письмо папы Иннокентия IV болгарскому царю Коломану Асеню 1245 г. // *ЛИБИ. Т. 3. С. 89–92.*

³ См.: *Дринов М. С.* Въпрос за Българската и Сръбската Църкви пред судилището на Лионский събор в 1274 г. Съчиненията. София, 1911. Т. 2; *Радойчић Н.* Свети Сава и автокефалност српске и бугарске Цркве // *Гласник Српске Краљевске Академије. Београд, 1939. Т. 189. С. 222–227.*

Не случайно именно Болгария оказалась в числе главных противников этой унии. Известно, что после заключения унии было отправлено посольство от болгарских бояр и духовенства к иерусалимскому патриарху Григорию, чтобы побудить его выступить против сторонников унии — византийского императора Михаила VIII и константинопольского патриарха¹. На Святой Горе против унии особенно упорно выступали монахи болгарского Зографского монастыря. В созданном вскоре после их гибели сказании новые мученики, которые погибли (были сожжены), «не въсхотевше послоушати жесточайшая и сверепыя Латины», противопоставлялись «нечъстивому» «латиньскаа мудръствоующоу» Михаилу VIII². В созданной, по-видимому, также по следам событий «Повести о разорении латинянами афонских православных монастырей» подчеркивалось, что после отступления византийского императора и константинопольского патриарха от православия «патриарх вселенский бе тогда» в болгарской столице — Тырнове³. В приписке на одной из рукописей того времени глава болгарской церкви патриарх Игнатий был назван «столпом правоверия» — очевидно, за его выс-

¹ См.: Златарский В. Н. История... С. 536–537.

² См.: Иванов И. Български старини из Македония. София, 1970. С. 438–439.

³ См.: Ви шенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 334.

⁴ См.: Златарский В. Н. История... С. 535.

тупление против унии с Римом⁴. Так на протяжении XIII в. Болгария прошла путь от страны, в числе первых вступившей в унию с Римом, до одной из главных опор православия.

Большим своеобразием отличались межконфессиональные отношения в Сербском государстве, где существовала традиция длительного мирного сосуществования приверженцев обеих конфессий. Долгое время здесь отсутствовала та четкая конфронтация, которая становилась все более характерной для районов непосредственного соприкосновения православного мира и католического. Ярким примером такого своеобразия может служить договор Дубровника с болгарским царем Михаилом Асенем, направленный против сербского крала Стефана Уроша (1253 г.). Правитель-схизматик выступал в нем как потомок «благоверных и святых царей», «святой и верный Христу» царь, правитель «святого и преславного царства всей земли Болгарской». Одновременно в договоре выражалась надежда, что, овладев «поморскими» градами, болгарский царь передаст все находящиеся в них храмы, подчинявшиеся ранее католическому архиепископу Бара, под юрисдикцию католического архиепископа Дубровника. В случае нарушения обязательств царю грозил «гнев высокого папы римского»¹.

¹ Стојановић Л. Старе српске повеле и писма. Кн. 1. Д. 2. Београд; Сремски Карловици, 1934. С. 206–207.

Целый ряд прямых свидетельств говорит о том, что и после присоединения сербской церкви к православному миру отношения представителей двух конфессий на территории Сербского королевства были далеки от жесткой конфронтации как на высоком идейном, так и житейски-бытовом уровне.

Что касается идейной атмосферы, то здесь в самом пристальном внимании нуждаются некоторые свидетельства, содержащиеся в житии Саввы Неманича, написанном в 40-х или 50-х гг. XIII в. монахом Хиландарского монастыря Доментианом, вероятно, по заказу краля Стефана Уроша. Помещенный в житии рассказ о коронации Стефана Первовенчанного начинается с того, что именно Савва направил епископа Мефодия «в Римь к прехвальным апостолом Петру и Павлу и къ великому сопрестольникоу святыю, папе великие римьские дръжавы» с просьбой о королевской короне для брата. Затем, по уверению агиографа, сам Савва увенчал великого жупана принесенной из Рима королевской короной¹. Достоверность этого свидетельства вызывает серьезные сомнения. Епископ Мефодий упоминается в письме Гонорию III от 1220 г. как посол не Саввы Неманича, а Стефана Первовенчанного, а по

¹ См.: *Даничић Н.* Живот светога Симеона и светога Саве, нап. Доментијан (далее — Доментијан). Београд, 1865. С. 245 и сл.

свидетельству Фомы Сплитского, великого жупана короновал папский легат, который привез корону. По-видимому, агиограф, не представлявший себе, чтобы такое событие могло произойти без участия его героя, решил изменить известные ему исторические факты. Но для нас важно, что он не считал зазорным для святого его обращение к римскому первосвященнику, названному при этом «сопрестольником» апостолов Петра и Павла, у него не вызывало сомнений и право папы жаловать королевские короны. Агиограф также, по-видимому, имел основание считать, что такие его утверждения не встретят отпора ни в среде сербского монашества на Афоне, ни в окружении краля Уроша¹.

Что касается житейского уровня, о наличии ненарушенных контактов говорят факты совместного выступления духовных лиц обеих конфессий то как свидетелей в суде, то как участников дарений сербских кралей². Примером может слу-

¹ Характерная деталь. В том же житии Доментиян назвал близким другом Саввы «из юности» солунского митрополита Константина Месопотамита (Доментијан... С. 226), но этот иерарх, двадцать лет управлявший митрополией под властью латинян, несомненно, принадлежал к числу лиц, подчинившихся латинскому патриарху в Царьграде (см.: *Слијепчевић Н.* Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Кн. 1. С. 69.)

² См.: *Јиречек К.* Историја Срба. Београд, 1952. Т. 2. С. 74.

жить грамота краля Стефана Милутина 1306 г. бенедиктинскому монастырю Богородицы в Ратаце, при составлении которой присутствовали зетский епископ и «пискуп» которский¹. В 1301 г., чтобы положить конец своему конфликту с католическим Дубровником, Милутин нашел нужным послать туда с особой миссией главу сербской православной церкви архиепископа Евстафия II². Приведенные свидетельства показывают, что такое «мирное сосуществование» было характерным для региона еще и в начале XIV в.

Обычным делом для всего XIII в. были браки сербских правителей с католическими принцессами. С точки зрения нашей темы, особого внимания заслуживает комплекс свидетельств, связанных с личностью королевы Елены, жены Стефана Уроша. Французская аристократка, родственница анжуйских правителей Южной Италии, она отличалась преданностью католической вере и побуждала своих сыновей Драгутина и Милутина «к соединению с Римской церковью»³. Получив в удел после низложения и смерти мужа значительную часть Приморья, она основала в поморских городах целый ряд

¹ См.: *Шекуларец Б.* Дукльанско-зетске повелъе. Титоград, 1987. С. 177.

² См.: *Слијепчевић Н.* Историја... С. 151.

³ См. подробнее: *Јуречек К.* Историја... Т. 1. С. 181 и сл.

францисканских монастырей¹, а в 1303 г. отдала свои земли под опеку папского престола².

Вместе с тем, в постройке католических храмов и пожалованиях католических аббатств вместе с матерью участвовал православный король Стефан Милутин³, а сама Елена наряду с католическими обителями построила православный монастырь в Градце, в котором и была похоронена. В сборнике житий сербских правителей и пастырей Сербской церкви, составленном в начале XIV в. архиепископом Даниилом II, помещена и биография «блаженной» Елены, которую автор — глава Сербской православной церкви — хвалил за благочестие, строгий образ жизни и помощь бедным. Для него королева — «дарованный от Господа светильник преславъномуу отъчъствию своему земли срьбъсцей». Святость ее подтверждает обретение ее «нетленных» останков⁴.

¹ См.: *Суботин Ф.* Кральвица Јелена Анжујска — ктитор црквених споменика у Приморји // *Историјски гласник*. 1958. Т. 1–2.

² *Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia* (далее — VMNH) / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. Т. 1. № 648. Р. 407.

³ См.: *Историја Црне Горе*. Титоград, 1970. Кн. 2. Т. 1. С. 54.

⁴ См.: *Даничин Н.* Животи краљева и архиепископа српских / Написао архиепископ Данило и други. Београд; Загреб, 1866. С. 54, 82, 99.

Известно, что Елена прилагала большие усилия, чтобы склонить к унии с Римом своих сыновей Стефана Драгутина и Стефана Милутина и своего второго мужа — болгарского царя Георгия Тертера¹. На рубеже XIII–XIV вв. снова начались переговоры сербских правителей с Римом о церковной унии. Правитель северо-западных районов Сербии Стефан Драгутин, тесно связанный с венгерским двором, в 1291 г. просил папу Николая IV прислать в его владения францисканских монахов для борьбы с богомильской ересью². Сербский краль Стефан Милутин, когда находил это для себя выгодным, охотно вступал в соглашения с латинскими противниками Византийской империи. Так, в начале 80-х гг. XIII в. он небезуспешно искал сотрудничества с главным врагом императора Михаила VIII Палеолога Карлом Анжуйским³. В начале XIV в. он снова попытался использовать в своих интересах конфликт между Византией и латинским претендентом на императорский трон Карлом Валуа, братом французского короля Филиппа IV Красивого. По договору, заключенному в 1308 г., французский принц обязался в обмен на помощь, полученную

¹ См.: *Јиречек К.* Историја... Кн. 1. С. 190.

² См.: *VMHN.* Т. 1. N 610. Р. 377.

³ См.: *Мошин В.* Балканската дипломатија и династическите бракове на крал Милутин // *Споменици за средновековата и по нова историја на Македонија.* Скопје, 1977. Т. 2. С. 160–161.

от краля, передать ему часть византийских владений в Македонии¹.

Однако анализ соглашения показывает, что к началу XIV в. стали складываться условия, резко ограничивавшие для сербского краля возможность проведения подобной политики. Как явствует из текста договора, краль избрал достаточно традиционный способ скрепления договорных обязательств, предложив заключить брак между его дочерью и сыном Карла Валуа, Филиппом. Как уже отмечалось выше, подобные браки в сербском королевском доме на протяжении XIV в. были обычным делом, но на этот раз согласие французской стороны было поставлено в зависимость от выполнения сербским правителем ряда предложенных ему условий. Так, в договоре отмечалось, что французская королевская семья даст согласие лишь тогда, когда ее послы, направленные к кралю, убедятся, что он действительно готов вернуться к единству с римской церковью и повиноваться власти папы и примет послов, которых с этой целью к нему направит Климент V. Таким образом, в начале XIV в. непременным условием соглашения между сербским кралем и латинским претендентом стало присоединение Стефана Милутина и его поддан-

¹ Текст договора см.: *Mavromatis L. La fondation de l'empire serbe. Le kralj Milutin. Thesalonique, 1978. P. 126–128.*

ных к католической церкви. Во исполнение договоренности папа Климент V направил к правителю Сербии посольство во главе с патриархом Градо, Эгидием. В грамоте, адресованной Милутину, папа разъяснял, что не требует от него повторного крещения, удовлетворившись покаянием. Папа даже назначил ему духовника из числа францисканских монахов Котора. Речь шла при этом о принятии католицизма не только самим краем, но и его подданными, так как в письме говорилось о присылке паллия из Рима главе сербской церкви.¹

То, что государи латинской Европы стали отказываться от политических соглашений с краем-схизматиком, составляло лишь одну сторону медали. Другую определяло то, что отношение сербского духовенства к латинянам стало совсем иным, чем в начале XIII столетия². Изменения эти можно проследить, сопоставив житие Саввы Неманича, написанное в середине XIII в. Доментианом, с житием Саввы, составленным Феодосием, также монахом Хиландарского монастыря на Афоне, в конце XIII или начале XIV вв. В сочинении Феодосия не говорилось ничего об обращении Саввы в

¹ См.: *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium* (далее — VMSM) / Ed. A. Theiner. Romae, 1863. Т. 1. N 231–232.

² См.: Хафнер С. Светосавская црква и Рим у XIII и XIV веку // Сава Неманьин — Свет и Сава. История и преданье. Београд, 1979. С. 386–387.

Рим за королевской короной для брата, напротив, в его рассказе Савва выступал как единственный и самостоятельный организатор коронации¹. Хотя агиографу было известно о взятии Константинополя «фругами»², он упорно пишет о поездках Саввы к императорам Феодору Ласкарю и Иоанну Ватацу в Константинополь³, как бы не признавая власти латинян над «царствующим градом».

Рассказ своего предшественника — Доментиана о встрече Саввы с венгерским королем⁴ Феодосий дополнил явно выдуманным сообщением о том, что король захотел исповедаться в грехах перед Саввой и под его воздействием стал отрицать «се ересы и юже веру латинскую дръжаще... православия же веру, якоже светыемь научиемь, дръжати обештавает се»⁵. В описании путешествия Саввы в Палестину также обнаруживается отсутствующая у Доментиана деталь — сообщение о выкупе святым метохий в Аккре, которая была «от латинь порабоштена»⁶. Рассказ Доментиана о борьбе святого с еретиками-богомилами⁷

¹ См.: *Хиландарац Теодосије*. Живот светог Саве. Београд, 1973. С. 142–143.

² Там же. С. 103, 170.

³ См.: Там же. С. 126, 130, 132.

⁴ См.: Доментијан... С. 248 и сл.

⁵ *Хиландарац Теодосије*. Живот... С. 158.

⁶ Там же. С. 185.

⁷ См.: Доментијан... С. 243.

Феодосий снова дополнил сообщением о том, как святой убедил вернуться в православие людей, крещеных в «латинскеи ересы», помазав их миром «со проклетием злые их ереси»¹. Коль скоро деятельность Саввы должна была служить образцом для его преемников, в указанном сообщении нетрудно увидеть призыв к обращению в православную веру живущих в Сербии «латинян».

Таким образом, в отличие от своего предшественника работавший на рубеже XIII–XIV вв. писатель счел нужным устранить любые указания на дружественные контакты своего героя с латинским миром, продемонстрировать свое враждебное отношение к латинству и подчеркнуть заслуги героя в борьбе с ним. Очевидно, что к концу XIII в. в религиозной ориентации сербского монашества по отношению к латинскому миру имели место очевидные перемены, вызванные к жизни не в последнюю очередь насилиями «латинян» на Афоне после заключения Лионской унии.

При этом следует учитывать, что сербское монашество Святой Горы составляло своего рода интеллектуальную элиту сербского духовенства, исходящие из этой среды суждения отличались особой авторитетностью, а из людей, возглавлявших Хиландар, часто выходили деятели, стоявшие у кормила правления сербской церковью.

¹ *Хиландарац Теодосије. Живот...* С. 151

К их числу принадлежал и архиепископ Даниил II, монах и игумен Хиландара, а затем советник Стефана Милутина и глава сербской церкви (с 1324 г.)¹. Если он и считал возможным написать биографию матери Милутина, Елены, ревностной католички, то в биографии ее сына Стефана Милутина он с гневом порицал отступление Михаила VIII от православия, уподобляя его Иуде — «лукавому предателю, иже отступил от света в тьму». Его внезапную смерть во время похода на Сербию, предпринятого после заключения унии, Даниил явно считал карой за отступничество («смерть грешником люта есть»)². Императору-отступнику он противопоставлял благочестие и твердость в вере сербского крала.

При таких настроениях в среде духовенства переговоры об унии с Римом могли поставить сербского крала перед лицом серьезных внутривосточных конфликтов. Не случайно, как сообщается в написанной в XIV в. биографии Климента V, папские легаты вернулись, не добившись цели, так как Милутин опасался реакции своих православных подданных³. Характерно, однако, что и Стефан Драгутин, тесно связанный с венгерским

¹ Его биографию см.: *Слијепчевић Н.* Историја... С. 156–158.

² *Даничић Н.* Животи... С. 110.

³ См.: *Мошин В.* Договорот на крал Урош II Милутин со Карло Валоа од 1308 година за поделбата на Византиска Македонија // *Споменици*... Т. 2. С. 427–428.

королевским домом¹, не предпринимал каких-либо мер, чтобы изменить религиозные воззрения своих подданных. О деятельности приглашенных им францисканских монахов ничего не известно, а на боснийских землях под его властью образовалась новая православная епископия². Религиозная ориентация православного населения Сербии к началу XIV в. была, по-видимому, столь определенной, что почвы для попыток сближения с латинским миром уже не существовало.

Утверждению враждебной позиции сербского общества по отношению к латинянам способствовал ряд важных фактов. Соответствующую эмоциональную атмосферу поддерживали попытки ряда «латинских» правителей, предпринимавшиеся во второй половине XIII — начале XIV вв. восстановить Латинскую империю. При захвате этими правителями земель на Балканах на них водворялось латинское духовенство, а православное сталкивалось снова с тяжелыми испытаниями. Так, после захвата в 1272 г. Диррахиума войсками Карла Анжуйского в городе появился католический архиепископ, имения православного митрополита были захвачены, а его казна

¹ См.: *Динић М.* Однос између краља Милутина и Драгутина // *Зборник радова византолошког института*. Београд, 1955. Кн. 3. С. 57.

² См.: *Драгојловић Д.* Крстјани и јеретичка црква босанска. Београд, 1987. С. 70–71.

разграблена¹. Эти попытки возобновления экспансии на Восток сопровождались оживлением проповеди крестового похода против схизматиков, чьи земли должны были стать добычей завоевателей — приверженцев истинной веры. Объектом такого похода, как мы увидим далее, должны были стать не только владения Византии, но, несмотря на дипломатические маневры Стефана Милутина, и сербские земли.

Пропагандистами этих идей являлись монахи «нищенствующих» орденов — францисканцы и доминиканцы, к началу XIV в. игравшие уже главную роль в миссионерской деятельности на Балканах. О настроениях, оценках и планах, рождавшихся в этой среде на рубеже XIII–XIV вв., позволяет судить такой источник, как описание Восточной Европы, составленное в начале 1308 г. одним из участников подобных миссий, по-видимому, французским доминиканцем, близким ко двору Карла Валуа².

Описание не было чисто академическим упражнением. Его возникновение, напротив, было тесно связано с планами крестового похода на Восток во главе с Карлом Валуа ради восстановления

¹ См.: *Sufflay M. de. Die Kirchenzustände...* S. 211, 251.

² О времени создания памятника и личности его автора см. соображения издателя (*Anonimi Descriptio Europae Orientalis Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia anno 1308 exarata* / Ed. O. Gorka. Cracoviae, 1915. S. IV–X).

Латинской империи. Оно должно было дать сторонникам похода веские аргументы в пользу реальности их планов и снабдить их полезной информацией о том, как лучше добиться поставленной цели. Описание православных государств на Балканах завершалось в этом сочинении выражением надежды на то, что, выступая совместно, Карл Валуа и венгерский король Карл Роберт сумеют легко подчинить себе живущие здесь «дикие» и «схизматические» народы, которые «не по праву» владеют этими богатыми и роскошными землями¹.

К числу государств, которые должны были стать объектом такого похода, составитель описания недвусмысленно относил и Сербию. Хотя ему было известно о переговорах Стефана Милутина с Карлом Валуа и папой Климентом V, он выражал сильнейшие сомнения в искренности намерений сербского крала. По его словам, правитель Сербии — это «человек лукавый и лживый», который «ничего не выполнит из обещанного им», а переговоры с папой ведет лишь для того, чтобы «Римская церковь удержала господина Карла от нападения на него»².

¹ См.: *Anonymi Descriptio...* P. 42.

² *Ibid.* P. 35, 37. Более подробный разбор высказываний Анонима о Стефане Милутине и его брате см.: *Наумов Е. П.* Завистник веницейского чекана // *Дантовские чтения.* 1973. М., 1973. С. 250 и сл. Текст Анонима здесь и далее цитируется в переводе Е. П. Наумова.

Это свое заключение о политике сербского краля автор обосновывал ссылками на то, что Стефан Милутин «чрезвычайно сильно преследует католиков и ненавидит их», что и краля, и жители его страны — «это коварные схизматики, и поэтому [они] жестоко преследуют названных католиков»¹. Сербия составитель описания недвусмысленно охарактеризовал как страну, где католики подвергаются тяжелому угнетению. Здесь, писал он, «чрезвычайно жестоко разоряют церкви латинян, разрушают их и нападают на прелатов, захватывают их и вообще причиняют много зла, и поэтому упомянутые церкви [католиков] бедны»².

Нельзя исключить того, что Аноним существенно сгустил краски, чтобы обосновать правомерность крестового похода против Сербии. Очевидно также, что нельзя говорить о проведении в начале XIV в. государственной политики, специально направленной против католиков. Источники того времени указывают, напротив, на попытки сербского краля обеспечить себе в борьбе с недовольной знатью поддержку патрициата католических городов Приморья и общин немецких колонистов — «сасов», пришедших в XIII в. в Сербию для разработки серебряных рудников³. Мож-

¹ *Anonymi Descriptio...* P. 30, 36.

² *Ibid.* P. 30–31.

³ См.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975. С. 259–260.

но привести также ряд свидетельств о дарениях Милутина католическим монастырям и его участии в восстановлении некоторых из них¹. Кроме того, следует учитывать, что в то время, когда создавалось описание, земли Приморья представляли собой в рамках Сербского государства особое княжество, которым вплоть до 1309 г. управляла мать Милутина, королева Елена², о прокатолических симпатиях которой уже говорилось. И все же высказывания Анонима (а он, по-видимому, лично побывал в Сербии) нельзя считать чистым вымыслом. Очевидно, что если не на государственном, то на уровне отношений между простыми людьми к началу XIV в. в Сербии заметно осложнились взаимоотношения между приверженцами двух конфессий в местах их совместного проживания. Судьба католического епископства в Травунии (о чем говорилось выше) является важным доводом в пользу того, что обвинения Анонима имели под собой почву и что во вспыхивавших конфликтах сербы, приверженцы господствовавшего в стране вероисповедания, православные, были наступающей стороной. Часть «латинян» была, по-видимому, явно недовольна положением, в котором оказались приверженцы католической религии в Сербском го-

¹ См.: *Жиречек К.* Историја... Кн. 2. С. 77–79.

² См.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс... С. 248–250.

сударстве, и отголоски этого недовольства правомерно искать в высказываниях Анонима.

Как бы то ни было, в общественном мнении латинского Запада активно формировалось мнение о Сербии, как части враждебного «схизматического» мира, которая вместе со всеми остальными его частями должна была стать объектом политической и религиозной экспансии. В этих условиях недовольство «латинян» в Сербии своим положением стало рассматриваться как фактор, благоприятствующий успеху этой экспансии. Составитель описания, говоря о Приморье, так прямо и писал, что Карл Валуа, если захочет, «весьма легко овладеет всей этой страной обильной и богатой... и люди этой страны, поскольку они католики и признаются латинянами, это охотно одобрили бы»¹.

Особенность ситуации заключалась в том, что те же самые круги, которые пропагандировали крестовый поход против схизматиков, играли главную роль в развитии миссионерской деятельности католической церкви на Балканах, и успехи на этом поприще они использовали для того, чтобы побуждать принявших католицизм представителей местной знати свергнуть власть схизматических правителей. Так, например, обстояло дело в конце второго десятилетия XIV в. на албанских землях, где после вторжения в этот

¹ Anonymi Descriptio... P. 37.

район в 70-х гг. XIII в. войск Карла Анжуйского возникли католические епископства¹. Когда в 1318–1319 гг. под эгидой римской курии было подготовлено совместное нападение на «схизматика» Милутина со стороны претендента на византийский императорский трон Филиппа Тарентского и венгерского короля Карла Роберта, Андрей, епископ Круи, одного из главных албанских городов, призвал албанских «баронов» — католиков, живущих под властью сербского краля, следуя призыву святого престола, выступить против этого правителя. В письмах, адресованных албанским баронам, папа Иоанн XXII благодарил их за выступление против «схизматика и врага христианской веры» и обещал свою поддержку².

Деятельность приверженцев такого круга идей стала получать распространение и в городах сербского Приморья, где они начали претендовать на господствующее положение в местной религиозной общине. Показательны в этом плане перемены, имевшие место в таком крупном политическом и религиозном центре этого района, как Бар. Для сознания жителей города было характерно наряду с признанием тесной связи с Римом

¹ См.: *Sufflay M. de. Die Kirchenzustände...* S. 212–214.

² См.: *Sufflay M. de. Op. cit. S. 214–215; Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. Vindobonae, 1913. V. 1. № 648–650.*

ощущение тесной связи с Сербским государством, которой даже подчас могло быть отдано предпочтение при возникновении конфликтных ситуаций¹. Еще в начале XIV в. кафедру в Баре занимал архиепископ Марин из местного патрицианского рода Жаретичей, неоднократно получавшего пожалования от сербских кралей² и умевший ладить с королевой Еленой и ее сыном Стефаном Милутином. В 20-х гг. того же столетия барский престол занял доминиканец из Южной Франции Гильом Адам, фанатичный враг всех схизматиков — сербов и греков³. Его воззрения получили выражение в трактате «*Directorium ad passagium faciendum ad Terram Sanctam*», написанном в 1332 г. для французского короля Филиппа VI. В предложенном этому монарху плане крестового похода одной из его целей провозглашалось покорение Сербии. По его словам, это могло осуществить сравнительно небольшое французское войско, которое могло бы опираться

¹ В документе середины XIII в. приводятся высказывания жителей города, недовольных позицией курии в споре за юрисдикцию над городами Приморья между Баром и Дубровником: «*Quid est papa? Dominus noster rex Urosius est nobis papa!*» (Цит. по: Станојевич С. Борба за самосталност католичке цркве у Неманској држави. Београд, 1912. С. 121).

² См. об этом: Наумов Е. П. Господствующий класс... С. 108–109.

³ См.: Јуречек К. Историја... Кн. 2. С. 75.

ся на поддержку жителей городов Приморья и албанцев, которые, как католики, жестоко угнетались православными жителями страны (подобно Анониму Гильом Адам говорит о разрушении храмов и заключении в тюрьму католических прелатов) и надеялись «освятить свои руки славянской кровью»¹. По сравнению с началом XIV в. разница заключалась не только в том, что в организации похода активная роль отводилась как жителям Приморья, так и албанцам. Еще более важно, что подобные призывы исходили от одного из главных руководителей католической церкви на территории Сербского королевства.

Представляется вполне закономерным в подобных условиях появление в Сербии общегосударственных актов, направленных специально против развития миссионерской деятельности католического духовенства. Принятый в середине XIV в. «Законник» Стефана Душана установил запрет миссионерской деятельности латинян на территории Сербии: латинскому священнику, обратившему в свою веру православного, грозили суровые кары «по закону святых отцев»². Одновременно

¹ Споменици за средневековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1977. Т. 2. С. 619.

² В более позднем «Законе о рудниках» деспота Стефана Лазаревича священнику, совершившему такой поступок, предписывалось отрезать нос (*Радојчић Н. Закон о рудницима деспота Стефана Лазаревића. Београд, 1962. С. 56*).

законодатель предписывал, чтобы все православные, принявшие католичество, вернулись в православие, также под угрозой суровых кар. Протопопы по всем градам должны были следить за исполнением этого предписания¹. Что касается контактов между представителями конфессий, весьма существенным следует признать предписание о запрете смешанных браков: католик, вступивший в такую связь, должен был обратиться в православие или оставить членов семьи и имущество².

Тем самым не ликвидировалась полностью длительная традиция сравнительно мирного сосуществования представителей двух конфессий на одной территории, но само это сосуществование ставилось в жесткие рамки, выход за которые грозил тяжелыми последствиями. Об отношении составителей «Законника» к латинскому миру позволяет судить характер терминологии, использованной в тексте этого памятника. Если православие последовательно именуется в нем «христианской верой», а его приверженцы «христианами», то представитель другой стороны — это приверженец «веры латинской», которая здесь же определяется как ересь, а сам он в дальнейшем называется «полуверцем». В этом выбо-

¹ См.: Законник цара Стефана Душана 1349 и 1354 / Издао и превео Н. Радојчић. Београд, 1960. С. 44.

² См.: Там же. С. 45.

ре терминов, как представляется, очень четко отразилось понимание «латинского» мира как мира чуждого, враждебного, стоящего, по существу, за пределами христианской ойкумены. От внешних воздействий со стороны этого мира следовало всячески оградиться, и этой цели служили предписания «Законника».

Очевидно, что при всех различиях конкретных исторических условий, в которых протекало развитие Болгарии и Сербии, эволюция отношения болгарского и сербского общества к латинскому миру в последней трети XIII — первой четверти XIV вв. развивалась в сходном направлении — роста конфронтации, враждебности, стремления к разрыву и ограничению исторически сложившихся контактов с этим миром. Появление законодательства, в котором нашли отражение такие тенденции, говорит о достаточно сильном их развитии.

Для представления о всей картине отношений, складывавшихся в этот период между разными в конфессиональном отношении частями южнославянского мира, необходимо затронуть также особенности межконфессиональных отношений в Венгерском королевстве, в границы которого входили территории католической Хорватии.

Об изменении конфессиональных отношений в этом государстве, игравшем до начала XIII в. роль своего рода промежуточной зоны между латинским и православным миром, позволяют судить

уже те фактические данные, которые были приведены в предшествующих главах при характеристике отношений южно-славянских православных государств с их католическими соседями. Уже эти данные позволяют сделать вывод о том, что после взятия Царьграда в 1204 г. с политическим, а следовательно, в значительной мере и с идейно-культурным влиянием Византии на Венгрию было покончено. В борьбе, развернувшейся на Балканах после падения византийской столицы, правители Венгрии встали на сторону Латинской империи и принимали участие в организовывавшихся курией крестовых походах против схизматиков.

Уже такие изменения во внешнеполитической ориентации Венгерского королевства должны были оказать неблагоприятное воздействие на положение православной церкви, лишившейся могущественного покровителя в лице Византийской империи. Однако в том же направлении действовали и другие, более глубинные факторы развития.

В странах Центральной Европы XIII век стал временем освобождения католической церкви от опеки светской власти и превращения ее в мощную самостоятельную силу. Одновременно резко усилилась связь локальных церквей с папством, воздействие папства на их политико-религиозную ориентацию. Именно в XIII в. здесь получила широкий размах деятельность папских легатов, проделавших большую работу по сближению

существовавших в этом районе церковных порядков с порядками, характерными для главных центров католического мира. Разумеется, не последней из их обязанностей было проведение на этой территории политики папства по отношению к схизматикам и воспитание местного духовенства и всего населения в духе этой политики.

Все это не могло не наложить отпечатка на развитие межконфессиональных отношений в Венгерском королевстве. Начало XIII в. было временем усиления унификационных тенденций в политике папства. Допуская существование различных обрядов и обычаев, папа Иннокентий III категорически исключал возможность сосуществования иерархов двух разных конфессий на территории одного диоцеза¹. Неудивительно, что в письме епископу Варадина от 10 апреля 1204 г. он писал по поводу греческих монастырей в Венгерском королевстве, что или их монахи должны выбрать епископа, который принесет присягу ему, римскому папе, или пусть в эти монастыри будут назначены латинские аббаты². Линия, нашедшая в этом письме свое частное выражение, была закреплена в 9-м каноне Латеранского Собора 1215 г., по которому допускались различия в богослужении в соответствии с «различием обря-

¹ См.: Norden W. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903. S. 229.

² См.: VMSM. T. I. № 55. S. 33.

дов и языков», но двух иерархов разных конфессий в одном диоцезе не могло быть¹.

Из предложенных папой в письме 1204 г. альтернатив возобладал второй вариант: греческие монастыри стали постепенно переходить в руки латинских монахов².

В соответствии с этим и курия, и высшие круги венгерского духовенства стремились не допустить существования «схизматических» иерархов на территории королевства. Так, уже в 1229 г. обсуждался вопрос о создании латинского епископства в Среме (Сирмии) — центре района, в котором проживала большая часть православного населения страны³. Епископство явно должно было прийти здесь на смену епархиям «схизматиков». Действительно, в 1232 г. папа предписал епископу Чанада потребовать от православных епископов Белграда и Браничева подчинения римской церкви, отметив при этом, что в противном случае их диоцезы будут подчинены Срему⁴.

¹ См.: *Gill J. Byzantium...* P. 44.

² См.: *Moravcsik G. Byzantium and the Magyars.* Budapest, 1970. P. 115. Известна булла Гонория III 1226 г., санкционировавшая передачу латинским монахам греческого монастыря св. Андрея в Вышеграде / *VMNH. T. 1. № 53.*

³ См.: *Moravcsik G. Byzantium...* P. 115.

⁴ См.: *ЛИБИ. Т. 4. С. 44–45.* Еще в 1290 г. папа Николай IV предписывал своему легату, епископу Беневента добиться изгнания из Белграда «схизматического» епископа / *VMNH. T. 1. № 587. P. 366.*

Вприсяге наследника венгерского трона («молодого короля») Бела (23 января 1234 г.) говорилось, что он должен изгнать из королевства еретиков, «фальшивых христиан» и отступников, принявших иудейскую или мусульманскую веру. Что же касается тех в стране, «кто не подчиняется римской церкви, обряда какого бы народа они ни придерживались», «молодой король» обязывался «заставить их подчиниться римской церкви»¹.

Хотя в итоге православное население и православное духовенство в Венгерском королевстве остались, их деятельность была ограничена рамками, гораздо более жесткими, чем у «латинян» в Сербии XIV в. Условия эти были сформулированы в статутах, составленных в 1279 г. Филиппом, епископом Фермо, папским легатом для Польши и Венгрии². Согласно этим статутам, православные священники не могли совершать богослужения за пределами своих храмов, приобретать или возводить церковные постройки без разрешения католического епископа соответствующей епархии. Католикам запрещалось присутствовать на службе в православных храмах и принимать таинства у православных священников. В этих предписаниях проступает стремление

¹ЛИБИ. Т. 4. С. 48.

² См.: Antiquissimae constitutiones synodales provinciae Gneznensis / Wyd. R. Hube. Petersburg, 1856. S. 162.

не только оградить католический мир от вредного влияния схизматиков (как в «Законнике» Душана по отношению к латинянам), но и создать препятствия для расширения их религиозной деятельности вообще.

Охранительная тенденция особенно ярко выражена в постановлениях другого папского легата, Гентилиса, действовавшего в Венгрии в начале XIV в. Поводом для издания постановлений послужило соглашение о браке сына одного из венгерских магнатов, трансильванского воеводы Ласло Кана с дочерью сербского правителя Стефана Драгутина. Политическая подоплека выступления легата хорошо известна. Он опасался, что новая брачная связь поможет сыну Стефана Драгутина, по матери потомку Арпадов, выступить с притязаниями на венгерский трон после пресечения этой династии¹. Такая перспектива пугала не только папского легата. Составитель описания Восточной Европы (1308 г.) также доказывал, что из всех дочерей венгерского короля Ласло IV может наследовать корону лишь королева Сицилии, как католичка, так как все остальные дочери вышли замуж за схизматиков². Обсуждение возможности притязаний одного из сербских Неманичей на венгерский трон говорит

¹ См. подробнее об этом: *Динић М.* Однос измењу... С. 64–65.

² См.: *Anonymi Descriptio...* P. 54.

о том, что в сфере отношений между верхушкой знати Венгрии и ее славянских соседей сохранились характерные для предшествующей эпохи традиции известной взаимной терпимости.

Вместе с тем налицо было и действие мощных сил, заинтересованных в том, чтобы положить таким традициям конец. Гентилис пытался воздействовать на Ласло Кана увещеваниями, чтобы воспрепятствовать заключению брака, а когда брак был все же заключен, отлучил его от церкви. Но, пожалуй, наибольший интерес этого эпизода в истории Венгрии состоит в том, что данный инцидент папский легат использовал для выработки общих решений, затрагивавших отношения между православным и католическим миром в целом. На созванном Гентилисом в Буде в 1309 г. синоде был установлен категорический запрет браков католиков не только с богомилами, но и со схизматиками — русскими, болгарами и сербами («расы»). Нарушивший запрет отлучался от церкви, и если он в течение месяца не раскаивался, предписывалось применять к нему меры, предусмотренные церковным и гражданским правом по отношению к еретикам и врагам веры¹. Стремление отгородиться от православного мира, как чуждого и враждебного, всячески ограничить возможные контакты с ним проявилось в этом документе со всей отчетливостью.

¹ См.: VMNH. Т. 1. N 1259. Р. 824.

Приведенные сведения о положении православных в Венгерском королевстве позволяют выделить действие еще одного фактора, влиявшего на отношение сербского и болгарского общества к католическому миру. Таким фактором было резкое ухудшение положения православных в соседней с ними католической стране. Поскольку дискриминационные нормы статута епископа Фермо по времени значительно предшествовали появлению аналогичных норм «Закона» Душана, можно видеть в них и определенный отклик на соответствующую ориентацию латинского мира.

Надо учитывать также, что религиозная политика носителей государственной власти и церковной иерархии должна была оказывать влияние на хорватов, живущих в границах Венгерского королевства, и содействовать развитию религиозной конфронтации между православными и католиками на почве южно-славянского мира.

Следует еще раз подчеркнуть (имея в виду главным образом отношения Сербии с ее католическими соседями), что рост этой конфронтации к середине XIV в. не привел к разрыву связей, в особенности между верхами светского общества обеих сторон, но атмосфера для их сохранения и развития становилась все менее благоприятной.

РУСЬ, ЕЕ ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ И ПАПСТВО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВЕКА

1204 год, время взятия Царьграда крестоносцами, для Древней Руси, как и для южных славян (но по иным причинам), не может рассматриваться как время какого-то решительного перелома в истории ее взаимоотношений с латинским миром. О реакции древнерусского общества на взятие Константинополя можно судить по подробному рассказу об этом событии, помещенному в Новгородской первой летописи.¹ Дав яркую картину разгрома Царьграда крестоносцами и говоря с печалью о том, как «погыбе царство богохранимаго Константиныграда», автор рассказа возлагал всю вину на фрягов, которые действовали «цесарева веленья забывша и папина», «не тако бо бе казал им цесарь немецьскыи и папа римьскыи, еже зло учиниша Цесарю-

¹ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л. 1950. С. 46–49.

городу». Тем более не было оснований у Руси менять в чем-либо отношения к ее католическим западным соседям, не принимавшим участия в захвате византийской столицы.

Поскольку русским княжествам никогда не угрожала серьезная опасность со стороны Византийской империи, у русских князей ни накануне, ни после взятия Царьграда не было серьезных стимулов для установления контактов с Римом (в отличие от южнославянских правителей). Наоборот, римская курия должна была рано или поздно обратить внимание на Русь, как на одну из частей церковного наследства Византийской империи. Подходящий для этого момент наступил в 1207 г., когда после смерти летом 1206 г. константинопольского патриарха Иоанна, которого греческое духовенство единодушно признавало своим духовным главой, греческая Церковь временно оказалась без единого верховного пастыря, и греки Константинополя обратились к папе за разрешением избрать нового патриарха.¹ В это время Григорию, кардиналу Сан Витали, отправленному папским легатом в Венгрию, было передано обращение Иннокентия III к духовенству и населению Руси.

Ссылаясь на то, что «почти вся» Греческая империя и Греческая Церковь подчинились папскому престолу и смиренно принимают его предпи-

¹ См.: Gill I. Byzantium and the papacy. 1198–1400. New Jersey, 1979. P. 32–34.

сания, папа, полагая, что часть не может отделяться от целого, предлагал принять его легата, которому даны все полномочия, чтобы привести дочь к матери и часть тела к его главе.¹ Неизвестно, было ли обращение передано по адресу, ничего не известно и о возможной реакции на него. Есть все основания полагать, что после поставления в Никее весной 1208 г. патриарха Михаила Авториана русские княжества без каких-либо затруднений признали его власть.

В обширной переписке Иннокентия III это единственный документ, касающийся Руси, созданный по инициативе самого папы, что ясно показывает, как мало в начале XIII в. привлекала внимание Ватикана Русь, находившаяся на периферии конфликта в Средиземноморье. Правда, в конце его понтификата была предпринята попытка распространить власть католической церкви на Галицкую землю, вызвавшая, по-видимому, достаточно широкий резонанс на Руси. Об этой попытке известно из двух писем венгерского короля Эндре II Иннокентию III. В первом из них король сообщал папе: «Правители (principes) и народ Галиции... униженно молят нас, чтобы нашего сына Коломана мы поставили королем над ними». Здесь же указывалось, что эти люди желают быть в будущем «в единстве со

¹ См.: *Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae illustrantia* (далее — DPR). Romae, 1953. Т. 1 (1075–1700). № 3.

святой римской церковью», сохраняя свои особые обряды. В связи с этим Эндре II просил дать полномочия архиепископу Эстергомскому для увенчания Коломана королевской короной.¹ В другом письме, сообщая о начавшихся выступлениях местного населения против коронованного с санкции папы Коломана, он обещал, что в случае подавления волнений возьмет на себя труд доставить русских епископов на Латеранский Собор,² который должен был открыться 1 ноября 1215 г. Одновременно он просил, чтобы папа прислал Коломану золотую корону (что повысило бы его престиж в глазах соседей) и побудил малопольского князя Лешко Белого выступить с войском для подавления сопротивления галичан. Последняя просьба обосновывалась тем, что речь идет об интересах не только венгерского короля, но и католической церкви. Оба письма создают впечатление, что попытка церковной унии была плодом инициативы венгерского короля, рассчитывавшего таким образом обеспечить поддержку курией своей восточной политики. Неслучайно в своих письмах на первый план он выдвигал вопрос о получении его сыном королевской короны

¹ См.: *Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia* (далее — VMHH) / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. Т. 1. № 1.

² См.: *Monumenta Poloniae Vaticana*. Cracoviae, 1914. Т. 1. № 3.

и о польской помощи для укрепления его власти над Галичиной. Уния должна была способствовать достижению этой политической цели.

Поскольку в первом из писем говорилось о желании галичан быть в единстве с римской церковью, это дало основание украинскому историку М. Чубатому утверждать, что постановка вопроса об унии была результатом инициативы со стороны местного населения.¹ Однако не могут вызывать доверия ни объективность Эндре II в описании существовавшей ситуации, ни добровольность решений, которые были приняты в условиях иностранной оккупации и в принятии которых оккупант был крайне заинтересован.² Тезису, выдвинутому М. Чубатым, прямо противоречит свидетельство другого, независимого источника — древнерусской летописи, где под 1214 г. читаем: «Король угорьский посади сына своего в Галиче, а епископа и попы прогна, а свое попы приведе латиньские на службу».³ Значение этого свидетельства М. Чубатый попытался ослабить ссылкой на то, что о таких религиозных пре-

¹ См.: *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII в. у своїх змаганнях церковної унії // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1917. Т. 123–124. С. 16–17.

² См.: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь. М.; Л., 1959. С. 133–134.

³ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 110.

следованиях ничего не знает местный источник — Ипатьевская летопись.¹ Следует, однако, учитывать, что летопись Даниила Галицкого не была сводкой погодных записей, а целостным произведением, писавшимся в пору политического сближения Даниила с римской курией. Свидетельство летописи, во всяком случае, говорит о том, что православное духовенство выступило против церковной унии с Римом.

Вместе с тем оговорка в письме Эндре II, что галичане, желавшие подчиниться римской церкви, хотят сохранить свои особые обряды, указывает на то, что и для тех, кто был готов пойти на заключение унии, чисто религиозные интересы стояли не на первом плане (при характерной для средневекового человека тенденции отождествлять религию с суммой определенных обрядов). По-видимому, к сторонникам такой унии, как предполагал М. Чубатый,² принадлежала та часть галицкого боярства, которая была заинтересована в пребывании на галицком престоле отпрысков венгерской королевской семьи,³ и эта политическая заинтересованность побуждала ее к положительной реакции на предложения Энд-

¹ См.: *Чубатый М.* Західна Україна... С. 20.

² См.: Там же. С. 17.

³ О деятельности «провенгерской» группировки галицкого боярства см.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 1950. С. 196 и сл.

ре II. Прочной поддержкой местного населения эта группировка, как показали последующие события, не пользовалась.

Письма Эндре II позволяют судить и о том, как реагировала на венгерскую инициативу папская курия. Во втором из его писем говорится о том, что из-за начавшегося восстания галичан он вынужден отослать обратно приехавшего к нему папского посланца. Именно в этой связи король обещал папе, что он сам постарается доставить русских епископов на Латеранский Собор. Очевидно, что именно обеспечение приезда русских епископов на Латеранский Собор и было целью миссии, направленной Иннокентием III ко двору Эндре II. Это обстоятельство лучше, чем какое-либо другое, говорит о том, насколько серьезно отнеслись в Риме к перспективе распространения его сферы юрисдикции на земли Юго-Западной Руси.

Как выяснил А. Н. Насонов, летописная запись о событиях в Галицкой земле восходит к летописному своду, составленному при дворе великого князя владимирского Юрия Всеволодовича,¹ что говорит о широком резонансе, который вызвали эти события в древнерусском обществе. Роль этих событий нельзя недооценивать. Впервые в отношениях с восточным соседом католическое государство прибегло к религиозной мотивации своей политики, чтобы обеспечить себе поддержку ку-

¹ См.: *Насонов А.Н.* История русского летописания (XI – начало XVIII века). М. 1969. С. 212–213.

рии и других католических государей. Неудивительно, что этим государством оказалась Венгрия, живо вовлеченная в конфликты на Балканах с самого момента падения Константинополя. Однако следует учитывать, что события эти остались эпизодом без последствий. Хотя борьба за Галич продолжалась с большой силой еще ряд лет, ни король больше не пытался подчинить православную церковь Риму, ни курия не побуждала его к новым действиям в этом направлении. Нельзя не видеть в последнем еще одно свидетельство того, как мало в целом интересовало курию положение дел на Руси в первые два десятилетия XIII в.

Рост внимания Ватикана к восточноевропейским событиям возник в связи с развернувшейся в Прибалтике экспансией крестоносцев, находившихся с самого начала под особым покровительством папской курии. Хотя действия крестоносцев приобрели достаточно широкий размах уже в первые годы XIII в., далеко не сразу для них, а затем и для курии стала иметь значение позиция русских княжеств.¹ Ведь, покоряя язы-

¹ Наблюдающаяся подчас в нашей литературе тенденция рассматривать все акты папской политики, направленные против «язычников» в Прибалтике, как направленные прежде всего против Руси (см., например: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь. С. 95 и сл.), по нашему мнению, лишь затемняет действительную картину и не позволяет проследить эволюцию отношений между Древней Русью и латинским миром.

ческие племена леттов, куров, ливов, крестоносцы сталкивались с русскими княжествами постольку, поскольку они вторгались в сферу их влияния. Первый такой конфликт вспыхнул между крестоносцами и Полоцким княжеством, взимавшим дань с ряда племен в бассейне Западной Двины. Конфликт, однако, оказался скоротечным, так как Полоцкое княжество было довольно слабым и не пыталось соперничать с крестоносцами. Когда в 1212 г. состоялась встреча полоцкого князя Владимира с рижским епископом Альбертом, князь «говорил с ним почтительно, называя отцом духовным», и был заключен «вечный мир против литовцев и других язычников». ¹

Иная ситуация сложилась, когда крестоносцы вторглись в сферу влияния могущественного Новгорода. Началась упорная борьба, затянувшаяся на длительное время. О восприятии этого конфликта обеими сторонами позволяют судить два источника — Хроника Генриха Латвийского и Новгородская первая летопись. В Хронике можно найти ряд резких выпадов по адресу русских, которые «хотели бы раздавить тевтонов и уничтожить ливонскую церковь». ² Как враги крестоносцев, выступавшие против них в согла-

¹ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии* (далее — *Хроника...*). М.; Л., 1938. С. 141.

² *Хроника...* С. 72.

шении с язычниками, русские, конечно, постоянно осуждаются хронистом. Однако, хотя автор Хроники, несомненно, знает о различии между «латинской» верой крестоносцев и иной верой русских,¹ эта вера нигде не подвергается осуждению, термин «схизматики» на страницах Хроники ни разу не встречается. Может быть, наиболее интересно, что, противопоставляя истинной матери — ливонской церкви «русскую мать всегда бесплодную и бездетную», Генрих Латвийский упрекал ее за то, что она покоряла «страны не для возрождения к вере Христовой, а ради податей и добычи»,² то есть русская церковь обвинялась в том, что не прилагала стараний, чтобы обратить язычников в свою веру. Такие же выпады, как по адресу русских, делаются в Хронике и по адресу датчан.³ В 1220 г. епископ рижский отправился в Италию просить помощи против тех и других.⁴ Таким образом, в глазах хрониста конфликт в Прибалтике был конфликтом из-за того, кто будет властвовать над язычниками. Автор полагал,

¹ См. например, о латышах из Толовы, которые «обещали переменить христианскую веру, принятую ими от русских, на латинский обряд» (Хроника... С. 151).

² Хроника... С. 225.

³ См.: Там же. С. 217–218.

⁴ Как следует из слов хрониста, император Фридрих II рижского епископа «убеждал ... и уговаривал держаться мира и дружбы с датчанами и русскими» (Хроника... С. 199).

что крестоносцы, заставлявшие язычников принять крещение, обладали на власть над ними большим правом, чем новгородцы, которые этого не делали, но сам конфликт не имел в его восприятии черт конфессионального противостояния. Об этом свидетельствует и сообщение хрониста о захвате крестоносцами в русских поселениях икон и других предметов культа, которые, можно думать, представляли для них ценность.¹

К сходным результатам приводит и рассмотрение записей Новгородской первой летописи за первую треть XIII в. Крестоносцы на страницах этого источника ни разу не называются ни «крестоносцами», ни «латинянами», а обозначаются постоянно как «немцы», и описание конфликтов с ними ничем не отличается от описания конфликтов Новгорода с другими русскими княжествами. Не вели эти конфликты и к возникновению в Новгороде враждебного отношения к «немцам» вообще. Во время войны с крестоносцами в 1217 г. в нем продолжали торговать немецкие купцы,² а в 1231 г., когда там случился голод, «прибегоша Немьци изамория с житом и мукою и створиша много добра».³ В 1237 г., когда «немцы» организовали большой поход на «без-

¹ См.: Хроника... С. 114, 209.

² См.: НПЛ. С. 57.

³ Там же. С. 71.

божную Литву», то и «плъсковичи от себе послаша помощь мужь 200». К сожалению, отмечает летописец, участники похода «грех ради наших безбожными погаными побежени быша».¹

Следует подчеркнуть, что немногие документы папской курии 20-х гг. XIII в., касающиеся Руси и русских в связи с событиями в Прибалтике, не были посвящены конфликту между крестоносцами и Новгородом. В первом из них, булле Гонория III 1222 г., выражалось беспокойство в связи с тем, что «русские», живущие в Ливонии, держатся своих греческих обрядов и не желают соблюдать латинских.² В другой булле, 1224 г., адресованной «universis Christi fidelibus per Russiam constitutis», папа просил защитить окрещенных ливонскими епископами «неофитов» от нападений язычников.³ Третье упоминание Руси в документах Гонория III связано со следующим эпизодом. Когда в Прибалтику прибыл папский легат Вильгельм, епископ Моденский, то, по свидетельству Генриха Латвийского, русские «из Новгорода и других городов» «отправили к нему своих послов, прося утвердить мир»,

¹ Там же. С. 74.

² См.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым (далее — АИ). СПб., 1836. Т. 1. № 12. С. 13.

³ См.: Там же. № 14.

заключенный ими с крестоносцами.¹ Следствием этого обращения стала булла января 1227 г., адресованная «всем русским князьям», В ней Горнорий III выражал свою радость в связи с тем, что русские князья якобы «смиренно просили» папского легата посетить их владения, выражая готовность отречься от всех заблуждений (*omnes errores... abnegare*). В связи с этим папа призывал их признать власть римской церкви и сохранять мир с христианами в Ливонии и Эстонии.² Все эти документы показывают, что в Риме смутно представляли себе характер отношений между государствами крестоносцев и русскими княжествами.³ Проблема отношений между католическим миром и православным на почве Прибалтики, очевидно, в первые десятилетия XIII в. не представлялась для курии сколько-нибудь важной.

Там, где русские княжества граничили с Венгерским королевством, в первой трети XIII в. сохранялись традиционные отношения, характер-

¹ См.: Хроника... С. 233. Этот факт — интересное свидетельство того, как на русской стороне зарождалось понимание: в новых условиях XIII в. следует строить отношения с западными соседями с учетом политической роли римского престола.

² См.: DPR. Т. I. № 4.

³ Нет оснований рассматривать буллу 1227 г. как свидетельство «лицемерия» папской политики по отношению к Руси (См.: Рамм Б. Я. Папство и Русь. С. 113).

ные и для предшествовавшего времени. Хотя начавшиеся в первом десятилетии XIII в. походы венгерских войск на Галич продолжались, но они не сопровождались ни попытками распространения католицизма, ни оживлением на этой почве контактов с папской курией. Сохранялись и разнообразны связи между русскими князьями и венгерским двором. Даниил Галицкий играл видную роль на торжествах, связанных с коронацией Белы IV в 1235 г.¹

Особенно тесными и разносторонними были связи русских и польских земель. В первые десятилетия XIII в. между русскими и польскими княжескими семьями неоднократно заключались брачные союзы, русские и польские князья активно поддерживали своих союзников на другой стороне, неоднократно посылая им на помощь свои войска.² В начале 20-х гг. XIII в. русские войска участвовали в военных действиях польских князей против пруссов.³ На развитие русско-польских отношений в эти годы польская курия не оказывала сколько-нибудь заметного влияния.

Об оживленных культурных контактах Древней Руси с латинским миром в первые десятиле-

¹ См.: *Scriptores rerum Hungaricarum*. Budapest, 1937. T. 1. P. 467.

² Очерк русско-польских связей этого времени см.: *Włodarski B. Polska i Ruś. 1194-1340*. Warszawa, 1966.

³ См.: *Abraham W. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*. Lwów, 1904. S. 106 in.

тия XIII в. говорит и наблюдение В. П. Даркевича, указывающее на то, что именно к этому времени относится большая часть обнаруженных на древнерусской территории памятников католического сакрального искусства.¹

Некоторые сведения о межконфессиональных контактах можно извлечь из папских булл более позднего времени. Из них видно, что на Руси было много «латинских» церквей, имевших свою паству. Жившие в русской среде «латиняне» во многом отступали от норм, принятых в католическом мире. Среди них встречались, в частности, женатые священники; обычным делом были и браки между православными и католиками.²

На рубеже 20–30-х гг. XIII в. охарактеризованная выше система отношений Руси с западным миром стала претерпевать серьезные изменения. Изменения эти были связаны отчасти с тем, что политика папства по отношению к православному миру становилась все более жесткой и категоричной. Проявления этой новой линии были многообразными. Прежде всего, следует отметить усиление унитарных тенденций в политике пап-

¹ См.: Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) М. 1966. С. 61.

² См.: *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuanie, gentiumque finitimarum historiam illustrantia* (далее — VMPL) / Ed. A. Theiner. Romae, 1860. Т. 1. № 44, 47; DPR. Т. 1. № 6.

ства по отношению к территориям, на которые распространялась его власть. Эта политика коснулась и давно находившегося под папской властью населения Южной Италии. В 1231 г. папа Григорий IX принял решение изменить ряд издавна практиковавшихся здесь греческих обрядов; в частности, была признана недействительной греческая форма крещения, и папа предложил повторно перекрещивать людей, окрещенных с ее использованием. От греческого духовенства во владениях крестоносцев теперь требовали не только присяги, но и публичного осуждения всех обвинений, выдвигавшихся греками по адресу латинян. Имело место и заключение в тюрьму греческих священников за отказ «поминать» папу во время службы.¹ По примеру некоторых своих предшественников Григорий IX вел переговоры с греческим императором в Никее об унии церквей, но, когда переговоры закончились безрезультатно, он предложил в 1237 г. никейскому императору Иоанну Батацу подчиниться римской церкви. В противном случае папа угрожал объявить против него крестовый поход.² В 1240 г. он и предписал в те-

¹ См.: *Gill J. Byzantium...* P. 74–77.

² См.: *Norden W. Das Papsttum...* S. 356. В письме венгерскому королю от 16 декабря 1235 г., призывая его защитить Константинополь от «схизматиков», Григорий IX писал, что «греки ненавидят латинян больше, чем язычники» (Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 4. С. 51).

чение трех лет проповедовать в Венгерском королевстве крестовый поход против «врага Бога и Церкви» императора Никеи.¹ Объявление крестового похода против болгар было частью той же политики.

Усиление враждебности папства к православному миру нашло свое выражение и в политике, которую проводило папство в Прибалтике. С конца 20-х гг. резко усилилось внимание курии к взаимоотношениям Новгорода с его католическими соседями (не только с крестоносцами в Прибалтике, но и со Швецией, вторгнувшейся в сферу новгородского влияния в Финляндии), и стала очевидной готовность курии поддерживать этих соседей против Руси.

Прежде всего здесь должна быть названа серия булл, направленных в январе 1229 г. на Готланд и в Любек, отражавших реакцию курии на жалобы финляндского епископа Томаса.² Говоря об успехах, достигнутых католической церковью в обращении финнов, папа констатировал, что «русские, живущие с ними по соседству, питают к ним огромную ненависть, потому что они приняли католическую веру, часто в ярости нападают на них». Папа предписывал прервать торгов-

¹ См.: VMNH. Т. 1. № 320. S. 175.

² Об этих документах см. подробнее: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 150–151.

лю с этими «врагами Бога и католической веры», пока они не прекратят «преследований новообращенных».¹ Еще более выразителен другой документ — послание, адресованное Григорием IX ливонским рыцарям, в котором папа призывал их направиться в Финляндию сражаться против «неверных русских».²

Подобные документы, касающиеся положения в Ливонии, нам неизвестны, но и здесь курия стремилась быть в курсе происходившего. В 1232 г. папа предписывал епископу Земгалии без согласия его легата Балдуина Альнского не заключать мира ни с русскими, ни с язычниками.³

Практического значения этих документов, вероятно, не следует преувеличивать. Важно, однако, отметить, что впервые в посланиях, направленных из Ватикана католическим соседям Новгорода, его жители — русские были названы «неверными», «врагами Бога и католической веры», а сами эти соседи были призваны предпринять против Новгорода враждебные действия.⁴

¹ *Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1877. D. I, № 75. S. 144.*

² *Liv-Est und Kurländisches Urkundenbuch (далее — LEKUB). Reval, 1853. T. 1. № 128. S. 166.*

³ См.: АИ. Т. 1. № 28.

⁴ Запрет торговли курией провозглашался и раньше (например буллой Гонория III 1221 г.), но тогда речь шла о запрете торговли с «варварами». См.: *Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 149.*

Вместе с тем, поскольку эти буллы были написаны, конечно, после поступления информации и просьб из соответствующих стран, очевидно, что в этих странах к 30-м гг. XIII в. появились силы, готовые придать своим спорам с восточным соседом конфессиональную окраску, обращаясь за поддержкой в Рим.

К началу 30-х гг. XIII в. относится и ряд булл Григория IX, касающихся Руси, адресованных польскому духовенству. В них содержатся не менее жесткие выражения в адрес русских, чем в документах, исходящих от него же, которые были рассмотрены выше. В одной из булл говорится о «сарацинах, русских и других врагах католической веры».¹ В другой, указывая на нежелательность контактов православных и схизматиков, папа заявлял, что не может быть общего между «приверженцами Христа Спасителя» и «погибшими приверженцами сатаны».² Такие жесткие выражения тем более производят впечатление, что в то время между русскими и польскими княжествами не было каких-либо крупных и затяжных конфликтов.

¹ VMPL. T 1. № 46, S. 23. См. также другой документ того же времени, в котором папа порицал польских князей за то, что князья отягощают своих подданных повинностями, а в результате те бегут «ad perfidiam Ruthenorum et Pruthenorum», покинув общество «верных» (Ibid., № 45, С. 22).

² Ibid. № 44. S. 22.

Одна из целей рассмотренных булл состояла в том, чтобы ограничить контакты между православными и католиками. В связи с этим папа запрещал браки между ними,¹ а также требовал, чтобы польские князья не использовали русскую помощь в конфликтах между собой.² К этим требованиям в XIII в. светская часть польского общества уже не могла относиться с таким невниманием, как раньше. Первые десятилетия XIII в. были временем, когда польская церковь усиленно освобождалась от опеки светской власти, росло ее политическое влияние и укреплялись связи с Римом. Папа, опираясь на поддержку польского епископата, все чаще выступал как верховный арбитр в спорах между польскими князьями.

Изучение папских булл, направленных в Польшу в 30-х гг. XIII в., позволяет говорить и о появлении новых акцентов в традиционном (недоброжелательном, но пассивном) отношении польского духовенства к православному миру. В ряде этих документов обнаруживается стремление устранить разного рода неполадки в жизни «латинян» на Руси, привлечь к ответственности обитавших в этой стране нерадивых священников и монахов.³ По чьей инициативе и

¹ См.: Ibid.

² См.: Ibid. № 46.

³ См.: Ibid. № 47: Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej. Lwów, 1878, T. 7. № 2. S. 2–3.

с какой целью было привлечено внимание курии к этому вопросу, позволяет установить текст буллы Григория IX от 12 мая 1232 г.¹ В ее начальной части излагается обращение к папе главы польской церкви — гнезненского архиепископа. Сообщая о различных беспорядках в жизни «латинян» на Руси, архиепископ с огорчением отмечал, что все это делает в глазах местного населения «жизнь латинян отвратительной... и мешает... прийти к повиновению апостольскому престолу». Он предлагал поставить на Русь епископа, который, искоренив пороки, распространял бы там католические обряды. В этом документе глава польской церкви выступает как сторонник активной миссионерской деятельности католической церкви на древнерусских землях, опорными пунктами для которой должны были стать находившиеся на них поселения «латинян».

Приверженцы таких активных действий среди польского духовенства отнюдь не ограничивались кругом высших церковных иерархов. Показательно, что булла адресована провинциалу и братьям ордена доминиканцев в Польше. Они должны были изучить положение на месте и дать свои предложения курии. Именно доминиканцам папа предоставлял полномочия следить за поведением «латинян» на Руси, добиваться надлежащего исполнения ими церковных обрядов,

¹ См.: DPR. Т. I. № 6.

налагать на непослушных церковные санкции и давать отпущение грехов.¹ Имеются и другие данные, говорящие о том, что в деятельности польской провинции ордена доминиканцев, созданной в 1228 г., с самого начала отводилось большое место распространению католицизма на Руси. В записанном в XIV в. полуполюгендарном житии св. Яцка (Гиацинта), одного из основателей ордена, сохранилось предание о путешествии его с группой братьев в Киев, где он основал конвент, посвященный Богородице.²

Таким образом, 30-е гг. XIII в. — время начала активной деятельности на землях Руси католических миссионеров, принадлежавших к ордену, созданному незадолго до этого именно для того, чтобы возвращать заблудших в лоно церкви. Эта миссионерская деятельность развивалась, однако, не в условиях сближения и поиска взаимопонимания двух миров, а в условиях роста в католической среде враждебного отношения к «схизматикам», их обрядам и верованиям. Такая миссионерская деятельность могла способствовать лишь обострению отношений между католическим и православным миром.³

Сведения об осложнении этих отношений можно почерпнуть из буллы Григория IX от 24 февра-

¹ См.: VMPL. T. 1. № 44, 47; Akta grodzkie i ziemskie... T. 1. № 2.

² См.: Abraham W. Powstanie... S. 72 in.

³ См.: Чубатий М. Західна Україна... С. 30.

ля 1233 г. В ней говорится, что русские, беря в жены католичек, крестят их повторно по своему обряду.¹ Таким образом, распространившаяся на греческом Востоке, по-видимому после падения Константинополя, практика перекрещивания «латинян»² получила к этому времени распространение и на Руси. Если в данном случае, мы, возможно, имеем дело с отголоском религиозного конфликта в Средиземноморье, то другие свидетельства явно говорят о реакции русского общества на деятельность католических миссионеров. Так, под 1233 г. в *Анналах польского хрониста XV в. Яна Длугоша* имеется запись об изгнании из Киева князем Владимиром Рюриковичем доминиканцев приора Мартина из Сандомира с братьями, пытавшихся обращать в католическую веру местное население.³ Как показало источниковедческое изучение *Анналов*, для известий первой половины XIII в. хронист использовал утраченный источник, созданный в кругу польских доминиканцев.⁴ Хотя для Длугоша обычны ошибки в хронологии, в данном случае эта дата подкрепляется буллой Григория IX от 15 июня 1234 г. Этим

¹ См.: VMPL. T. I. № 44.

² Об осуждении такой практики Латеранским Собором 1215 г. см.: Gill J. *Byzantium...* P. 44.

³ См.: *Dlugosz J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsoviae, 1973. L. 5–6. S. 266.*

⁴ См.: *Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Długosza. Poznań, 1983. S. 132-133, 164 in.*

документом папа брал под свою опеку «*conscivibus latinis in Kiew*», которые подвергались преследованиям из-за их стараний распространить католическую веру.¹ Следовательно, осложнились отношения не только с латинским духовенством, но и с населением латинской колонии в Киеве. Концом 30-х гг. датируется также известие об изгнании католических миссионеров великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем.²

К этому же времени относятся и известия о первых контактах русских князей с Римом. Сохранилась булла Григория IX от августа 1231 г., адресованная неизвестному русскому князю.³ Сылаясь на сообщения, полученные от прусского епископа, папа выражал радость по поводу желания князя подчиниться апостольскому престолу. Ряд соображений говорит о том, что этим князем был Даниил Галицкий.⁴ Именно Даниил Галицкий в 1229–1230 гг. являлся ближайшим союзником патрона епископа — Конрада Мазовецкого. Папа обещал принять русского государя как «любимого сына» (*filium specialem*), и тем

¹ См.: DPR. Т. I. № 9.

² См.: Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XII–XIII вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив, 1940. Т. 3. С. 89.

³ См.: DPR. Т. I. № 5.

⁴ См.: Abraham W. Powstanie... S. 105–107.

самым мог быть положен конец венгерским походам на Галич. В этом шаге Даниила Галицкого, какими бы мотивами он ни был продиктован, отразилось зародившееся у русских князей (по крайней мере у некоторых) представление о том, что строить свои отношения с западными соседями в новых условиях XIII в., не принимая во внимание интересов курии, становится уже невозможно. Булла 1231 г. привлекла к себе особое внимание исследователей политики папства в XIII в., так как в ней папа, не удовлетворяясь выражением «повиновения» со стороны князя, требовал принять «обряды и нравы христиан латинян». В этом нашли свое выражение унификационные тенденции в политике папства того времени, о которых уже говорилось.

В конце 30-х гг. XIII в. произошли события, которым традиционно (и не без основания) отводится важное место в истории отношений Новгорода с его западными соседями. Имеются в виду вторжения на Новгородскую землю шведских войск, а затем и войск Ливонского Ордена, которые завершились разгромом захватчиков на реке Неве, а затем на льду Чудского озера. По размаху военных действий, по явно обозначившимся в их ходе замыслам завоевания Новгородской земли происшедшие конфликты резко выделяются из ряда военных конфликтов предыдущих лет.

В нашей исторической науке сложилось довольно устойчивое мнение о том, что указанные

выступления шведов и крестоносцев представляли собой крестовый поход против Руси, организованный папской курией, и что именно эти события означали конфессиональный разрыв между Русью и латинским миром. В действительности, как недавно справедливо отметил И. П. Шаскольский, не имеется каких-либо прямых свидетельств об объявлении курией крестового похода против Руси.¹ Вместе с тем исследователь предположил, что участие курии в организации нападений на Русь может быть установлено по косвенным данным. Вслед за финским исследователем Г. Доннером он обратил внимание на участие папского легата Вильгельма кардинала Сабинского в заключении так называемого Стенбийского договора 1238 г., оформившего союз между Ливонским Орденом и Данией. По договору датский король Вальдемар в случае совершения походов на «языческие» земли на востоке получал право на $\frac{2}{3}$ завоеванных земель.² Поскольку на восток от датских владений в Эстонии находились владения Новгорода, исследователь пришел к выводу о том, что датско-ливонский союз, заключенный при участии папского легата, был направлен прежде всего против Руси.³

¹ См.: Шаскольский И. П. Борьба... С. 147–148, 152–153 (здесь и критика противоположных утверждений).

² См.: LEKUB. Т. 1. № 160.

³ См.: Шаскольский И. П. Борьба.. С. 153–154.

Вывод представляется правильным, но его принятие вызывает ряд вопросов: почему в договоре Русь не упоминается, а речь идет о землях «*acquirendis a paganis*»; почему, если папская курия организовывала этот союз, направленный против Руси, она не объявила ни экономической блокады русских земель, ни крестового похода против «схизматиков» и не передала русские земли католическим государям, как поступила в те годы со Вторым Болгарским царством?

Стенбийский договор — не единственный документ, вызывающий подобные вопросы. Так, известна булла Григория IX от 3 января 1230 г., в которой папа призывал шведских рыцарей отправиться в поход против «жестоких язычников», живущих в Карелии, Ижоре (Ингрии) и Вотской земле (*Watlandie*).¹ Хотя эти территории составляли важнейшую часть Новгородского государства, Русь и тут не была прямо названа, а посылка буллы не сопровождалась принятием каких-либо мер, направленных против Руси.

Как представляется, ответ на поставленный вопрос можно дать, учитывая прежнюю традицию отношений между Новгородом, его латинскими соседями и Римом, с одной стороны, и особенности общих взаимоотношений между католиками и православными в конце первой трети XIII в. —

¹ См.: *Rydberg O. S. Sverges traktater... D. 1. № 78. S. 175.*

с другой. Предшествующие десятилетия были заполнены походами немецких и шведских рыцарей на «язычников» на территории Прибалтики и Финляндии, которые признавали политическое верховенство Новгорода и искали у него защиты. Помощь, которую Новгород оказывал «язычникам», вела к военным конфликтам и попыткам экономической блокады русских земель, но все же психологически главным врагом немецких и шведских крестоносцев для них, как и для римской курии, были язычники, а не Новгород. К концу первой трети XIII в. объектом экспансии западных соседей Новгорода стали уже окраины самого Новгородского государства, заселенные угро-финскими племенами (водью, ижорой, карелами), к тому времени лишь частично христианизированными.¹ В таких условиях не может вызывать удивления, что западные соседи Новгорода и курия, выступившая в роли патрона их священной войны с языческим миром, рассматривали притязания на эти новгородские территории как продолжение своей прежней войны с язычниками. Следует также учитывать, что для объявления крестового похода против язычни-

¹ См. в Житии Александра Невского о крещеном ижорском старейшине Пелгусии, который «живяше посреди рода своего погана суца» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. — «Слово о гибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 164).

ков не было каких-либо идейно-психологических препятствий — существовала уже давно традиция священной войны с ними, и для ведения такой войны было достаточно того, что язычники отказывались принять крещение. Иначе обстояло дело со схизматиками, практика объявления крестовых походов против которых в 30-е гг. XIII в. лишь зарождалась. Каждое такое решение нуждалось в специальном обосновании. Так, изучение буллы, объявлявшей крестовый поход против Ивана Асеня II, показывает, что для принятия такого решения было недостаточно того, что Иван Асень II вел военные действия против латинян в Константинополе в союзе с никейским императором, необходимым оказался дополнительный аргумент: болгарский правитель давал в своих владениях приют еретикам-богомилам. Подобные обоснования по отношению к Руси не годились: она не угрожала католическому миру и здесь не было еретиков.

Как бы то ни было, крестовый поход против Руси не был объявлен, а официальной целью войны было очередное покорение язычников, а не обращение новгородцев в католическую веру, и крупный политический конфликт между Новгородом и его западными соседями в начале 40-х гг.

¹ Факта присутствия епископов в составе шведского войска, прибывшего на Неву, еще недостаточно для того, чтобы вслед за В. Т. Пашуто считать нападение

XIII в. не приобрел черт открытого религиозного противостояния.¹

Результаты наших исследований позволяют сделать вывод о том, что с 30-х гг. XIII в. в традиционной системе отношений между Древней Русью и ее западными соседями наметились важные изменения. Во-первых, резко возросло воздействие на эти отношения римской курии и связанных с ней кругов польского духовенства. Позиция обеих этих сил, направленная на всяческое ограничение контактов между православными и католиками, была традиционной, но с ростом воздействия папства на политическую жизнь стран Центральной Европы и с увеличением по-

шведов на Новгород крестовым походом, предпринятым для обращения русских в католичество (См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.; Л., 1968. С. 293). Стоит отметить также, что ничего не знает о крестовом походе и устная традиция, бытовавшая в среде крестоносцев и записанная в конце XIII в. автором «Рифмованной хроники». По его словам, причиной войны стали какие-то столкновения русских с дерптским епископом. Говоря о временном захвате Пскова крестоносцами, он указывает лишь на то, что «замки» и хорошие «земли» оказались «в руках братьев-тевтонцев» и вовсе не упоминает о каких-либо стараниях обратить псковичей в католическую веру (См.: *Livländische Reimchronik* / Ed. L. Meyer. Paderborn. 1876. S. 48, 50; Ледовое побоище 1242 года. М.; Л., 1966. С. 202–203, 208–209.

открывались гораздо большие возможности, чем ранее.

XIII век был временем не только усиления роли папства и освобождения местных церквей от светской опеки, но и резкого возрастания влияния Рима на них, нашедшего свое выражение как в деятельности папских легатов, настойчиво сближавших местные порядки с порядками в остальном католическом мире, так и в деятельности организаций нового типа — нищенствующих орденов, руководимых из единого центра и находившихся под особой опекой папского престола. Из рядов одной из таких организаций — ордена доминиканцев — выходили люди, полные враждебности по отношению к «схизматикам» и одновременно горячего желания обратить их в свою веру. Миссионерская деятельность, определявшаяся такими установками, приводила к обострению отношений между сторонами и первым религиозным преследованиям католиков на территории Восточной Европы.

Наконец, важным дестабилизирующим фактором стала экспансия католических государств Севера Европы в традиционную зону русского влияния на восточном побережье Балтийского моря, осуществлявшаяся при прямой поддержке римской курии. Хотя эта экспансия направлялась не непосредственно против Руси, а против живущих на побережье Балтийского моря язычников, признававших политическое верховенство древнерусских княжеств, прямо затрагивая интересы этих

княжеств, она не могла не приводить к конфликтам, постепенно приобретающим привкус межконфессионального противостояния.

Изучение документов, появившихся в конце 20 – начале 30-х гг. XIII в. в ходе контактов между католическими государствами Севера Европы и папским престолом, показывает, что в кругах, организовавших и направлявших экспансию, попытки Новгорода отстаивать свои интересы воспринимались как помощь и пособничество язычникам, что, в свою очередь, служило идейным оправданием репрессивных мер, направлявшихся против этого государства. Именно в документах, обосновывавших такие меры, появились впервые враждебные характеристики русских как «неверных», «врагов Бога и католической веры». Хотя решающего сдвига в сторону глубокой и всесторонней конфронтации между приверженцами двух конфессий в рассматриваемый период еще не произошло, важнейшие предпосылки для такого сдвига были уже подготовлены ходом событий. В последующие годы развитие отношений между Русью и латинским миром, однако, заметно отклонилось от наметившейся схемы. Причиной, вызвавшей к жизни важные изменения в отношениях сторон, стало татарское нашествие и образование мощной кочевой державы — Золотой Орды в непосредственной близости от католической Европы.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ, ЕЕ ЛАТИНСКИЕ СОСЕДИ И ТАТАРСКАЯ УГРОЗА (40–50-е гг. XIII в.)

Татарское нашествие не только страшно разорило русские земли, но и нанесло тяжелый удар ряду стран латинского мира. Из западных соседей Руси наиболее сильно пострадали, как известно, польские княжества и Венгрия. Особое беспокойство латинского мира вызывало то, что жестокие завоеватели не удалились обратно в азиатские степи, а обосновались на территории Восточной Европы, где в непосредственной близости от ее границ образовалась мощная и агрессивная кочевая держава. С подобным положением дел католическая Европа не сталкивалась с X в. — времени поселения кочевников венгров в Паннонии.

В этой ситуации в политически раздробленной католической Европе, светский глава которой император Фридрих II не уделял внимания опасности, не затрагивавшей его итальянские владения, папство, именно в XIII в. достигшее апогея

своего могущества, выступило как сила, стремившаяся отстаивать наиболее общие интересы католической Европы (как оно их понимало). С середины 40-х гг. XIII столетия внимание к событиям, происходившим в Восточной Европе, в Риме резко возросло.

Основные цели, осуществить которые во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XIII в. пыталось папство, достаточно хорошо известны. Во-первых, предпринимались различные шаги, чтобы вступить в контакт с язычниками-татарами и добиваться их обращения. В случае успеха татарская держава могла стать союзником (и орудием) папства в борьбе как с мусульманским миром, так и со схизматической Никейской империей¹. Во-вторых, так как надежды на успех на этом поприще не было, а результаты первых контактов оказались явно отрицательными, следовало одновременно прилагать меры к тому, чтобы поставить какой-то барьер на пути продвижения татар в Европу². С этой точки зрения непосредственно соседствовавшие с Ордой русские княже-

¹ Об этой стороне политики Рима см.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Водынской Руси. М., 1950. С. 261 и сл.

² О попытках курии организовать оборону латинской Европы от татар см.: *Umiński J.* Niebezpieczeństwo tatarskie w pol. XIII w. a papież Innocenty IV. Lwów, 1922.

ства представляли для курии двойной интерес: и как государства, где можно было бы получить информацию о планах и действиях татар, и как возможные члены антитатарской коалиции. Кроме того, соглашения с русскими князьями против татар создавали благоприятные условия для подчинения русской православной церкви власти папского престола.

В то же самое время и у русских князей появился интерес к установлению контактов с Римом. Если они хотели освободиться от тяжелой зависимости от татар, то в сложившихся условиях это было возможно лишь при получении помощи с Запада, а о росте влияния курии на политику западных государств они могли уже к этому времени составить достаточное представление.

Результатом стала небывалая интенсификация контактов между русскими княжествами и папством во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XIII в. Одним из первых русских князей, вступивших в контакты с папской курией, был Михаил Черниговский, отправивший на собравшийся в 1245 г. Лионский Собор своего кандидата на киевскую митрополичью кафедру — игумена Петра Акеровича¹. В том же, 1245 г. еще до своего отъез-

¹ См. подробнее об этом: *Томашевський С.* Предтеча Ізидора Петро Акеровіч, незнаний митрополіт руський (1241–1245) // *Analecta Ordinis sancti Basilii Magni. Romae*, 1927. Т. 2. Fasc. 3-4; *Пашуто В.Т.* Очерки... С. 57–67.

да в Орду вступил в контакты с Римом Даниил Галицкий¹, выразивший (как видно из ответного письма папы Иннокентия IV) готовность признать «римскую церковь матерью всех церквей»². Обсуждение этого вопроса получило свое продолжение осенью 1245 г., когда территорию Галицкой Руси посетил на пути в Орду папский посланец францисканец Джованни дель Плано Карпини. По его свидетельству, брат Даниила, Василько Романович, собрал тогда епископов, и им была зачитана грамота папы, «в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери церкви»³. В следующем, 1246 г. в Каракоруме Дж. Плано Карпини обсуждал этот вопрос с великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем, также выразившим желание вступить в контакты с Римом⁴.

¹ О времени обращения Даниила к папе см. соображения В. Абрагама (*Abraham W. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. S. 123–124*).

² *Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae illustrantia* (далее — DPR). Romae, 1953. Т. 1. № 12.

³ *Карпини Джованни дель Плано. История монголов; Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 67.*

⁴ Ср.: *Карпини Джованни дель Плано. История монголов. С. 75, 82; Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым (далее — АИ). СПб., 1836. Т. 1. № 78. С. 68–69.*

Продолжавшиеся тем временем переговоры Даниила Галицкого с Римом привели, как известно, в 1246 г. к формальному распространению власти папского престола на Галицко-Волынскую землю, а в 1248 г. папа дважды обращался с предложением принять покровительство Римской церкви к сыну Ярослава Всеволодовича, новгородскому князю Александру¹.

Сохранившиеся документы позволяют судить о целях, которые преследовали Даниил Галицкий и курия, вступая в соглашение, а также о характере церковной унии между Юго-Западной Русью и Римом, хотя источников, освещающих эти вопросы, меньше, чем касающихся унии между Болгарией и Римом — со-

¹ АИ. Т. 1. № 78. С. 68–69 (февраль 1248 г.); *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuanie, gentiumque finitimarum historiam illustrantia* (далее — VMPL) / Ed. A. Theiner. Romae, 1860. Т. 1. № 96. С. 46 (5 сентября 1248 г.). См. также: *Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem Hans Kruus*. Tallinn, 1971. С. 136–138. Вопрос о переговорах Александра Невского с Римом подробно рассмотрен в работе: *Горский А. А.* Между Римом и Каракорумом // *Страницы отечественной истории*. М., 1993. Как показано в работе, первая реакция новгородского князя была благоприятной, и лишь позднее переговоры приняли другой оборот.

хранились папские буллы, но нет писем от русской стороны¹.

Все исследователи темы сходятся на том, что, выражая готовность подчиниться римской церкви, Даниил Галицкий преследовал с самого начала политические цели. Не случайно уже в одной из папских булл от мая 1246 г. можно встретить обещание «совета и помощи» против татар². Ряд булл, направленных папой в Галицко-Волынскую Русь в следующем, 1247 г., также удовлетворял чисто политические пожелания галицко-волынских князей. Так, папа принял их владения (как те, которыми они обладали, так и те, которые смогли бы приобрести в будущем) под свою защиту³, одобрил их намерения вернуть себе

¹ Вопрос об отношениях Даниила Галицкого с Римом рассматривался в целом ряде работ. Помимо специального исследования Н. П. Дашкевича (Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Руси с католичеством // Киевские университетские известия. 1884. № 8) следует отметить особые разделы в неоднократно цитировавшихся ранее работах М. Чубатого и В. Абрахама. Этой теме уделил внимание и В. Т. Пашуто в своем известном труде, посвященном истории Галицко-Волынской Руси. В определении существа этих отношений взгляды исследователей близки между собой, что неудивительно, если учесть, что они базируются на одном круге источников.

² DPR. Т. 1. № 12.

³ См.: Ibid. № 25.

владения, которые «против справедливости» заняли другие князья, «qui in Ecclesie devotione permanent» (православные князья, не подчинившиеся Риму?)¹, наконец, запретил крестоносцам и «aliorum Religiosorum» каким-либо способом приобретать земли во владениях галицко-волынских князей². Таким образом, сближением с Римом галицко-волынские князья воспользовались, в частности, для того, чтобы упрочить свое положение по отношению к западным соседям (в том числе Тевтонскому Ордену в Пруссии) — в таких шагах отражалось понимание того, что в новых условиях середины XIII в. нормализовать отношения с этими соседями было возможно лишь при благожелательной позиции папского престола.

При рассмотрении собственно церковных аспектов унии важен вопрос об участии в переговорах с Римом православного духовенства и его позиции. Свидетельства Платона Карпини не оставляют сомнений в том, что духовенство Галицкой Руси было в курсе ведущихся переговоров. Вопрос об унии галицко-волынские князья обсуждали со своими епископами не только тогда, когда Платон Карпини ехал в Орду. На обратном его пути из Орды летом 1247 г. обсуждение вопроса с «епископами и другими достойными уважения людьми

¹ Ibid. № 20.

² См.: Ibid. № 21.

ми» продолжалось, и они сообщили папскому посланцу, «что желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом», подтверждая то, о чем ранее сообщали папе через своего аббата¹. Имя этого «аббата» — Григорий «De Moncti Sancti», т. е. игумен монастыря Св. Горы под Владимиром Волынским², упоминается в одном из папских распоряжений сентября 1247 г.³ как имя княжеского посла.

Хотя послом Даниила к папе было достаточно высокопоставленное духовное лицо, серия папских булл мая 1246 г. и сентября 1247 г. не содержит никаких указаний на получение папой писем от православного духовенства, подобных письмам, направленным Иннокентию III архиепископом тырновским Василием и некоторыми другими иерархами. Даже в инструкции своему легату (о ней см. далее) папа Иннокентий IV говорил лишь о сообщении, полученном от Даниила Галицкого, о том, что «он сам и весь народ» желают соединения с римской церковью⁴. Таким образом, роль духовенства Галицкой Руси в пе-

¹ См.: Карпини Джованни дель Плано. История монголов. С. 81.

² Об этом монастыре, из монахов которого вышло несколько владимирских епископов XIII в., см.: Шапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 143.

³ См.: АИ. Т. 1. № 75. С. 65.

⁴ См.: DPR. Т. 1. № 26.

реговорах с Римом была еще более пассивной, чем духовенства Болгарии. Этим, вероятно, следует объяснить то, что, в отличие от Иннокентия III, Иннокентий IV не направлял писем православным епископам во владениях Даниила. Единственное предложение, касавшееся конкретного характера унии, — разрешить епископам и пресвитерам совершать службу на заквашенных просфорах и сохранить все прежние обряды, не противоречащие учению римской церкви, — исходило от князя (см. выражение «*tuis supplicationis inclinati*» в ответе Иннокентия IV Даниилу)¹. Оно говорит о том, что для русского князя, как некогда для Калояна, уния должна была ограничиться формальным подчинением духовенства его владений папскому престолу.

Актом такого подчинения оформлялось заключение церковной унии с Болгарией в начале XIII в. Решение этой задачи было возложено на архиепископа прусского Альберта, которого уже в булле мая 1246 г. Иннокентий IV рекомендовал Даниилу Романовичу как своего легата². Официальное поручение такого рода было дано архиепископу Альберту весной следующего, 1247 г. Он был уполномочен добиться от правителя, духовных иерархов и магнатов торжественного отречения от схизмы и принесения присяги, что они будут пребывать в единстве веры с Римской

¹ См.: Ibid. № 22.

² См.: Ibid. № 12.

церковью и повиноваться ее власти¹. Однако никакими данными о поездке архиепископа на земли Юго-Восточной Руси мы не располагаем, а имеющиеся сведения о местопребывании этого иерарха в 1247–1248 гг. заставляют исследователей полагать, что эта поездка вряд ли имела место². Таким образом, нельзя быть уверенным в установлении даже формальной зависимости галицкой церкви от Рима.

В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о соотношении между переговорами Даниила Галицкого с Римом и переговорами об унии церковей между Римом и Никеей. Такой исследователь, как В. Норден, категорически отвергал связь между этими двумя явлениями³.

¹ См.: Ibid. № 26. Позднее, получив благожелательное письмо от Александра Невского, Иннокентий IV поручил архиепископу Альберту осуществить аналогичную миссию и во владениях новгородского князя. «В знак повиновения» Александр Невский должен был основать для латинян епископскую кафедру во Пскове (VMPL. T. 1. № 96. S. 46).

² См. соображения В. Абрагама (*Abraham W. Powstanie... S. 128*). М.. Чубатый, впрочем, допускал возможность краткого пребывания легата во владениях Даниила летом 1248 г. (См.: *Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII в. у своїх змаганнях церковної унії // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1917. Т. 123–124*).

³ См.: *Norden W. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903. S. 362.*

Подобному выводу, однако, как уже отмечалось неоднократно, явно противоречит известная запись, помещенная в Ипатьевской летописи под 1253 г.: «Некентии бо кляняше тех, хоулящим вероу Грецкоюу правоверноюу, и хотящоу емоу сбор творити о правой вере о воединеньи црькви»¹.

Эта запись ясно показывает, что в Галицкой Руси были в курсе ведущихся переговоров. К этому следует добавить, что первые шаги для возобновления начатых некогда переговоров с Никеей Иннокентий IV предпринимал именно в середине 40-х гг. XIII в. В марте 1245 г. он направил письмо болгарскому царю Коломану Асеню, в котором выражал согласие созвать для решения всех спорных вопросов Вселенский Собор с участием греческого и болгарского духовенства². Письмо это, вероятнее всего, было отправлено через Венгрию, а посредником в начавшихся переговорах стала венгерская королева, дочь императора Феодора Ласкаря. В январе 1247 г. Иннокентий IV благодарил ее за хлопоты³. При тесных контактах между венгерским и галицким дворами обо всем этом, конечно, должно было быть известно Даниилу Галицкому.

Можно считать весьма вероятным, что, по представлению галицких политиков, именно в

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

² См.: Латински извори за българската история (далее — ЛИБИ). София, 1981. Т. 4. С. 91.

³ См.: Там же. С. 97.

такого рода переговорах должны были быть решены все спорные собственно церковные вопросы. В этой связи заслуживают внимания сохранившиеся в Ипатьевской летописи сведения о деятельности в 1246 г. Кирилла, выдвинутого Даниилом кандидата на киевскую митрополичью кафедру. Хотя переговоры с Римом начались, судя по всему, еще в 1245 г., это не помешало Кириллу направиться в следующем, 1246 г. на поставление в Никею¹. После возвращения он, по-видимому, находился в Южной Руси. Запись Лаврентьевской летописи под 1250 г.: «Прииде митрополит Кирил на Суздальскую землю»² — явно имеет в виду его первое появление там³. Митрополит выступил на Суздальской земле как политик, явно связанный с галицким двором. Он лично участвовал в заключении брака между дочерью Даниила Романовича и великим князем владимирским Андреем Ярославичем; брак, со-

¹ Он находился на пути в Никею в Венгрии, когда после возвращения Даниила из Орды при венгерском дворе возникло предложение заключить брак между сыном Даниила Львом и дочерью Белы IV Констанцией. За содействие в заключении брака король обещал Кириллу проводить его «оу Грькы с великою честью» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 809).

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

³ В записях этой летописи предшествующих лет постоянно упоминается лишь один иерарх — епископ ростовский Кирилл, с 1250 г. картина меняется.

ответствовавший интересам галицкого двора, был заключен даже в нарушение норм канонического права между близкими родственниками — двоюродными братом и сестрой¹. Такой образ действий митрополита не оставляет сомнений в том, что между ним и галицким князем были отношения тесного сотрудничества и что епископства на землях Юго-Восточной Руси подчинялись его верховной власти как главы общерусской митрополии. Между тем этот митрополит был поставлен в Никее и не имел никаких сношений с папским престолом. И в переписке галицкого князя с Римом вообще не затрагивался вопрос о подчинении Риму Киевской митрополии.

Все это позволяет говорить о церковной унии между Галицкой Русью и Римом очень условно. Столь неопределенное и двусмысленное положение могло сохраняться, как представляется, лишь в условиях продолжавшихся переговоров об унии церквей, когда все частные моменты могли быть урегулированы с решением главного, общего вопроса.

Вскоре после достижения соглашения в отношениях между Галицкой Русью и Римом стала нарастать напряженность. Причины ее становятся ясными при разборе свидетельств о присылке

¹ См.: Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. М., 1987. С. 78–79.

Даниилу королевской короны из Рима. Выше говорилось о том, как упорно добивались такого символа власти южно-славянские правители. Вопрос о получении короны из Рима поднимался ими с самого начала сношений с папой, и они прилагали значительные усилия, чтобы достичь своей цели. В известных письмах Иннокентия IV 1246–1247 гг. о присылке короны из Рима не упоминалось: очевидно, галицкий князь не затрагивал этого вопроса. Позднее же, как видно из записей Ипатьевской летописи, не Даниил добивался короны, а папа настойчиво предлагал ее Даниилу. Первое посольство во главе с епископами Камня Поморского и Вероны не имело успеха. Ссылаясь на войну с татарами, Даниил заявил: «Како могоу прияти венець бес помощи твоей». Лишь новому папскому легату Опизо, аббату монастыря св. Павла в Меццано, во второй половине 1253 г. удалось добиться цели, после того как польские князья обещали Даниилу помощь против татар¹. Почему папа Иннокентий IV так настойчиво навязывал Даниилу королевскую корону, станет ясно, если обратиться к материалам, связанным с коронацией болгарского царя Калояна в 1204 г. Такая коронация сопровождалась присягой верности папскому престолу со

¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827–828; о папских послах к Даниилу и времени его коронации см.: *Abraham W. Powstanie... S.133–134.*

стороны правителя и главы Болгарской церкви¹. Тем самым, с коронацией Даниила было бы осуществлено, наконец, то формальное подчинение галицкой церкви Риму, которого не сумел добиться легат Альберт. Этой цели курии, судя по всему, достичь удалось, и 1253 г. можно считать датой установления церковной унии между Галицкой Русью и Римом.

Понятно также, почему Даниил отказывался принять корону, пока ему не будет оказана помощь в войне с татарами. Исследователи разных направлений сходятся в том, что главным мотивом, побудившим русских князей к сближению с Римом, было желание получить от латинских государств помощь против татар и так освободиться от их власти². Неудивительно, что именно эта тема заняла видное место в первых посланиях, направлявшихся из папской курии русским князьям. Так, в письме Даниилу от мая 1246 г., рекомендуя галицкому князю своего легата архиепископа прусского Альберта, Иннокентий IV обещал со стороны последнего «*consilium et auxilium*» против татар, а в письме Александру Невскому от января 1248 г. он предлагал новго-

¹ См.: ЛИБИ. Т. 3. С. 334–335, 344.

² Не случайно в своем втором письме Александру Невскому папа хвалил новгородского князя за то, что тот не желает склонять свою шею под татарское ярмо (*Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы... С. 138).

родскому князю в случае появления опасности со стороны татар известить об этом «братьев Тевтонского Ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать»¹. Эти документы, являющиеся, несомненно, ответом на соответствующие обращения русских князей, ясно показывают, что помощь против татар была, может быть, и не главным, но важным условием при заключении соглашений между Даниилом Галицким и папским престолом.

Выполнить указанное условие курия, однако, была не в состоянии. Вероятно, папа Иннокентий IV в серии своих булл 1247 г. так охотно пошел на удовлетворение ряда пожеланий Даниила по отношению к его западным соседям, потому что не мог оказать Галицкой Руси реальной помощи против татар. Это, однако, лишь временно удовлетворило галицких князей, что стало ясным в начале 50-х гг., когда папа с помощью королевской короны пытался удержать Галицкую Русь в орбите своего влияния, а Даниил Галицкий, находившийся к этому времени в состоянии открытого конфликта с Ордой, отказывался ее при-

¹ Там же.

нять, пока его западные соседи не подадут ему реальной помощи. Коронацией Даниила в Дрогоичине разногласия были улажены, но лишь благодаря обещанию польских князей выступить против татар. В таких условиях формальная уния между Галицкой Русью и Римом не могла наполниться реальным содержанием (сложившееся положение исключало для папского престола возможность оказывать давление на галицкого князя и требовать от него каких-либо церковных реформ), а само будущее этой унии ставилось в зависимость от того, смогут ли папская курия и западные соседи Галицкой Руси выполнить свои обещания.

Однако в 40-х — начале 50-х гг. XIII в. оживленные контакты русских князей с Римом и соглашение Даниила Галицкого с папой способствовали спаду напряженности в межконфессиональных отношениях, которая явно наметилась в 30-е гг. XIII в. Возможно, в какой-то мере сыграли свою роль и развернувшиеся в первой половине 50-х гг. переговоры об унии церквей между Римом и Никеей, которые к 1254 г. завершились выработкой условий предварительного соглашения. В 1245 г., выступая на Лионском Соборе с призывом к борьбе с Ордой, Иннокентий IV называл Русь вместе с Венгрией и Польшей в ряду «христианских» стран, разоренных татарами¹.

¹ См.: ЛИБИ. Т. 4. С. 93.

Все это касалось, прежде всего, взаимоотношений Галицко-Волынской Руси и ее западных соседей. Связи с Венгрией, как уже отмечалось выше, были укреплены брачным союзом старшего сына Даниила, Льва, и дочери венгерского короля Констанции. В летописи, которая велась при дворе Даниила Галицкого, возможность такого союза прямо обосновывалась тем, что венгерский король — христианин («яко крестьян есть»), а при заключении брака присутствовал сам митрополит Кирилл¹. Другой сын Даниила, Роман, женившись на племяннице австрийского герцога Фридриха Бабенберга, Гертруде, пытался с помощью венгерского короля занять австрийский престол². Конец 40-х и 50-е гг. были отмечены также сближением галицко-волынских князей с мазовецкими князьями Болеславом и Земовитом (женившимся на дочери Даниила), а затем и с малопольским князем Болеславом Стыдливым. Совместно польские и русские князья совершили целый ряд походов на земли ятвягов³ и против язычников — «поганных»⁴.

¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

² См. об этом подробнее: *Пашуто В. Т.* Очерки... С. 255–256.

³ См.: *Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 172–178.

⁴ См.: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 26, 30–31.

Судя по тому, что одной из булл, адресованных галицко-волынским князьям, папа запретил крепостным приобретать земли на территории их владений, Романовичи в то время явно не относили немецкие государства в Прибалтике к числу дружественных соседей. Однако и с ними намечалось политическое сотрудничество на почве совместных действий против «поганных». Из записей Ипатьевской летописи видно, что Даниил и «немцы» совместно поддерживали противника великого князя литовского Миндовга — Товтивила, родственника галицко-волынских князей, который принял крещение в Риге в 1254 г.¹ Тевтонский Орден заключил договор о разделе ятвяжских земель с Земовитом мазовецким и Даниилом, названным в договоре «*primus rex Ruthenorum*»².

Однако отношения Руси с латинским миром в те годы имели и другую сторону. Следует учитывать, что другие русские земли не последовали за Галицкой Русью: не вступили в сношения с Римом в конце 40–50-х гг. XIII в. ни смоленские, ни черниговские князья. Прервал переговоры с Римом наиболее сильный и влиятельный из князей Северо-Восточной Руси Александр Невский. Уже это заставляет рассматривать особо вопрос об отношениях с латинским миром тех земель,

¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816–817.

² Preussisches Urkundenbuch (далее — PUB). Т. I. Königsberg, 1882. № 298.

которыми владели эти князья. Результаты изучения известных материалов об отношениях Новгорода с его западными соседями показывают, что к 50-м гг. XIII в. эти соседи вернулись по отношению к Новгороду к той политике, которая проводилась в конце 30-х гг. XIII в., и к идейной мотивации этой политики. Официальной целью такой политики снова стало обращение в католицизм «язычников», живущих на западных окраинах Новгородского государства — в Водской и Ижорской землях и в Карелии. Эта политика, как и ранее, получила поддержку со стороны папской курии: с санкции папы для живущих на этих землях язычников был поставлен католический епископ, а в 1256 г. преемник Иннокентия IV Александр II объявил крестовый поход против карел¹.

В этих документах отразилось уже традиционное для того времени представление о праве папской курии распоряжаться землями язычников, объявляя против них крестовый поход и раздавая их земли католическим государям². Новым

¹ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 206–209, 219–221.

² Трудно согласиться с точкой зрения И. П. Шаскольского, что упоминаемые в булле вместе с карелами «язычники» близлежащих областей — это русские и что такое словоупотребление обычно для папских булл конца XIII в. (Шаскольский И. П. Борьба... С. 220).

является то, что в 50-х гг. XIII в. начинают обозначаться притязания курии на земли, заселенные схизматиками. Некоторые намеки на притязания такого рода нетрудно обнаружить уже в тексте буллы Иннокентия IV галицко-волынским князьям от сентября 1247 г. В документе указывается, что, идя навстречу просьбам этих князей, папа своей властью передал им земли и другие виды имущества, которые принадлежали им по праву и которые они вернули из-под власти других князей, «*qui Ecclesia devotione poperमानeat*»¹. Распоряжение это было благоприятно для Даниила Галицкого, но в нем проявилось притязание папы на роль своего рода высшего арбитра в междукняжеских спорах, который может отбирать земли у князей, не признающих авторитета Римской церкви, и передавать их тем, кто этот авторитет признает. Еще более показательна в этом плане булла папы Александра IV, направленная 6 марта 1255 г. литовскому великому князю Миндовгу. Правитель этого нового, недавно возникшего в Восточной Европе и политически активного образования принял крещение по католическому обряду (1251 г.), а затем был увенчан доставленной из Рима королевской короной. Миндовг сообщил папе, что, сражаясь против «*Regnum Russie*» и его обитателей, пребывающих в «*неверии*», он сумел подчинить себе

¹ DPR. T. I. № 20.

некоторые русские земли. В своем ответе папа выразил надежду, что, обладая этими землями, Миндовг сможет освободить и другие, соседние, от власти «язычников» и «неверных», а также, что своей апостольской властью он передает эти земли Миндовгу и его наследникам и берет их под свою защиту¹. Дело не только в том, что в этом документе русские снова названы «неверными», как в некоторых документах 30-х гг. Эта булла является первым, относящимся к Руси документом, в котором утверждается право курии распоряжаться землями «схизматиков», отдавая их по своему усмотрению католическим правителям.

Таким образом, 40–50-е гг. XIII в. были временем, когда в развитии отношений между Русью и латинским миром стали проявляться две, по существу, противоположные тенденции — к сближению и, наоборот, к очень глубокой конфронтации. Ближайшее будущее должно было показать, какая из этих двух тенденций возобладает.

¹ См.: VMPL. T. 1. № 123. S. 6061.

НА ПУТИ К ПОЛНОЙ КОНФРОНТАЦИИ МЕЖДУ ДРЕВНЕЙ РУСЬЮ И ЛАТИНСКИМ МИРОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XIV вв.)

К середине XIII в. из всех древнерусских земель лишь Галицко-Волынская Русь поддерживала дружественные отношения со своими западными соседями. Сохранению этих дружественных отношений в немалой мере способствовало установленное в предшествующие годы формальное подчинение местной церкви верховной власти римского папы. Шаг этот, в чем сходятся исследователи разных направлений, был предпринят, чтобы обеспечить галицко-волынским князьям помощь государств латинского мира в борьбе против татар. Именно рассчитывая на эту поддержку, Даниил Романович решился на открытое противодействие татарам, начав войну с правителями близлежащих улусов Золотой Орды. Реальная помощь, однако, не приходила, и в этих условиях стал намечаться отход от галицкого князя части

тех церковных кругов, которые его ранее поддерживали. Симптоматичными в этом отношении можно считать перемены в поведении бывшего канцлера Даниила, возведенного им на Киевскую кафедру, — митрополита Кирилла. Еще в 1250 г. митрополит прибыл на Северо-Восток Руси, чтобы содействовать заключению явно направленного против татар союза между Даниилом Галицким и великим князем владимирским Андреем Ярославичем. Однако, когда в 1252 г. Андрей Ярославич был согнан с владимирского стола татарами¹, митрополит задержался на Северо-Востоке, сблизившись с преемником Андрея, Александром Невским, не разделявшим политической ориентации своего предшественника². Митрополит Кирилл, конечно, не был сторонником сохра-

¹ См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 33.

² Митрополит Кирилл участвовал в возведении Александра на владимирский стол (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. Стб. 473). На Северо-Востоке Руси он находился и в 1255–1256 гг. В это время он провожал Александра Невского в его поход в Финляндию, предпринятый в ответ на враждебные действия шведов и вассалов датского короля против Новгорода (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.; Л., 1950. С. 81). См, также: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII веках. Л., 1978, С. 206 и сл.

нения власти татар над русскими землями, просто у него, по-видимому, зародились серьезные сомнения в правильности политики своего прежнего патрона.

К тому времени, когда Даниил осенью 1253 г. принял из рук папского легата королевскую корону, эти сомнения, казалось, были в значительной мере рассеяны. Польские князья и знать, как следует из записи Ипатьевской летописи, обещали Даниилу после принятия королевской короны оказать помощь в борьбе против татар¹. По-видимому, аналогичные заверения дал ему еще раньше венгерский король². Еще до коронации Даниила в мае 1253 г. Иннокентий IV объявил крестовый поход против татар на территории Чехии и Польши³ в мае следующего, 1254 г. крестовый поход был провозглашен и на территории Пруссии⁴.

¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

² В письме короля Белы Иннокентию IV от 11 мая 1254 г. упоминалось о его стараниях, предпринимавшихся для «возвращения» русских под власть папского престола (*Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia* (VMNH) / Ed. A. Theiner. Romae. 1859. Т. I. № 442. При этом, несомненно, был использован тот же аргумент, к которому прибегли польские князья.

³ См.: *Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae illustrantia* (DPR). Romae, 1953. Т. I. № 32.

⁴ См.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеньевым. СПб., 1836. Т. 1. № 90.

Однако, когда дело дошло до осуществления всех этих обещаний на практике, стало ясно, что гораздо большую политическую проницательность, чем галицкий правитель, обнаружил Александр Невский, прервавший переговоры с Римом не в последнюю очередь потому, что он реально оценивал возможности латинского мира в противостоянии Золотой Орде. В Польше, соседствовавшей с Галицкой Русью, в XIII в. феодальная раздробленность достигла высшего предела: вся страна распалась на мелкие слабые княжества, оказавшиеся неспособными противостоять не только Орде, но даже набегам литовцев и пруссов, для борьбы с которыми был приглашен из Палестины Тевтонский Орден. Венгрия продолжала оставаться единым крупным государством, но и в ней постепенно развивался внутренний кризис, приведший к концу столетия к распаду страны на ряд крупных владений. Не полагаясь на свои силы, венгерские правители сами пытались искать помощи в католической Европе. В 1254 г. король Бела IV писал папе Иннокентию IV, что готов подчинить королевство власти императора, если таким путем ему удастся получить поддержку¹. Устранить опасность венгерские правители пытались и путем союза и даже соглашения с Ордой. В 1259 г. Бела IV поставил в известность папу Александра IV, что

¹ См.: VMNH. Т. 1. № 440. S. 229.

вынужден заключить мир и союз с татарами и обещать участие своего сына с четвертой частью войска в походе татар на Европу¹. В таких условиях надеяться можно было лишь на приток крестоносцев и на помощь из лежащих далее на запад стран Европы. По-видимому, на это рассчитывал Даниил, уведомив в начале 1253 г. курию о враждебных замыслах татар². Однако помощь из западных стран не пришла. Бела IV, также просивший помощи против татар, в следующем, 1254 г. ставил в известность Иннокентия IV о том, что жители Германии, вместо того чтобы оказать помощь, нападают на его земли, а из Франции он не получил ничего, «кроме слов»³. По-видимому, не случайно с этого времени в источниках не встречаются сведения о контактах Даниила с курией. Вероятно, галицкий князь прервал эти контакты, не видя в их продолжении какого-либо смысла⁴.

¹ См.: Ibid. Т. 1. № 454. S. 239–241.

² См. об этом в булле Иннокентия IV от 14 мая 1253 г. (DPR. Т. 1. № 32).

³ VMNH. Т. 1. № 440.

⁴ В оценке политики курии в эти годы между исследователями налицо заметные разногласия. Если польский исследователь И. Уминьский полагал, что Иннокентий IV приложил максимум усилий для организации крестового похода против татар (*Umiński J. Niebezpieczeństwo tatarskie w pol. XIII w. a papież Innocenty IV. Lwów, 1922. S. 42*), то, по мнению В.Т. Пашуто (Очерки по истории

Прошло, однако, некоторое время, прежде чем курия попыталась призвать галицкого князя к порядку. Это произошло в 1257 г., и, возможно, не случайно это событие совпало по времени с разрывом переговоров об унии между Римом и Никеей. Во всяком случае, именно в 1257 г. на страницах папских булл появляется упоминание о «схизматиках» на территории Восточной Европы, представлявших собой объект враждебных действий со стороны курии. К первым месяцам 1257 г. относится целая группа таких документов. 5 января 1257 г. Александр IV обратился к князю Казимиру куявскому и другим, принявшим крест, призывая их выступить «*contra scismaticos*», которые нападали на земли христиан¹. Того же числа аналогичная булла была направлена епископам Кракова и Вроцлава². 1 февраля последовала еще одна булла на имя архиепископа Гнезненского и епископа Краковского о создании в Лукове «*in confinio Letwanorum*» епископства, где епископом дол-

Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 259–260), курия сделала гораздо больше для организации крестового похода против пруссов. Как бы то ни было, до организации крестового похода против татар дело не дошло, и этим был положен конец сближению Галицко-Волынской Руси с Римом.

¹ См.: Preussisches Urkundenbuch (PUB). Т. 1. Н. 2. Königsberg, 1909. № 1.

² См.: Ibid. № 2.

жен был стать Бартоломей, францисканец из Чехии¹. В апреле 1257 г. папа предписал и Бартоломею проповедовать крестовый поход «contra Litwanos, Jatuenzones et Ruthenos ac alios paganos et schismaticos»². К этим документам следует добавить еще один: 5 марта того же года папа освободил духовенство главного города Мазовии — Плоцка от уплаты платежей в папскую казну, так как в недавние времена Плоцк был разорен «a Pruthenis et aliis paganis et scismaticis»³.

Рассмотрение этой группы документов позволяет полагать, что основанием для их появления были жалобы из восточных областей Польши на набеги «схизматиков» вместе с литовцами и ятвягами, разорявших страну. Очевидно, что «схизматики» не могли быть подданными галицко-волыньских князей, которые в то время вели напряженную борьбу с татарами и старались жить в мире с польскими соседями. В «схизматиках», действовавших вместе с литовцами, есть все основания видеть подданных Миндовга, католического владетеля, которому незадолго до этого Александр IV пожаловал занятые им русские земли. Тем самым, перед нами открывается новый, ранее не существовавший фактор в систе-

¹ См.: Ibid. № 4.

² Ibid. № 7.

³ Ibid. № 6.

ме отношений, сложившейся в Восточной Европе, — вовлечение западно-русских земель и их населения в экспансию Литовского государства по отношению к западным соседям.

Разумеется, обращаясь в Ватикан, составители жалоб умалчивали, что речь идет о подданных коронованного папой короля, а курия тем легче могла поверить их просьбам объявить крестовый поход, что ей было известно о том, что не все литовцы подчиняются власти Миндовга. Более того, есть основания думать, что в нападавших на Польшу «схизматиках» усматривали подданных Даниила Галицкого. Этим можно объяснить, что в феврале 1257 г. Александр IV обратился и к этому князю. Констатируя, что князь не исполняет взятые на себя обязательства, папа требовал, чтобы Даниил Романович вернулся к повиновению римской церкви. В случае отказа он поручил епископам Оломоуца и Вроцлава наложить на князя церковные санкции¹. В письме, отправленном одновременно указанным епископам, папа уполномочивал их, в случае если князь не подчинится церковным санкциям, обратиться за содействием против него к светской власти².

Все это можно было бы считать простым недопониманием, однако то обстоятельство, что жалобы на нападения «русских» побудили папу обра-

¹ См.: DPR. T. I. № 34.

² См.: DPR. T. 1. № 35.

титься с упреком к галицкому князю, показывая, что к этому времени никаких дружеских отношений между папской курией и Галицкой Русью не было. Обращают на себя внимание слова папского послания, что Даниил Романович не исполнил обещаний, касавшихся «подчинения» Римской церкви и «соблюдения» веры...Очевидно, когда переговоры между Никеей и Римом закончились неудачей, в Риме нашли нужным поставить вопрос о более тесном подчинении галицкой церкви папскому престолу, но Даниил, не получив помощи против татар, не имел намерения идти навстречу этим пожеланиям. Церковные санкции епископов Оломоуца и Вроцлава (если до их установления и дошло дело) не могли повлиять на его позицию. Церковная связь между Галицко-Волынской Русью и Римом оказалась разорванной, и это могло лишь усилить враждебные отношения папской курии к православному миру.

На рубеже 50–60-х гг. XIII в. произошли два разных, но сходных по своему влиянию на позицию папства события. После того как Орда направила в 1259 г. на земли Галицкой Руси большое войско во главе с Бурундаем, галицко-волыньские князья были вынуждены подчиниться татарам и принять участие в походе ордынских войск на Польшу. С этого времени участие русских в походах ордынских войск на Польшу и Венгрию стало правилом. Действуя таким образом, Орда,

несомненно, старалась разорвать дружеские отношения между древнерусскими княжествами и их западными соседями. Другим событием стал в 1260 г. разрыв Миндовга с Тевтонским Орденом и папской курией и реставрация язычества в Литве. Подчиненные Миндовгу западно-русские земли стали частью враждебного католическому миру языческого государства.

Таким образом, часть «схизматиков», оказавшись в подчинении у татар, приняла участие в их походах на католические страны, а другая участвовала в походах на католические страны вместе с литовскими язычниками. Все эти события не только укрепляли отрицательную позицию курии по отношению к «схизматической» Руси, но и давали ей новые аргументы для обоснования этой позиции. Русь оказывалась частью враждебного, не- христианского мира, угрожавшего католической Европе и нападавшего на нее, и, следовательно, по отношению к Руси должны были быть использованы все правила, которые принимались в борьбе католического мира с нехристианами.

Соответствующие установки получили свое выражение в двух документах папской курии 60-х гг. XIII в. Первым из них является булла Александра IV Тевтонскому Ордену от 25 января 1260 г.¹ Этим

¹ См.: Liv-Est und Kurländisches Urkundenbuch (LEKUB). Reval, 1853. Т. 1. S. 440-441.

документом папа утверждал права Ордена на земли, подаренные ему русскими князьями, а также на те русские земли, которые «до сих пор занимают нечестивые татары», если Орден сумеет вырвать эти земли из их рук. Эти земли передавались Ордену в вечное владение и ставились под особую защиту папского престола. При этом оговаривалось лишь, что живущие на этих землях «схизматики» должны быть приведены к единству веры и повиновению Римской церкви. Представление о том, что Русь — часть владений «нечестивых» татар, которыми апостольский престол может распоряжаться по своему усмотрению, выражено в этом документе со всей отчетливостью.

Еще более интересен в этом плане другой документ — булла Урбана IV от 4 июня 1264 г., обращенная к чешскому королю Пржемыслу II¹. Урбан IV сообщал чешскому государю, что «русские схизматики и литовцы, как и другие жители в их соседстве, которые не чтят Бога, но злословят имени Его, вместе с их сообщниками татарами, с которыми они соединены проклятым союзом», часто совершают нападения на Польшу, которая не в состоянии оказать им сопротивление. Призывая Пржемысла II выступить на защиту Польши, папа заверял его, что занятые им земли русских

¹ См.: *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, gentiumque finitimarum historiam illustrantia* (VMPL) / Ed. A. Theiner. Romae, 1860. Т. 1. № 149. Р. 77.

и литовцев будут вечно принадлежать ему и его наследникам. Русских (названных на первом месте), литовцев и татар он объединял в одну общую группу врагов христианского мира, с которыми возможна лишь «священная» война и землями которых римский престол имеет полное право распоряжаться.

Объявление крестового похода против «схизматиков», раздача их земель соседним католическим державам — дальше этого идти в политике конфессиональной конфронтации было некуда, и последующие папские акты ничего принципиально нового не добавляют.

Какое соответствие находят эти перемены в политике курии, в эволюции отношений западных соседей к Руси?

Полное соответствие можно отметить между политикой курии и политикой Тевтонского Ордена, действия которого, возможно, способствовали повороту в политике пап по отношению к «схизматикам». Не случайно упоминавшаяся булла от 25 января 1260 г. была выдана в ответ на просьбы властей ордена (*vestris supplicationibus inclinati*). В 1268 г. прецептор Ливонского Ордена Конрад фон Мандерн обратился к купцам Любека и другим торговцам с просьбой прервать торговлю с «врагами веры, то есть русскими из Новгорода». В последующем тексте документа отмечаются два возможных варианта развития событий. Один — заключение мира «*inter dictos Rutenos et Latinos*»,

который будет распространен и на купцов, другой — война «universitas Christianorum» против русских¹. Отождествление «христианского мира» с миром латинским и противопоставление этого мира Руси здесь совершенно очевидно. На более «низком» уровне это противопоставление присутствует в письме, направленном в Любек осенью 1268 г., в котором власти ордена извещали о разорении ими Пскова, убежища «мнимых приверженцев» христианского закона².

Более сложным было соотношение между политикой курии и формированием отношений к Руси в странах Центральной Европы в середине — второй половине XIII в. Интересный материал для рассмотрения этого вопроса дают адресованные курии послания ряда правителей и политических деятелей того времени.

Наиболее ранний среди этих документов — послание Белы IV Иннокентию IV 1254 г.³ В послании Венгерское королевство обрисовано как

¹ См.: LEKUB. T. 1. № CDVIII. S. 512.

² См.: LEKUB. T. 1. № CDL. S. 514. В соответствии с этим в написанной в конце XIII в. в Ливонии «Рифмованной хронике» говорилось о выступлениях русских «против христианства» и о том, что занятие крестоносцами Пскова «приносило пользу христианству» (Livländische Reimchronik / Ed. E. Meyer. Paderborn, 1876. S. 48, 51; Ледовое побоище 1242 г. М.: Л., 1966. С. 202–203, 210–211).

³ См.: VMHN. T.I. № 440.

страна, разоренная татарами и окруженная «неверными» народами: с востока — русскими, куманами и бродниками, с юга — болгарами и боснийскими еретиками. Опасность, угрожающая этой стране, тем более велика, что соседние с Венгрией страны — Русь, Кумания, Болгария — подчинились власти татар, намеренных выслать бесчисленное войско для завоевания всей Европы.

Причиной для создания этого документа послужила не столько угроза татарского нашествия, сколько совсем другое событие, не имевшее прямого отношения ни к Золотой Орде, ни к Руси, — разыгравшийся в эти годы конфликт между Белой IV и чешским королем Пржемыслом II из-за обладания герцогством Австрийским. В этой борьбе Бела IV широко пользовался помощью поселившихся на его землях куманов — половцев. Использование язычников в войне с христианами вызывало нарекания¹. Послание должно было опровергнуть их и привлечь симпатии курии в указанном конфликте на сторону Венгрии. Этой цели служил образ враждебного мира (его частью являлась и Русь), от которого Венгерское королевство защищало западное христианство. Истинная цель послания становится прозрачной после изучения тех пассажей, в кото-

¹ См. записи в чешских анналах 50-х гг. XIII в. о куманах, убивших тысячи христиан и распинавших пленных «в поношение распятию» (*Fontes rerum bohemicarum*. Praha, 1882. Т. 2. S. 290–291).

рых подчеркивалось, что окруженная враждебными «неверными» народами с востока и юга страна надеялась получить помощь от граничащей с ней с запада и севера «единоверной» Аламани (Священной Римской империи, князьями которой были Пржемысл II и его немецкие союзники), но вместо этого на нее оттуда совершались нападения. Здесь же пояснялось, что, не получая помощи от христианских государств, король, к собственному огорчению, вынужден для защиты страны привлекать язычников — куманов.

В том, что касается Руси, нарисованный образ весьма мало соответствовал действительности. С галицко-волынскими князьями Белу IV соединяли родственные отношения и политическое сотрудничество, Даниил и Василько оказывали ему поддержку в войне с Пржемыслом II. Истинная картина отношений получила все же свое отражение в одном из мест разбираемого послания, где в полном противоречии с общими утверждениями, приведенными выше, Бела IV сообщал папе, что выдал двух своих дочерей за русских князей, чтобы с помощью этих правителей получать сведения о замыслах татар. И в других отношениях картина эта мало отвечала действительности: в борьбе с Пржемыслом II и Бела IV, и его сын Стефан V обращались к помощи и других правителей-«схизматиков». В мирном договоре 1271 г., завершившем один из этапов борьбы за

Австрию, в числе союзников венгерской стороны фигурировали помимо галицко-волинских князей византийский император Михаил VIII, сербский король Урош, Святослав, «император болгар»¹.

В истории отношений Белы IV с папской курией послание 1254 г. оказалось эпизодом без продолжения. Поднятая в нем тема в дальнейшем не обсуждалась. Однако есть основание думать, что именно этот документ, когда его содержание стало известно в Праге, открыл глаза чешским политикам на те возможности, которые давал обрисованный в послании «образ мира», если на место Венгрии поставить в нем как борца против угрожавших Европе «неверных» народов Чехию. Это давало чешскому королю новые веские аргументы для обоснования той роли «покровителя» польских князей, в которой он стремился выступать как правитель соседнего и близкородственного народа. В написанном в 1255 г. послании краковскому епископу Прандоте Пржемысл II, выражая пожелание, чтобы польские князья соединились с ним неразрывными узами союза и дружбы, обещал защищать их земли от нападений «язычников и схизматиков»².

¹ VMNH. Т. 1. Р. 303. Пашуто В. Т. Очерки... С. 300.

² Regesta diplomatica necnq epistolaria Bohemiae et Moraviae. Р. 2. Vol. 1. Pragae, 1872. № 71. Р. 69.

Для выступлений против «схизматиков» у чешского правителя был и другой важный мотив. После участия Пржемысла II в 1253–1254 гг. в крестовом походе против пруссов, когда в его честь получила название заложенная на завоеванной земле крепость Кенигсберг, в Праге возникли планы приобретения новых владений на балтийском побережье. Уже упоминавшийся выше призыв папы Урбана IV выступить против «литовцев и схизматиков» и присоединить их земли к Чешскому королевству встретил в Праге благоприятный отклик. В 1267 г. Пржемысл II заключил договор о союзе с Тевтонским Орденом. Чешский король обязался оказать помощь Ордену в установлении его власти над пруссами, а Орден должен был помочь Пржемыслу II завоевать Литву, где была бы введена католическая вера¹. Планы Пржемысла II не ограничивались лишь территорией язычников-литовцев. В булле Климента IV, выданной по просьбе чешского короля 20 января 1268 г.², ему предоставлялось право обладать землями, которые он вырвет «из рук литовцев и других неверных», связанных «проклятым союзом с татарами и другими врагами христианского имени». Эти выражения из буллы Урбана IV не оставляют сомнений в том, что «неверные», земли которых рассчитывал занять чешский король вместе с землями литовцев, — это «схизматики».

¹ См.: Ibid. P. 2.Vol. 2. № 558. P. 215.

² См.: Ibid. № 596. P. 230.

Наконец, было политически выгодно в продолжавшемся конфликте с Венгрией изображать венгерскую сторону как организатора угрожавших Европе враждебных сил «еретиков» и «схизматиков», от которых защищало христиан чешское войско. В записях, делавшихся при соборе святого Вита в Праге, которые сохранились в составе так называемого «Второго продолжения Козьмы», венгерское войско, начавшее войну с Чехией в 1260 г., охарактеризовано как «неверные и другие, которые были с ними», противостоявшие «христианам», собравшимся в войско чешского короля¹. В послании папе Александру IV, написанном после поражения венгерского войска под Крейсенбруном в 1260 г., чешский король писал, что одержал победу над армией, в состав которой входили пришедшие на помощь венграм русские и татары, «схизматики» из Греции, Болгарии и Рашки (Сербии) и боснийские еретики².

Такая направленная против «схизматиков» пропаганда могла снискать и поддержку папской курии великодержавной политике Пржемысла II. Неслучайно поэтому наиболее подробная характеристика «образа мира», созданного в Праге, может быть обнаружена в написанном в 1273 г. послании одного из ближайших советников чешского короля, оломоуцкого епископа Бруно

¹ См.: *Fontes rerum bohemicarum*. Т. 2. Р. 315.

² См.: *Regesta...* Р. 2. Vol. 1. № 271. Р. 103.

папе Григорию X.¹ В соответствии с интересами пражского двора в послании больше всего говорилось об опасностях, грозящих христианскому миру со стороны Венгрии, о том, что в этом государстве распоряжаются всем язычники-куманы, что в нем находят приют еретики и «схизматики». В этой связи в послании указывалось, что две дочери венгерского короля выданы за русских князей, а русские — «схизматики» и слуги татар. Польша разорена язычниками-литовцами, немецкие князья бесплодно расходуют силу в спорах друг с другом, лишь одно Чешское королевство выступает в этих краях как защитник христианской веры.

Есть основания сомневаться, верили ли советники Пржемысла II во все то, что они писали, желая приспособиться к позиции выступавшей против «схизматиков» курии. В войне с Рудольфом Габсбургом в 1277–1278 гг. Пржемысл II сам пытался получить помощь от сына Даниила Галицкого Льва, а в 1289 г. состоялась встреча Льва Данииловича с сыном Пржемысла II Вацлавом II, когда чешский король «одарив Льва дармы всякымы дорогымы»².

Между действиями курии и центрально-европейских правителей возникла определенная взаимозависимость. Создававшаяся курией обстановка религиозной нетерпимости побуждала

¹ См.: Regesta... P. 2. Vol. 3. Pragae, 1873. № 845. P. 344.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 936; Пашуто В. Т. Очерки... С. 300–303.

правителей придавать своим конкретным политическим планам, направленным против соседей, характер борьбы против угрожавших католической Европе внешних враждебных сил, а, в свою очередь, их послания убеждали курию в правильности занятой ею позиции. Возникавших в ходе этих контактов образ враждебного нелатинского мира проникал затем в общественное сознание, создавал неблагоприятную атмосферу для отношений древнерусских княжеств с их западными соседями. Ведь переписка эта не оставалась служебной тайной, а в той или иной мере становилась достоянием общества (так, послание Пржемысла II Александру IV попало на страницы одной из чешских хроник). Не просвещенное в хитросплетениях европейской политики рыцарство постепенно проникалось убеждением, что православные соседи па востоке и юге принадлежат к враждебному христианской Европе миру, который следует завоевать и обратить в истинную веру. В написанном именно для этой среды в конце XIII в. чешском переводе-переложении рыцарского романа об Александре было помещено пожелание, чтобы чешским королем стал правитель, подобный Александру. Тогда литовцы, татары, бесермены, прусы и русские будут вынуждены принять крест и отречься от своих заблуждений¹. «Русские» фигурируют здесь в

¹ См.: *Alexandreida / Vyd. Vaclav Vážny. Praha, 1963. S. 117–118.*

общем ряду языческих народов, которые следует принудить силой к познанию истинной веры.

Тексты, подобные направлявшимся из Чехии или Венгрии к папскому двору, для Польши XIII в. неизвестны. Правда, содержание папских булл позволяет считать, что из Польши поступали жалобы на нападения литовцев и «схизматиков». Однако есть все основания полагать, что князья, правившие в восточных областях Польши, четко отличали «схизматиков», подчиненных литовцам, от «схизматиков», живших во владениях галицко-волынских князей. С последними ряд правителей этой части Польши был связан тесными дружескими отношениями. Имело место и заключение новых брачных союзов не только в XIII, но и в начале XIV в.¹

Однако за пределами этого ареала непосредственных связей поступавшие оттуда в другие районы Польши сведения переосмысливались в духе распространявшихся в Центральной Европе неблагоприятных для русских представлений, и

¹ В самом начале XIV в. куявский князь Владислав Локетек, будущий правитель объединенной Польши, выдал за галицкого князя Юрия Львовича свою сестру Евфимию, за его брата Земовита вышла сестра Юрия Анастасия, позднее дочь Юрия Мария стала женой мазовецкого князя Тройдена, имело место и заключение новых брачных союзов не только в XIII, но и в начале XIV в. (*Włodarski B. Polska i Ruś. 1194–1340, Warszawa, 1966. S. 223; 227–228, 264*).

складывалась картина мира, во многом напоминавшая ту, о которой было сказано выше. Достаточно показательными могут быть два рассказа «Великопольской хроники» — главного источника, сохранившего польскую историческую традицию XIII в., о событиях 60-х гг. этого столетия.

Первый из них — рассказ о походе татар на Польшу в 1259–1260 гг. и взятии Сандомира¹. Вначале сообщается о том, что татары вторглись в Польшу вместе с пруссами, русскими и куманами, а затем с возмущением рассказывается, как Василько и сыновья Даниила «задумали обмануть жителей крепости с помощью изменнической хитрости» и уговорили жителей Сандомира сдать город татарам, обещая сохранение жизни. Жители, «обманутые советом указанных князей», открыли ворота и были перебиты.

В другом рассказе повествуется о нападении литовцев на Мазовию, во время которого был убит князь Земовит². В «Великопольской хронике» говорится о нападении «русских и литовцев», которые все «опустошили... огнем и мечом». Главный руководитель похода Шварн, сын Даниила Галицкого, собственноручно отрубил голову взятому в плен князю Земовиту. Для людей, ори-

¹ См.: *Pomniki dziejowe Polski. Ser. 2. T. 8. Warszawa, 1970. S. 113–114*; Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 184–185.

² См.: *Pomniki... S. 116–117*; Великая хроника... С. 188.

ентировавшихся в родственных связях между князьями, этот поступок русского князя должен был восприниматься как особое злодейство, так как Земовит был женат на родной сестре Шварна. Действительная роль русских в обоих событиях была совсем иной. Как видно из большого рассказа Ипатьевской летописи, русские князья были вынуждены принять участие в походе татар по принуждению, а сам рассказ полон глубокого сочувствия к погибшим жителям Сандомира¹. Что касается событий, происшедших в Мазовии в 1262 г., то из того же источника видно, что нападение было предпринято литовскими и русскими подданными Миндовга и что Шварн Даниилович не имел к нему никакого отношения². Появление имени Шварн в этом контексте не было, однако, совершенно случайным. Из той же летописи можно узнать, что слуги Шварна вместе с литовцами нападали на земли краковского князя Болеслава Стыдливого, а затем, после смерти сына Миндовга Войшелка, Шварн, как зять Миндовга, занял на несколько лет литовский великокняжеский стол³. Вероятно, хронист

¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 852–855.

² См.: Там же. Стб. 855. Предводитель русских в этом походе Остафий Константинович упоминается в другом месте летописи как убитый по приказу сына Миндовга Войшелка житель Великого княжества Литовского (Там же. Стб. 861).

³ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 864, 867.

знал, что Шварн воевал с Польшей и правил литовцами, отсюда — контаминация фактов. Обращает на себя внимание, однако, что и смешение фактов и трактовка событий даны таким образом, чтобы создать о русских самое неблагоприятное впечатление, как о лицемерных и жестоких пособниках татар и язычников¹. Хотя в обоих рассказах термин «схизматики» ни разу не употребляется и о религиозных различиях нет и речи, их разбор не оставляет сомнения в том, что создававшийся общими усилиями чешского правителя и курии образ Руси как части враждебного христианской Европе мира, где господствуют язычники, получил в Великой Польше, где писалась хроника, заметное распространение, и через его призму там воспринимались и осмысливались сообщения о происходивших событиях.

Таким образом, хотя между соседними древнерусскими и польскими землями вплоть до рубежа XIII–XIV вв. сохранялись дружественные связи, но их развитие происходило в условиях ухудшающейся общественной атмосферы. В формировавшемся в сознании светских и церковных верхов европейского общества «образе мира» Польша и ее латинские соседи находились по одну сторону

¹ Так, можно было бы предположить, что русские князья, дававшие обещания сандомирянам, сами были обмануты татарами, но хронист такого допущения не делает.

барьера, отделявшего христианский мир от нехристианского, а Русь оказывалась по другую.

Поскольку конфессиональный раскол, как и любой другой, представляет собой по своей природе двусторонний акт, следует рассмотреть теперь, какое соответствие этим конфессионально-мировоззренческим и политическим сдвигам можно найти в русских источниках второй половины XIII в.

Источником, содержащим наибольшее количество сведений на интересующую нас тему, является Галицко-Волынская летопись XIII в. Летопись, правда, охватывает хронологический период от начала почти до самого конца XIII в. однако ряд убедительных доводов говорит о том, что летописный текст о правлении Даниила Галицкого, охватывающий события 1205–1250 гг., представляет собой цельный текст, написанный одним автором и, по-видимому, в одно время¹. Тем самым, текст Галицко-Волынской летописи в целом можно рассматривать как источник, отражающий взгляды и представления людей середины — второй половины XIII в. Вопрос о том, в какой среде была создана и чьи взгляды отражала Галицкая летопись Даниила Романовича, был

¹ См.: *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // *Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I (XI–XVI вв.)*. М., 1989. С. 264 и сл.

предметом дискуссии¹. Как представляется, правильной является точка зрения такого исследователя, как М. Н. Тихомиров², который подчеркивал, что это светский памятник. Об этом убедительно говорит редкость и несистематичность сведений о жизни местной церкви. Перед нами — произведение, отражающее интересы и представления прежде всего княжеского двора и связанной с ним среды.

Уже общее знакомство с источником показывает отсутствие в нем каких-либо выпадов в адрес «латинян» и их веры (сам термин «латиняне» в обширном тексте ни разу не упоминается). Разумеется, в летописи встречаются не раз резкие высказывания против венгров и поляков, пытавшихся установить свою власть над русскими землями, но эти захватчики для летописца — «иноплеменники», а не «иноверцы», желающие навязать русским свою веру. Едва ли не единственное высказывание, порицающее отношение венгров к православной церкви, известное место летописи, где говорится, что Богоматерь их покарала, «яже не

¹ См. об этом: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 22 и сл.

² *Тихомиров М. Н.* Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 63.

стерпевши осквернения храма своего», — указывает на попытки завоевателей поставить «град на церкви пречистое»¹ и лишь с большой натяжкой могло бы быть истолковано как осуждение «чужой» веры².

Напротив, в ряде мест летописи подчеркивается близость русских не только с венграми и (в особенности) с поляками, но и с немцами, как с «христианами» в противовес «поганым» — литовцам и ятвягам³. Предложение заключить брак между Львом Данииловичем и дочерью венгерского короля мотивировалось в летописи словами, обращенными к галицкому князю: «Иди к нему, яко крестьян есть»⁴. Ряд ярких высказываний о единстве интересов христиан мы находим в рассказах о совместных походах русских и ятвягов. Один из таких рассказов открывается сообщением о том, что Даниил «посла в Ляхы ко князем Лядьским, река, яко время есть христьяном на

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737.

² Даже захват Дрогичина орденом так называемых «добжиньских братьев», находившихся под патронатом Конрада Мазовецкого (1238 г.), не вызвал у летописца таких высказываний. Он ограничился словами: «не лепо есть держати нашия отчины крижевникомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776).

³ На эту особенность летописи справедливо обратил внимание П. Т. Пашуто в своей работе «Образование Литовского государства» (С. 26, 31–32).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

поганее»¹, а другой рассказ о походе завершился словами: «и стретьшимся им и бысть радость велика о погибели поганьской»².

Большой интерес представляют высказывания и оценки летописца, связанные с взаимоотношениями Галицкой Руси, немецких государств Прибалтики и Литвы. В летописи с одобрением рассказывается о попытках Даниила заключить с «немцами» союз против Миндовга. Летописец осуждает крестоносцев, которые, поверив «льстивому» крещению Миндовга, прекратили враждебные действия против него, и солидаризируется с противоположной позицией рижан. Рижане знали, отмечает летописец, что, если бы война продолжалась, «Литовьская земля в роукоу бе их и крещение неволею прияли быша, си же вся некрестьяны Литвою створи Андреи» (глава Ливонского Ордена)³. В этой связи не может вызвать удивления, что летописец с одобрением пишет о приглашении Даниилом в свою новую резиденцию Холм «немцев» и «ляхов»⁴ и что в более поздней, волынской части летописи имеется сообщение о том, что князья были на обеде во Владимире Волынском у «немчина» Маркольта⁵.

¹ Там же. Стб. 815.

² Там же. Стб. 834.

³ См.: Там же. Стб. 817.

⁴ Там же. Стб. 843.

⁵ См.: Там же. Стб. 868.

Характерные для целого ряда регионов домонгольской Руси восприимчивость к художественным достижениям романского искусства и практика использования в церковном обиходе предметов католического сакрального искусства имели, как неоднократно отмечалось исследователями истории искусства, свое продолжение в Галицкой Руси середины — второй половины XIII в.¹ Действительно, в летописном рассказе о церкви святого Иоанна, построенной Даниилом в Холме, упоминаются и характерные для храмов романского круга капители с человеческими головами и окна, украшенные «стеклы римскими» — витражами, и свод «украшен звездами златыми на лазоуре»². В другом месте рассказывается о мраморной чаше со змеиными головами, которую Даниил привез из Венгрии: она была поставлена в церкви Пресвятой Богородицы в Холме, и в ней освящали воду на Богоявление³. К этому стоит добавить, что католический храм в летописи обозначается словом «церковь», например в помещенном в волынской части летописи некрологе краковскому князю Болеславу Стыдливому: «положиша во церкви у святого Франьцишка в городе Кракове»⁴. Об одной такой

¹ См., например: *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI–XV вв.). М., 1979. С. 20.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846.

³ См.: Там же. Стб. 880.

⁴ Там же. Стб. 846.

церкви — Святой Троицы в Сандомире — составитель воынской части летописи написал: «церкви бяше в городе том камена велика и предивна сияюще красотою»¹.

Выше уже приводилась запись из той же летописи, где «святым» назван Франциск Ассизский, канонизированный в XIII в., православной церковью не почитавшийся. Это не единственный пример. Под 1206 г. в Галицко-Воынской летописи рассказывалось о намерении венгерского короля Эндре II выдать за малолетнего Даниила свою маленькую дочь. Далее летописец сообщает, что эту дочь по имени Елизавета выдали замуж за ландграфа Людовика, и она «много бе послужи Богови по муже своемь и святоу наречаютъ»². Запись сделана не ранее 1235 г., когда Григорий IX канонизовал Елизавету Тюрингскую за милосердие по отношению к убогим и нищим³.

Следует отметить и такую важную в интересующем нас плане черту летописного повествования, как обозначение представителей католического духовенства терминами, употреблявшимися для обозначения православных духовных лиц. Так, составитель воынской части летописи говорит об «игуменах» и «попах», причащавших жите-

¹ Там же. Стб. 723.

² Там же. Стб. 723.

³ См.: *Legendy a kroniky koruny uherské*. Praha, 1988. S. 146, 152.

лей Сандомира перед сдачей города татарам, о «епископах» и «игуменах», провожавших в последний путь краковского князя Лешко Черного¹. Лишь то обстоятельство, что гораздо чаще католические духовные лица обозначаются летописцем как «бискуп»² (или «пискуп») или «пребошь»³, да уже цитировавшееся выше место о том, что папа порицал хулящих «вероу грецкоюу правоверноюу»³, позволяют полагать, что факт существования определенных церковных различий между Галицкой Русью и ее западными соседями все же составителями галицко-волынских летописей осознавался. Существенно, что в целом благожелательное отношение к представителям латинского мира характерно не только для летописи Даниила Галицкого, создававшейся в пору подчинения Галицкой церкви Риму и сближения с западными соседями, но и для волынской части летописного свода, создававшейся позднее, в совсем иных исторических условиях.

Таким образом, в наиболее обширном древнерусском тексте XIII в. мы обнаруживаем лишь очень слабые отзвуки того процесса конфессионального размежевания между католическими и православными соседями, о котором подробно говорилось выше. Представление о Галицкой

¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 854, 897.

² Там же. Стб. 814, 817, 837, 865.

³ Там же. Стб. 827.

Руси, как области мирного сосуществования двух конфессий, можно подкрепить сведениями о деятельности польских доминиканцев на ее территории. Во второй половине XIII в. они уже не ограничивались одним конвентом в Галиче, основанном, по сообщению Длугоша, в 1238 г.¹ В 1277 г. генеральный капитул доминиканского ордена дал разрешение его польской провинции поставить еще два дома «*versus Russiam*». Во Львове под патронатом жены сына Даниила Галицкого Льва Данииловича, Констанции, был основан доминиканцами храм в честь Иоанна Предтечи, 1297 г. датируются сведения и о существовании здесь доминиканского монастыря «*in curia principis*», т. е. на княжеском дворе².

Другим древнерусским государством, непосредственно граничившим с католическим миром, была Новгородская земля. Если отношения Галицкой Руси с западными соседями в середине — второй половине XIII в. были в основном мирными, то у Новгорода с его соседями — Ливонским Орденом и Швецией происходили столкновения интересов, которые именно в этот период выливались в крупные конфликты.

Первым и оказавшимся наиболее значимым для последующей исторической традиции стало

¹ См.: *Dlugosz J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsoviae, 1973. L. 5-6. S. 283.*

² См.: *Abraham W. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. S. 168-170.*

столкновение Новгорода и правившего в нем князя Александра сначала со Швецией, а затем с Ливонским Орденом, пришедшее на начало 40-х гг. XIII в. Как уже отмечалось, в записях Синодального списка Новгородской первой летописи, по-видимому, современных указанным событиям, не прослеживаются признаки религиозного антагонизма. «Свеи» или «немцы» для летописца — это прежде всего «иноплеменники», желающие завладеть землей другого народа¹. В летописном тексте они не характеризуются как «иноверцы», желающие навязать русскому народу «латинскую» веру. Не фиксируются четко религиозные различия и при описании последующих конфликтов со Швецией и Орденом, среди которых был и такой крупный, как Раковорская битва 1268 г. Правда, в этих описаниях неоднократно повторяется формула о победе, одержанной «силою Креста Честнаго»², но из контекста ясно, что «Крест Честный» помогает новгородцам потому, что противная сторона нарушила обязательства, взятые на себя при подтверждении мирного договора крестным целованием («оканьнии крестопреступници»). Таким образом, и здесь не имеются в виду какие-либо различия в вере.

Следует при этом отметить, что проблема различий в вере между соседними народами как та-

¹ См.: НПЛ. С. 77–79.

² Там же. С. 80–83, 87.

ковая вовсе не находилась за пределами внимания летописца. Так, говоря о походе на литовцев в 1253 г., он отметил, что новгородские войска отправились в Литву «мстить им кровь христьянская»¹, а рассказ о гражданской войне в Литве после смерти Миндовга был сопровожден следующим комментарием; «не терпяше бо Господь Бог наш зрети на нечестивыя и поганыя, видя их проливающа кровь христьянскую аки воду» и покарал их междоусобием². Очевидно, вопрос о религиозных различиях между православными и католиками и о влиянии этих различий на отношения между Новгородом и его соседями не находился в центре его внимания. Вместе с тем, следует отметить, в отличие от того, что мы видим в Галицко-Волынской летописи, в Новгородской летописи отсутствует интерес к «чужому», латинскому миру, тем более какие-либо похвальные оценки латинских памятников или принадлежавших к латинскому миру людей; не фиксируется в ней и позиция христианской солидарности с католиками перед лицом язычников.

В летописных известиях рубежа XIII–XIV вв. могут быть обнаружены некоторые детали, позволяющие говорить о каком-то осознании связи между конфликтами с западными соседями и религиозным антагонизмом. Так, сообщая о напа-

¹ Там же. С. 80.

² См.: Там же. С. 84.

дении ливонских рыцарей на Псков в 1298 г., летописец отмечает, что они «но монастырем все чернци исекоша»¹, а при описании строительства шведами крепости в устье Невы в 1300 г. он нашел нужным зафиксировать, что для этого «из великого Рима от папы мастер приведоша»². Папа выступает здесь прямо, как лицо, поощряющее враждебные действия шведов против Новгорода. Однако первую запись, содержащую резкое и недвусмысленное осуждение «латинства», мы находим лишь в летописной записи под 1349 г.: «Прииде король краковьскыи со многую силою и взяша лествю землю Волынъскую и много зла крестіаном створиша, а церкви святыя претвориша на латыньское богумерзъское служение»³. Здесь налицо не только резкое неприятие «латинства», но и четкое представление о взаимосвязи между католицизмом западного соседа и его захватами русских земель, где силой насаждается католическая вера. Важно и то, что лишь представители «своей» конфессии определяются здесь как «христиане». Однако речь идет об известии, которое было записано никак не ранее середины XIV в.

Наблюдения, сделанные на летописном материале, можно в данном случае сопоставить с возникшими в тот же период памятниками агиогра-

¹ Там же. С. 329.

² Там же. С 91.

³ Там же. С. 361.

фии. Первым должно быть названо житие Александра Невского, первоначальная редакция которого была создана между 1263–1265 гг. в Северо-Восточной Руси¹. Направленность повествования в основном совпадает с повествованием Новгородской первой летописи о войнах Александра с его западными соседями. Агиограф, как и летописец, прославляет победу героя над «иноязычниками» и «иноплеменниками», пожелавшими завладеть землями другого народа². Налицо, однако, и ряд других мотивов, не находящихся соответствия в летописном повествовании. Так, шведы — «свеи», как они называются в летописном рассказе, в житии последовательно именуются «римлянами», а их правитель определяется как «король части Римьския»³. Все это придает локальному событию характер столкновения с частью мира, пребывающего под властью «римской» — католической церкви. «Немцы» в рассказе о Ледовом побоище названы «безбожными», и летописец с удовлетворением подчеркивает, что после битвы подле русских коней шли босые пленные — те,

¹ См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении русских книжников (XIII — первая четверть XIV вв.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX веков. М., 1990. С. 110.

² См.: похвалу Александру Невскому (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 172).

³ Бегунов Ю. К. Памятник... С. 162, 166, 167.

«иже именуют себе божии ритори»¹. Наконец, агиограф нашел нужным специально сообщить о том, что, когда папа прислал к Александру Невскому двух кардиналов послушать «учения их о законе Божии», то князь, «здумав з мудреци своими», ответил: «от вас учения не приемлем»². Очевидно, что создатель жития, вышедший, по видимому, из кругов, близких к митрополиту Кириллу, уже в известной мере воспринимал конфликты Руси с ее западными соседями как конфликты конфессионально окрашенные, что представления о нарастании отчуждения и враждебности между католическим и православным миром уже присутствовали в его сознании. Вместе с тем ясно, что эти мотивы еще не определяли основной тональности повествования, а находились пока на заднем плане, четкого и категорического осуждения католического мира, как опасного и враждебного, в житии еще нет. Так, в житие включен эпизод о посещении Александра Невского «Андреяшем» — одним из тех, «иже нарицаются слуги Божии», т. е. одним из немецких рыцарей в Прибалтике³, этот визит сравнивается с приездом царицы Савской к Соломону⁴, и мнение представителя латинского мира о достоин-

¹ Там же. С. 169, 172.

² Там же. С. 176.

³ Имеется в виду магистр Ливонского Ордена Андреас Вольвен.

⁴ См.: Бегунов Ю. К. Памятник... С. 161–162.

ствах князя Александра оказывается для летописца авторитетным.

Данные, извлеченные при анализе древнейшей редакции жития Александра Невского, рационально сопоставить с результатами анализа жития его младшего современника — псковского князя Довмонта, созданного, судя по ряду косвенных, но убедительных доводов, во второй четверти XIV в.¹ В этом источнике ливонские рыцари, с которыми сражается псковский князь, постоянно фигурируют как «поганные немцы» или «поганая латина»²: оба эти словосочетания были для агиографа, по-видимому, синонимами. Он специально рассказывает об убийстве немецкими воинами православных монахов³ и об освящении меча Довмонта перед выступлением в поход на немцев на алтаре Троицкого собора⁴. Особый интерес представляет концовка жития, где говорится о том, как Александр Невский и Довмонт ходили в походы, «побеждая страны поганыя — Немець и Литву, Чюдь и Корелу»⁵. Католическая Ливония выступает здесь как составная часть внешнего, враждебного по отношению к Руси «поганского» мира. Таким образом,

¹ См.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 47–66.

² Там же. С. 190–192.

³ См.: Там же. С. 191–192.

⁴ См.: Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 192.

рассмотрение этих памятников дает дополнительные аргументы в пользу заключения о том, что на древнерусской почве четкое однозначно отрицательное отношение к латинскому миру фиксируется лишь в памятниках, созданных в XIV в. Образ Ливонии в житии Довмонта и его противоположная параллель — образ Руси в посланиях центрально-европейских правителей второй половины XIII в. могут служить символическим обозначением завершившегося конфессионального размежевания Руси и ее западных католических соседей. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что соответствующий образ сложился на древнерусской почве хронологически гораздо позднее, чем отрицательный образ Руси в общественном сознании стран Центральной Европы. Это заставляет думать, что возникновение более позднего образа было реакцией на создание более раннего. Стоит отметить и то, что в обоих случаях дело не ограничилось осознанием собственно конфессионального антагонизма, а привело к превращению враждебной страны в составную часть нехристианского мира, что придавало в дальнейшем наметившемуся противостоянию особую жесткость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования подтверждают правильность взглядов тех ученых, которые полагали, что, несмотря на раскол церквей в 1054 г., отношения православных с их католическими славянскими (и неславянскими) соседями в целом определяла взаимная терпимость. Однако можно отметить, что уже в то время между состоянием этих отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе существовали определенные отличия. В кругах древнерусского православного духовенства и, соответственно, в кругах духовенства западных соседей Руси уже и в то время религиозная нетерпимость к представителям другой конфессии получила вполне определенное выражение, хотя во второй половине XI–XII вв. такая ориентация еще не могла подчинить себе все общество и серьезно повлиять на развитие отношений между соседними государствами. Препятствовало этому, в частности, сознание общехристианской солидарности перед лицом язычников и мусульманского мира.

В южно-славянском мире (если не учитывать позицию духовной иерархии па болгарских землях, следовавшей установкам, принятым в Кон-

стантинополе) вообще не удастся выявить какие-либо определенные проявления конфессиональной нетерпимости в рассматриваемый период. Важным фактором, способствовавшим смягчению отношений, была общность не только литературного языка, но и фонда письменных памятников, которые влияли на формирование религиозного сознания и православной, и католической части южных славян. Играла определенную роль и провизантийская политическая ориентация латинского духовенства городов на Адриатическом побережье. Положение о том, что в южно-славянском обществе в целом не было враждебного отношения к латинянам, может быть подкреплено ретроспективным анализом более поздних источников: благожелательные высказывания о римском престоле в написанном на Афоне Доментианом в середине XIII в. житии Саввы Неманича проливают определенный свет и на религиозную ориентацию сербского монашества более раннего времени. Имело значение и то, что латиняне неоднократно оказывались политическими союзниками южных славян в их борьбе с экспансией Византийской империи. Эта разница исходных условий объясняет многое в последующей эволюции межконфессиональных отношений в разных регионах Европы; становится понятным, почему прежде всего на южно-славянской почве предпринимались и оказывались наиболее эффективными попытки заключения церковной унии с Римом.

Анализ имеющихся данных о попытках заключения церковной унии с Римом подтверждает вывод ряда исследователей о том, что в унии были заинтересованы прежде всего правители, рассчитывавшие при содействии Рима решить стоявшие перед ними политические задачи. Духовенство в контактах с Римом играло пассивную роль. Даже там, где, как в Болгарии, такая уния существовала формально в течение нескольких десятилетий, не имели места сколько-нибудь существенные заимствования католических традиций. Все это говорит о том, что в православных славянских странах, по существу, отсутствовали стимулы для серьезного духовного сближения с латинским миром.

Рассматривая процесс обострения межконфессиональных отношений на протяжении XIII в., следует констатировать, что его главной причиной и в Восточной, и в Юго-Восточной Европе была экспансия католического мира, которая направлялась папством и осуществлялась в виде то прямого вооруженного наступления, то миссионерской деятельности, приводившей в условиях роста конфессиональной непримиримости к новым столкновениям. Переход к такой политике был определен, как представляется, ростом, начиная с 30-х гг. XIII в., унитаристских тенденций в политике папства, направленной не только на ограничение автономии местных церквей, но и на унификацию обрядов, что вело к усилению

нетерпимости ко всем возможным отклонениям от желательного образца. Эффективность папской политики была связана с тем, что, с одной стороны, могущественным группировкам светских феодалов на территории латинского мира она давала удобное идейное основание для экспансии, с другой стороны, она могла опереться на поддержку церкви, заинтересованной в упрочении контактов с Римом и на протяжении XIII в. повсеместно укрепившей свое положение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Именно во внешнеполитических актах, исходивших от пап во второй половине XIII — начале XIV вв., враждебное отношение к православному миру достигло предельной остроты (объявление крестовых походов, пожалование православных земель католическим государям, подстрекательство католических подданных к восстанию против православного правителя). Враждебное отношение к латинянам на православной почве формировалось как ответ на такое же отношение со стороны католического мира.

Развитие антагонизма на южно- и восточно-славянской почве имело свои особенности, объяснявшиеся отчасти различием исходных условий (о чем говорилось выше), отчасти воздействием дополнительных внешних факторов (на территории Восточной Европы). Ограниченный характер сохранившихся южно-славянских источников, отсутствие среди них обширных текстов истори-

ческого содержания, ориентированных на вкусы и настроения светской среды, заставляют быть осторожными в выводах. К тому же большая часть имеющихся сведений относится к Сербии, которая всегда стояла ближе к западному миру, чем Болгария. Однако есть основания полагать, что на протяжении XIII в. обострение межконфессиональных отношений находило свое выражение, главным образом, в росте враждебности по отношению к латинянам в среде православного духовенства. Лишь в XIV в. появляются законы, ставящие религиозную деятельность «латинян» на территории Сербского королевства в жесткие рамки, что говорит о вовлечении в межконфессиональные конфликты государственной власти. К этому времени стали фактом и серьезные осложнения в отношениях между католическими и православными подданными сербских королей. И все же существование православных и католиков в этом государстве не привело к серьезным межконфессиональным конфликтам. Сохранились в XIV–XV вв. достаточно обширные и разнообразные связи сербских правителей и знати с правителями соседнего католического Венгерского королевства. По-видимому, лишь с гибелью (или эмиграцией) этой знати в ходе османского завоевания были окончательно разорваны связи Сербии с латинским миром. Здесь, таким образом, на протяжении XIII в. религиозный антагонизм развивался сравнительно мед-

ленно и все его негативные последствия не проявились в полной мере.

Иная ситуация сложилась в Восточной Европе. Хотя в ней религиозный антагонизм (даже в отношениях между Новгородом и крестоносцами) не развивался так быстро, как полагали исследователи, и стал серьезно влиять на отношения между государствами и народами лишь во второй половине XIII в., но он принимал предельно острую форму, когда каждая из сторон отказывалась причислить другую к «христианам», рассматривая ее как часть внешнего, враждебного «нехристианского» мира. Позиция древнерусского общества представляла собой ответную реакцию на позицию латинских соседей. Что касается последних, то хотя все они испытывали враждебное по отношению к православному миру воздействие Рима, но усилению этой враждебности со стороны отдельных государств способствовал ряд дополнительных факторов.

Одним из этих факторов, который хорошо известен и неоднократно отмечался исследователями, была экспансия немецких и шведских феодалов и купечества на земли Восточной Прибалтики, входившие в сферу влияния древнерусских княжеств. Если и нельзя утверждать, что Древняя Русь с самого начала являлась объектом экспансии, а в политике по отношению к древнерусским землям имели место разные тенденции, то все же не вызывает сомнений, что во второй

половине XIII в. именно в государствах крестоносцев религиозная нетерпимость, проповедовавшаяся Римом, нашла для себя благоприятную почву. Не могло быть и речи о поддержании каких-то «неформальных» связей не только между духовенством двух конфессий, но и между новгородским боярством и немецким рыцарством. Складывавшаяся в отношениях между Новгородом и государством крестоносцев модель имела не только локальное значение: позднее по тому же образцу стали строиться отношения между Русским государством и латинским миром.

Другим важным фактором, влиявшим на положение дел в Восточной Европе, была литовская экспансия. Ее воздействие носило различный характер на разных этапах развития. Первоначально совместная борьба против совершавших набеги язычников-литовцев содействовала развитию общехристианской солидарности в отношениях древнерусских земель не только с польскими княжествами, но и с крестоносцами. Положение изменилось, когда земли позднейшей Белоруссии оказались под властью литовских князей и их население стало участвовать в походах язычников на владения крестоносцев и земли Восточной Польши. Это способствовало не только разрыву существовавших связей между западно-русскими землями и латинским миром, но и формированию в польском обществе представления о Руси как части внешнего враждебного, не христианского мира.

Упрочению подобных представлений на западно-славянской почве способствовало и подчинение русских земель татарам. Здесь можно наблюдать эволюцию, подобную эволюции с литовской проблемой. Первоначальное оживление чувства христианской солидарности уступало место враждебному отношению к Руси, по мере того как татары укрепляли свою власть и принуждали русских князей к походам на Польшу и Венгрию во второй половине XIII в. Этому способствовала деятельность правителей — соседей Руси, которые, желая заручиться содействием Рима для осуществления своих планов, подчеркивали роль своих стран как барьера, ограждающего латинский мир от враждебных внешних сил, к числу которых они относили и Русь.

Во второй половине XIII в. эти декларации еще не отражались на конкретных отношениях между Галицко-Волынской Русью и ее западными соседями. Между светскими верхами соседних государств во многом сохранялись отношения взаимной терпимости и взаимного интереса, характерные для предшествующего периода. Однако формирование в общественном сознании западных славян этого региона негативного образа Руси и ее веры не осталось без последствий. Именно воздействием этих представлений следует объяснить негативные черты той религиозной политики, которую стали проводить польские

правители на территории Галичины в середине XIV в.

Важнейшим конкретным результатом обострения религиозного антагонизма стало ослабление вплоть до прямого прекращения культурного общения между православными славянскими странами и латинским миром, тенденция к сведению общения между ними до минимума необходимых политических и экономических контактов. Ослабление и разрыв связей имели место как раз в ту эпоху, когда территория латинского мира превратилась в арену проведения крупных прогрессивных социальных преобразований, сильно изменивших традиционный облик латинского мира и способствовавших резкому ускорению его развития. Важнейшим негативным результатом обострения религиозных разногласий стало то, что воздействие этих прогрессивных перемен, происходивших в латинском мире, почти не сказалось на развитии православных славянских стран в XIII–XIV вв. Ирония истории состоит в том, что тяжесть негативных последствий разрыва легла вовсе не на ту сторону, благодаря инициативе и усилиям которой этот разрыв произошел.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Религиозные отношения в славянском мире сразу после разделения церквей в 1054 г.	8
Глава 2. Болгария и Сербия в церковной унии с Римом (первая треть XIII в.)	40
Глава 3. Болгария и Сербия на пути к конфронтации с латинским миром (30-е гг. XIII – начало XIV вв.)	85
Глава 4. Русь, ее западные соседи и папство в первой трети XIII века	120
Глава 5. Древняя Русь, ее латинские соседи и татарская угроза (40–50-е гг. XIII в.) ...	152
Глава 6. На пути к полной конфронтации между Древней Русью и латинским миром (вторая половина XIII – начало XIV вв.)..	174
Заключение	213

Борис Николаевич Флоря
У ИСТОКОВ РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА
СЛАВЯНСКОГО МИРА (XIII в.)

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Корректор *А. О. Брезман*

Оригинал-макет *В. С. Кучукбаев*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192019, СПб., пр. Обуховской Обороны, 13.

Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53

E-mail: aletheia@rol.ru

www.orthodoxia.org/aletheia

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9.

Тел. (095) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 29.01.2004. Формат 70×100^{1/32}.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7. Тираж 1200 экз. Заказ № 3082

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia